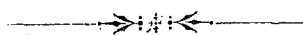

ЗАПИСКА

ГОТСКАГО ТОПАРХА.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Фридриха Вестберга.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 линія, № 12.

1910.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1910 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ „Византійскаго Временника“, т. XV (1908),
вып. 1 — 3.

Записка Готскаго Топарха.

Настоящій трудъ—не то переводъ, не то передѣлка моего нѣмецкаго изданія, вышедшаго въ 1901 году въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ (томъ V, № 2) подъ заглавіемъ: Die Fragmente des Toparcha Gothicus (Anonymus Tauricus) aus dem 10. Jahrhundert. Лишь по напечатаніи моего нѣмецкаго труда сдѣлались мнѣ доступными оставшіяся неизданными сочиненія: 1) Гедеонова Варяги и Русь, 3 часть, и 2) Куника Галиндо и Черноморская русь,—сочиненія, побудившія меня пополнить свой комментарий особою статьею, озаглавленною «Черноморская Русь». Затѣмъ я воспользовался указаніями Ѳ. Успенскаго въ его рецензій на мой рукописный трудъ, представленный на соисканіе преміи гр. Уварова. Наконецъ, ради полноты, помѣщаю кромѣ перевода Газе и Васильевскаго и свой переводъ Записки готскаго топарха.

ВСТУПЛЕНІЕ.

«Между небольшими по объему, но важными по значенію, литературными памятниками, относящимися къ исторіи древней Руси, нѣтъ болѣе загадочнаго, чѣмъ записка какого-то климатарха или готскаго топарха» (Куникъ). Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій фрагменты «Безыменнаго Таврическаго», — названіе данное автору записки въ 1871 году Куникомъ и переименованное имъ же въ 1874 году въ «Готскаго Топарха», — были предметомъ неоднократныхъ ученыхъ изслѣдованій въ Россіи и обратили на себя вниманіе даже за границей. Несмотря на это, все еще не успѣлъ разсѣяться таинственный мракъ, покрывающій нашъ документъ. Разъясненіе отрывковъ готскаго то-

парха затрудняется въ сильной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ записки, изъ желанія писать на классическомъ греческомъ языкѣ, избѣгаетъ употребленія возникшихъ позднѣе народныхъ именъ собственныхъ (*barbara sunt, — non scribuntur*). Ни области, въ которой происходятъ описанныя событія, ни выступающихъ на сцену лицъ и народовъ нельзя пока считать въ достаточной степени выясненными. И относительно хронологическаго опредѣленія, колеблющагося между концомъ IX и исходомъ X столѣтія, существуетъ большое разногласіе. Это обстоятельство придадо мнѣ смѣлости взяться за анализъ загадочныхъ фрагментовъ. Самъ Куникъ не разъ побуждалъ меня къ тому, тѣмъ болѣе, что я, владѣя познаніями по космографіи, могъ бы, по его мнѣнію, воспользоваться заключающимися въ 1. отрывкѣ астрономическими данными для болѣе точнаго опредѣленія времени, къ которому слѣдуетъ приурочить фрагменты. Кунику я также обязанъ важными библиографическими свѣдѣніями, такъ что нижеслѣдующій перечень всѣхъ сочиненій по нашему предмету надлежитъ признать болѣе или менѣе полнымъ. Чтобы дать мнѣ возможность провѣрить правильность моего нѣмецкаго перевода записки, Куникъ обратилъ мое вниманіе на ученаго византиниста Эд. Курца въ Ригѣ, который дѣйствительно съ предупредительной вѣжливостью и сдѣлалъ мнѣ рядъ интересныхъ указаній. Куникъ совѣтовалъ мнѣ также обратиться къ пользующемуся и среди историковъ извѣстностью астроному Вислиценусу, автору «*Astronomische Chronologie, Leipzig 1895*». Обширная переписка съ Вислиценусомъ насчетъ упомянутаго въ 1. отрывкѣ астрономическаго наблюденія помогла мнѣ проникнуть глубже въ смыслъ неудобопонятнаго мѣста, заключающаго астрономическія данныя. Лишь затѣмъ возможно было съ пользою приняться за вычисленіе, произведенное Я. Зейботомъ въ Пулковѣ.

Записка готскаго топарха была раньше 1815 года открыта знаменитымъ византинистомъ Газе въ сборникѣ, содержащемъ посланія св. Василія, Фаларида и св. Григорія Назіанзина и, снабженная латинскимъ переводомъ, издана имъ же въ комментаріи на сочиненіе Льва Діакона въ 1819 году. Въ 1818 году означеннаго кодекса уже не было болѣе въ Парижской Королевской библіотекѣ. Поэтому Куникъ предполагаетъ, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ драгоценнымъ рукописямъ, которыя послѣ второго Парижскаго мира были возвращены ихъ прежнимъ владѣльцамъ. До сихъ поръ не удалось разыскать исчезнувшій сборникъ.

Содержаніе отрывковъ вкратцѣ слѣдующее. Первый фрагментъ: переправа черезъ замерзшій Днѣпръ, описаніе рѣки до и послѣ ея замерзанія, снѣжная буря, трудное путешествіе по вражеской странѣ. Второй фрагментъ: рѣшеніе топарха защищаться отъ варваровъ, характеристика варваровъ, укрѣпленіе топархомъ Климатовъ и заселеніе этой крѣпостцы. Третій фрагментъ, составляющій непосредственное продолженіе второго: набѣгъ варваровъ и ихъ отраженіе; приглашеніе лучшихъ людей на совѣщаніе въ Климаты и постановленіе собранія передаться подъ власть царствующаго на сѣверѣ отъ Дуная; поѣздка къ нему топарха и заключеніе договора къ обоюдному удовольствію.

ЛИТЕРАТУРА.

В. Hase. Leo Diaconus. Parisiis 1819, in-folio. Стр. 254—259. Это прекрасное произведеніе стало вскорѣ библиографической рѣдкостью, такъ какъ 150 экземпляровъ погибло по дорогѣ въ Россію вслѣдствіе кораблекрушенія. Вторично исторія Льва Діакона была издана въ Боннѣ (1828, in 8°). Въ этомъ изданіи наши отрывки занимаютъ стр. 496—505. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній относительно взглядовъ Газе на Записку привожу его подлинныя слова цѣликомъ:

Haec est illa Chersonis a Wladimiro Magno occupatio, quam Nestor Annal. 105. В. version. Scher. a. Christi 988. accidisse auctor est. Ad illustrandas res temporum illorum pertinent fortasse epistolaene dicam an commentarii fragmenta, servata in Cod. saec. X. exeuntis, S. Basilii, Phalaridis, S. Gregorii Nazianzeni epistolas varias continente. In hoc igitur Codice, qui fuit Bibliothecae Regiae, possessor, qui et legationem circa Danaprim obivit, et oppido praefuit, litteris minutis perplexisque admodum, nec multo quam Cod. ipse recentioribus folia duo vacua illeivit, multis verbis mutatis, inductis, superscriptis, ut dubitare non queas, eum hunc Cod., ut est exiguae molis, in expeditionibus secum portasse, pagellisque ejus vacuis ad epistolas commentariosque meditando esse usum. Dabo fragmenta quo ordine sunt in Cod.: tametsi legationem, de qua statim, non nisi post bellum accidisse facile dicas. Prius sic incipit imperfecte, de Danapris trajectu, glacierum fragmentis lintres transmittentium infestantis. — На стр. 500: Hic imperfecte desinit fragmentum prius. Sequitur post quadraginta circiter

folia alterum, eadem intricatissima manu, quod, ut est loco in Cod. posterius, ita praecedenti subjungo: tametsi fortasse ad tempus antecedens pertinet. Gens, cui dux ille, quisquis est, oppidum sibi commissum tradiderit, quae sit, viderint docti, temporum partiumque illarum cognitionem cum prudenti judicio conjungentes. Rem in Chersoneso Taurica geri declarat mentio Clematum facta: scriptura est ligata, quam vocant, saec. X aut XI.—На стр. 503 передъ послѣднимъ фрагментомъ: Sequuntur in folio alio abrupta illa, superioribus subjungenda.—На стр. 504—505: Desinit hic praeclarum illud plenumque rerum novarum fragmentum: quod si commentatio scriptiove, unde manat, integra aetatem tulisset, nae tunc haud paulo plus, quam nunc, sciremus de historia Chersonesi Tauricae in tenebris, ut ita dicam, jacente ab a. 950, circa quem Constantinus Porphyrogenneta scripsit, usque ad colonias Genuensium in hos tractus saec. XIII deductas.

Что касается латинскаго перевода Газе, то онъ нисколько не представляетъ лишь работу филолога (какъ утверждаетъ Куникъ), гнавшагося за щеголеватую латынью. Переводъ Газе, правда, не дословный; все же онъ точно передаетъ содержаніе записки, что особенно справедливо въ отношеніи къ самымъ важнымъ мѣстамъ, и въ общемъ, мнѣ сдается, надежнѣе русскаго перевода Васильевскаго. Въ такомъ же смыслѣ высказался и Эд. Курцъ.

Е. Поповъ. Исторія Льва Діакона. С.-Петербургъ 1820, стр. 193—197. Русскій переводъ слишкомъ вольный и потому непригоденъ для цѣлей историка. Поповъ мѣстами пропускаетъ цѣлыя фразы. Къ тому онъ, на что указываетъ Васильевскій, совсѣмъ не знаетъ византійскаго словоупотребленія: Какой либо попытки объяснить фрагменты Поповъ не сдѣлалъ.

B. v. Köhne. Beiträge zur Geschichte und Archaeologie von Chersonesus in Taurien. St. Petersburg 1848, p. 220—222; cf. Mém. de la Société d'Archéol. III, 66—68. Въ 1846 году Куникъ устно обратилъ вниманіе этого изслѣдователя на Записку готскаго топарха. Кѣне ставитъ содержаніе отрывковъ въ связь съ исторіею Херсона и подозреваетъ въ «варварахъ» русскихъ во время Цимисхія, во всякомъ случаѣ въ эпоху, предшествовавшую княженію Владимира Святого, такъ какъ нашъ историческій памятникъ не содержитъ ни малѣйшаго намека на взятіе Корсуни русскимъ княземъ и его крещеніе.

С. Геденовъ. Отрывки о Варяжскомъ вопросѣ. Приложение къ 1. тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ 1862, стр. 66—70.

По Гедеонову мѣсто совершенія описанныхъ во фрагментахъ событій находится въ области, расположенной между Корсунью и Керчью, въ промежутокъ времени отъ 969 до 971 года. Варвары, опустошавшіе крымское побережье, совпадаютъ, по его мнѣнію, съ (небывалою) Черноморскою Русью, а *rex ad septentrionem Istri dominans*—съ властителемъ великокняжеской Руси.—«Варяги и Русь», часть третья. Въ статьѣ XIII (стр. 165—172), озаглавленной: О черноморской Руси по запискѣ Таврическаго топарха, Гедеоновъ нѣсколько подробнѣе развиваетъ свои положенія, подвергая въ то же время критикѣ взгляды Ламбина, Иловайскаго, Куника и Васильевскаго, но не вноситъ ничего существенно новаго въ свое изслѣдованіе. Черноморская Русь Гедеонова (Отрывки 53—70 и Варяги и Русь 3 часть, статьи XI и XII, 135—172) это призракъ, долженствующій исчезнуть при болѣе внимательномъ отношеніи къ источникамъ. Къ сожалѣнію, эта вызванная къ временному существованію черноморская Русь успѣла ввести въ заблужденіе много видныхъ ученыхъ, въ томъ числѣ и Куника, такъ что не легко будетъ изгнать изъ науки русскую вольницу, яко-бы утвердившуюся задолго до 965 г. по обѣ стороны Керченскаго пролива. Въ своихъ «Замѣчаніяхъ» (Галиндо и Черноморская Русь) на сочиненіе Гедеонова, Куникъ на стр. 101 приводитъ нѣсколько его мелкихъ замѣтокъ, касающихся изслѣдованія Бурачкова о Запискѣ готскаго топарха.

A. Rambaud. L'empire Grec au dixième siècle. Paris 1870, p. 492, 493. Ср. Essai de chronographie byzantine par. E. de Muralt. St. Pétersbourg 1855, p. 569, 570. Фрагменты, по мнѣнію Rambaud, трактуютъ о республикѣ Херсонской.

Евг. Марковъ. Очерки Крыма. С.-Петербургъ 1872, стр. 266. Авторъ преждевременно воспользовался содержаніемъ отрывковъ для своей популярно изложенной книжки, при чемъ онъ не впопадъ ссылается на С. Соловьева (5 изд. 1 т. «Исторіи Россіи») и на «Древнерусскую исторію» Погодина, у которыхъ и помину нѣтъ о Запискѣ топарха.

Н. Ламбинъ. 1) Походъ Олега, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за іюль 1873 г., стр. 126. 2) О Тмутараканской Руси, тамъ же, 1874 г., часть 171, отд. 2, стр. 79—95. 3) Сравни тамъ же часть 174, отд. 2, стр. 83. Ламбинъ помѣщаетъ поле событій въ Крыму, отождествляетъ варваровъ съ русскими и царствующаго на сѣверѣ отъ Дуная съ великимъ княземъ Олегомъ; видитъ въ

народѣ, столь сильно пострадавшемъ отъ непріятелей, готовъ и полагаеть, что фрагменты восполняютъ пробѣлъ въ русской исторіи отъ 884 до 906 г., въ особенности время отъ 893—897 года.

Ф. Брунъ. 1) Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море, въ Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Томъ V, Одесса 1863, стр. 125. 2) Матерьялы для исторіи Сугдей, въ Новороссійскомъ календарѣ за 1872 годъ, стр. 8. 3) Черноморскіе Готы и слѣды ихъ долгаго пребыванія въ южной Россіи, въ Запискахъ Импер. Акад. Наукъ. Томъ 24. С.-Петербургъ 1874, стр. 26, 27, 29, 30, 31, 49. Сравни: Черноморье. Одесса 1879—80, I, 113 и II, 128, 215—239; и *Die Goten am Pontus und die Spuren ihres lange andauernden Aufenthaltes im südlichen Russland. Aus dem Russischen übersetzt von F. Remy.* Одесса 1879, p. 36, 40, 43. Брунъ приводитъ нашъ источникъ въ связь съ походомъ Владимира на Корсунь. Относительно «варваровъ» онъ колеблется между русскими, хазарами (Кабарами) и Черными уграми. Оригинально его объясненіе слова τὰ Κλήματα черезъ «виноградники».

А. (Эрнестъ) Куникъ. 1) О запискѣ Безымяннаго Таврическаго (Анонимус Таврикус), въ Отчетѣ о 14 присужденіи награды гр. Уварова. 25 сент. 1871, стр. 106—110. 2) О запискѣ Готскаго Топарха, въ Запискахъ Импер. Акад. Наукъ. Т. 24. С.-Петербургъ 1874, стр. 61—93, 116—127. 3) Гедеоновъ Отрывки стр. 124: О черноморскихъ Руссахъ. 4) Замѣчанія на сочиненія С. Гедеонова (Галиндо и черноморская Русь), статья V: Готва и черноморская Русь, стр. 345 сл. Вернулся ли Куникъ въ концѣ своего изслѣдованія еще разъ къ Запискѣ Готскаго топарха, объ этомъ судить невозможно, такъ какъ сочиненіе его обрывается на стр. 384. 5) Разбросанные въ различныхъ статьяхъ краткіе отзывы и намеки на наши фрагменты. Briefwechsel zwischen Akademiker Kunik — St. Petersburg und W. von Gutzeit—Riga in den Jahren 1876—1894, Riga 1899, p. 3—4. Bulletin Импер. Ак. Н. Томъ 27, 1881: Ergänzende Bemerkungen zu den Untersuchungen über die Zeit der Abfassung des Lebens des heiligen Georg von Amastris, p. 345—346. F. Braun, Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1889—1890. St. Petersburg 1890: Die letzten Schicksale der Krimgoten p. 79.

Въ своемъ обширномъ изслѣдованіи «О запискѣ Готскаго Топарха» Куникъ дошелъ въ общемъ до поразительныхъ по правильности своей результатовъ. По Кунику, родина нашего фрагментиста не Хер-

сонъ, а область «Готія», лежавшая къ востоку отъ Херсона и населенная по преимуществу готами; въ варварахъ Куникъ призналъ хазаръ, а въ царствующемъ къ сѣверу отъ Дуная видитъ великаго князя Святослава. Куникъ угадалъ даже время поѣздки топарха къ Святославу («не задолго до 965 года»). Къ сожалѣнію этотъ ученый отрекся потомъ отъ своихъ выводовъ, увлекшись Гедеоновскою Черноморскою Русью. До какой степени онъ поддавался внушеніямъ Гедеонова, видно изъ его Примѣчаній на сочиненія Гедеонова (или: Галиндо и Черноморская Русь), гдѣ особая статья «Вольная и великокняжеская Русь» посвящена этому вопросу (стр. 324—345). Увѣровавъ въ [мнимую] вольную черноморскую Русь (до 965 г.), Куникъ поступилъ весьма послѣдовательно, отказавшись отъ своей прочно обоснованной гипотезы о тождественности варваровъ съ хазарами въ пользу русскихъ. Все же Куникъ не смогъ успокоиться на этомъ домыслѣ и отъ времени до времени—о чемъ свидѣтельствуется его со мною переписка—возвращался къ отрывкамъ топарха; но связанный Черноморскою Русью, не былъ въ состояніи выйти на надлежащую дорогу и въ угоду своей призрачной вольной Руси сталъ не признавать въ хазарахъ воспріимчивости къ культурнымъ началамъ. Однако онъ и впоследствии болѣе всего останавливался на эпохѣ Святослава. Уже издавна Куникъ интересовался содержащимися въ 1. фрагментѣ астрономическими данными, которыя, какъ онъ надѣялся, могли бы дать твердую точку опоры для рѣшенія вопроса о хронологическомъ приуроченіи описанныхъ въ Запискѣ происшествій. Его попытка побудить астрономовъ исполнить эту задачу, не увѣнчалась успѣхомъ. Все же, въ общемъ, Куникъ сдѣлалъ столь многое для разъясненія загадочныхъ фрагментовъ, что его сочиненія по этому предмету навсегда останутся краеугольнымъ камнемъ для будущихъ изслѣдователей. Тѣ, которые послѣ Куника принимались за анализъ нашего памятника, къ сожалѣнію, не пошли по пути, проложенному лучшимъ знатокомъ древняго періода русской исторіи.

Д. Иловайскій. Разысканія о началѣ Руси. Москва 1882, стр. 57, 327—331, 404—405. Мы имѣемъ дѣло со сборникомъ, въ составъ котораго вошли статьи, написанныя авторомъ въ началѣ 70-хъ годовъ, при чемъ позднѣйшая литература оставлена имъ безъ всякаго вниманія. По Иловайскому Климаты лежатъ въ Корсунской области, а варвары отождествляются съ русскими временъ Игоря.

В. Васильевскій. 1) Русско-византійскіе отрывки IV. Записка

греческаго топарха, въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. за іюнь 1876, часть 185, стр. 368—434. 2) О построеніи крѣпости Саркела, тамъ же за октябрь 1889, часть 265, стр. 282—285. Въ первой своей обширной брошюрѣ Васильевскій даетъ намъ русскій (не безупречный) переводъ отрывковъ съ историко-филологическимъ комментариемъ, лингвистическій отдѣлъ котораго слѣдуетъ, за нѣкоторыми исключеніями, признать весьма цѣннымъ. Но напрасно Васильевскій, въ противоположность всѣмъ своимъ предшественникамъ, перемѣщаетъ поле дѣйствій, описанныхъ въ фрагментахъ, на нижнее теченіе Дуная, ко времени войнъ Святослава съ болгарами, и считаетъ τὰ Κλήματα за одно съ Κλεμάδες, крѣпостцой выстроенной Юстиніаномъ вблизи Оршовы. Отъ этого историческое поясненіе Записки у Васильевского страдаетъ такою сбивчивостью и запутанностью, что разобраться въ немъ крайне утомительно. Своимъ неудачнымъ перемѣщеніемъ мѣста Васильевскій подалъ сигналъ къ свободному полету фантазіи остальнымъ изслѣдователямъ нашего источника, которые съ тѣхъ поръ, безъ всякихъ зазрѣній совѣсти, переносятъ τὰ Κλήματα то на Дунай, то на Днѣпръ, то даже на Донъ, вполнѣ пренебрегая тѣми свѣдѣніями у Константина Багрянороднаго, которыми онъ насъ снабжаетъ относительно τὰ Κλήματα.

На мой запросъ Васильевскому, остается ли онъ при своихъ взглядахъ на Записку, я получилъ, незадолго до его кончины, любезный отвѣтъ отъ 1 марта 1899 г. слѣдующаго содержанія: «... Что касается моего теперешняго мнѣнія о запискѣ топарха, о времени и мѣстѣ дѣйствія, то признаюсь Вамъ, что я къ этому предмету не возвращался своими мыслями. Иногда только мнѣ приходило въ голову, что не дурно было бы навести справки въ посмертныхъ бумагахъ Газе, которыя хранятся въ Национальной библіотекѣ. Всего менѣе я стою за астрономическое толкованіе, такъ какъ въ сущности никакого изслѣдованія на этотъ счетъ не было сдѣлано... Я могу гордиться только тѣмъ, что первый напалъ на мысль о возможности призвать на помощь астрономію... Именно я настаиваю на томъ, что слово Κλήματα въ отрывкахъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ города; только этотъ городъ я отыскивалъ гдѣ-то далеко на Дунаѣ. Переправа на Днѣпрѣ можетъ быть гдѣ-угодно, не нарушая моей теоріи. Но Маврокастронъ есть, конечно, Аккерманъ. Вотъ все, что я могу сказать о своей статьѣ. Я не намѣренъ ни въ чемъ упорствовать, допускаю возможность ошибокъ въ переводѣ отрывковъ...» Къ счастью для

нашихъ фрагментовъ, предположеніе Васильевскаго относительно мѣста дѣйствія не нашло сочувствія у большинства изслѣдователей, а, напротивъ, вызвало, какъ и слѣдовало ожидать, полное осужденіе. Результаты астрономическихъ вычисленій въ свою очередь ниспровергають искусственную гипотезу Васильевскаго о полѣ дѣйствій топарха.

Во второй, полемической, статьѣ Васильевскій направляетъ свои удары противъ слишкомъ уже смѣлыхъ домысловъ Успенскаго, о чемъ см. ниже.

Пл. Бурачковъ. О запискѣ Готскаго Топарха, въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1877, часть 192, стр. 199 — 252. Весьма важно указаніе Бурачкова на мѣсто переправы топарха черезъ Днѣпръ (въ порожистой его части). При этомъ Куникъ особенно напираетъ на то, что Бурачковъ, какъ уроженецъ Приднѣпровья, имѣлъ полную возможность основательно ознакомиться съ рѣкою во всякое время года. Б. оспариваетъ историческое толкованіе Васильевскаго, но къ крайнему нашему удивленію помѣщаетъ съ своей стороны Климаты вблизи пороговъ Днѣпра. Доводы его отличаются значительной неясностью изложенія. Статья Б. осталась какъ-то незамѣченною многими учеными, занимавшимися послѣ него разработкой Записки, хотя она заключаетъ въ себѣ рядъ удачныхъ замѣчаній, какъ напримѣръ: Черную Болгарію не слѣдуетъ искать на Кубани, она лежала къ сѣверу отъ Крыма; ни у Константина Багрянороднаго, ни въ договорѣ 944 года нѣтъ рѣчи о русскихъ у Керченскаго пролива; около середины X вѣка Херсонская область не простиралась до Киммерійскаго Босфора; придуманный Бруномъ рѣчной путь между Днѣпромъ и Чернымъ моремъ не существовалъ на дѣлѣ...

W. Tomaschek. Ethnologische Forschungen I. Die Goten in Taugien. Wien. 1881, p. 33—38. Томашекъ присоединяется въ общемъ къ добытымъ Куникомъ результатамъ и позволяетъ себѣ расходиться съ нимъ лишь въ мелочахъ. Такъ, онъ не считаетъ Кіевъ цѣлью путешествія топарха, относитъ описываемыя происшествія къ 968 (либо 969) году, отождествляетъ τὰ Κλήματα съ готскимъ Daugôns, что лежитъ за Чартырдагомъ, и полагаетъ, что доходы, дарованные Святославомъ начальнику въ Климатахъ, составляли мытъ съ гавани Βαραγγολιμένα въ Тарханскомъ Кутѣ... Томашекъ того убѣжденія, что важные для исторіи Крыма фрагменты, за отсутствіемъ въ нихъ собственныхъ именъ, навсегда останутся темными и неразгаданными.

Впрочемъ, этотъ ученый въ письмѣ отъ 16 апрѣля 1901 г. высказалъ полное свое согласіе съ моимъ объясненіемъ Записки, исчерпывающимъ по его мнѣнію предметъ до основанія.

Ios. Lad. Pič. Der nationale Kampf gegen das ungarische Staatsrecht. Leipzig 1882 p. 83 примѣч. 13. Пичъ слѣдуетъ Васильевскому за исключеніемъ того, что побуждаемый (неправильнымъ) вычисленіемъ астрономическаго наблюденія, сдѣланнымъ Зейдлеромъ, отодвигаетъ изображенныя во фрагментахъ событія къ началу 90 годовъ X столѣтія. Указавъ на опредѣленіе времени византинистомъ Газе, Пичъ замѣчаетъ: «Другая точка опоры заключается въ извѣстїи, что во время переправы топарха черезъ Днѣпръ планета Сатурнъ была видна въ началѣ созвѣздія Водолея (Κρόνου δὴ καλουμένου· καὶ γὰρ ἔτιυχε περὶ τὰς ἀρχὰς διῶν ὑδροχόου) и заходила около полуночи (περὶ μέσας νύκτας . . . ἐσπέριον φάσιν ἤδη ποιῶντος); время года наконецъ можетъ быть приурочено къ исходу ноября мѣсяца, такъ какъ Днѣпръ только что покрылся льдомъ. Согласно обязательному вычисленію пражскаго профессора доктора А. Зейдлера, Сатурнъ во второй половинѣ X вѣка два раза находился въ созвѣздіи Водолея (310° — 320° эклиптики), а именно между 961 и 963 г. ($302\frac{1}{2}^{\circ}$ — $328\frac{1}{2}^{\circ}$) и 991—992 ($310\frac{1}{2}^{\circ}$ — $322\frac{1}{2}^{\circ}$); къ концу 961 года однако Сатурнъ восходилъ и заходилъ одновременно съ солнцемъ и потому былъ невидимъ; въ ноябрѣ же 991 г. онъ заходилъ около полуночи». Заключение Зейдлера не выдерживаетъ критики въ виду неправильности его посылокъ. Наблюденіе происходило не ночью, а вечеромъ. Важное свѣдѣніе ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος sole brumalia signa permeante оставлено безъ вниманія. Зимніе знаки—это время отъ зимняго солнцестоянія до весенняго равноденствія. Подъ началомъ Водолея Зейдлеръ понимаетъ ϵ и μ этого созвѣздія, между тѣмъ какъ Сатурнъ попасть сюда никогда не можетъ. Къ тому слова καὶ γὰρ ἔτιυχε περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτὸς διῶν ὑδροχόου допускаютъ еще иное толкованіе (ибо онъ находился какъ разъ въ началѣ своего прохожденія черезъ Водолея), толкованіе, весьма удачное съ астрономической точки зрѣнія. Словомъ, вычисленіе Зейдлера, произведенное на основаніи превратно понятыхъ данныхъ, оказывается вполнѣ несостоятельнымъ. Такого же мнѣнія В. Вислиценусъ въ Страсбургѣ и Я. Зейботъ въ Пулковѣ.

П. Голубовскій. Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ. Исторія южнорусскихъ степей въ IX—XIII вѣкахъ. Кіевъ 1884, стр. 201—205. По Голубовскому Маврокастронъ (въ 1 отрывкѣ)

совпадаетъ съ Кара-Керманъ (Черный городъ) на Южномъ Бугѣ. Голубовскій возстаетъ противъ мнѣнія Васильевскаго, будто Маврокастронъ тождественъ съ Аккерманомъ (Бѣлый городъ). Въ противоположность Васильевскому онъ считаетъ Боріонъ не за греческое, а за славянское поселеніе. Этими краткими замѣчаніями ограничивается Голубовскій, не вдаваясь въ подробный анализъ Записки, извѣстной ему только по русскому переводу Васильевскаго.

Ө. Успенскій. Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв. (Кіевская Старина, ежемѣсячный историческій журналъ. Годъ восьмой. Томъ XXV, 1889 годъ, стр. 253—254, 264—269, 273—280, 285—299). Заслуженный ученый приурочиваетъ содержаніе Записки къ 903 или же 904 годамъ, отождествляетъ царствующаго на сѣверъ отъ Дуная съ Симеономъ, царемъ болгарскимъ, переноситъ Климаты на Донъ и усматриваетъ въ авторѣ отрывковъ византійскаго полководца, коего задача будто заключалась въ расширеніи греческихъ владѣній и въ усиленіи византійскаго вліянія на югъ нынѣшней Россіи. Черезъ-чуръ смѣлая, идущія нерѣдко въ полный разрѣзъ съ историческими свидѣтельствами предположенія Успенскаго,—такъ напримѣръ, онъ построеніе Саркела относитъ совершенно произвольно къ времени Льва Мудраго, видитъ въ Саркелѣ византійскую крѣпость и готовъ принять архитектора Петрону за нашего фрагментиста,—нашли саркастическій отпоръ со стороны Васильевскаго. Въ такомъ же духѣ отозвался на взгляды Успенскаго и Куникъ въ письмѣ отъ 14 янв. 1898 г. Попытка Ласкина (Сочиненія Константина Багрянороднаго, переводъ Г. Ласкина. Москва 1899, стр. 224—225) отстоять мнѣнія Успенскаго не заслуживаетъ одобренія.—Не лишенъ интереса приложенный въ концѣ статьи Успенскаго рисунокъ, изображающій прохожденіе Сатурна черезъ созвѣздіе Водолея въ началѣ X вѣка, по вычисленіямъ Одесскаго астронома А. Кононовича.

F. Braun. Die letzten Schicksale der Krimgoten. (Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule für 1889 — 1890. St. Petersburg 1890, p. 18 — 20 и 79). Браунъ держится взглядовъ Куника на Записку.

Kuhn. Рефератъ лекціи Куна: Ueber neuere Forschungen zur Geschichte der Gothen in der Krim, въ приложеніи къ Allgemeine Zeitung 1891 № 336, München, Freitag, 4. December. Beilage-Nummer 284, p. 7. Крымскіе готы соединяются въ X вѣкѣ съ «Ros» (русскими).

R. Loewe. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere, Halle 1896, p. 217—218. Авторъ слѣдуетъ Кунику (по Томашеку и Брауну).

П. Милуковъ. Время и мѣсто дѣйствія записки греческаго топарха. (Труды 8 Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1890. Томъ III. Москва 1897, стр. 278—289). Милуковъ отвергаетъ палеографическое опредѣленіе времени у Газе. Онъ комбинируетъ домыслы Васильевскаго и Успенскаго. вмѣстѣ съ Васильевскимъ онъ вступается за низовья Дуная, какъ мѣсто дѣйствія, вмѣстѣ съ Успенскимъ подозрѣваетъ въ могущественномъ монархѣ царя Симеона и имѣетъ въ виду время между 893 и 913 годами. У Милукова перепечатанъ сполна греческій текстъ съ переводомъ Васильевскаго. Краткое извлеченіе его статьи помѣщено въ Византійскомъ Временникѣ, томъ V, стр. 549.

H. Schneiderwirth. Zur Geschichte von Cherson (Sebastopol) in Taurien (Krim). Berlin 1897, p. 39. По автору, коснувшемуся слегка нашей Записки, многія подробности никакъ не подходятъ къ Херсону, какъ напр. жалоба жителей, что они никогда не пользовались благодѣяніями императора. Относительно мѣста дѣйствія Шнейдервиртъ склоняется къ Балканскому полуострову, въ чемъ случайно сходится съ Васильевскимъ, а въ варварахъ видитъ скорѣе печенѣговъ, нежели русскихъ.

K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2. Aufl. München 1897, p. 268—269. Крумбахеръ наравнѣ съ другими учеными придаетъ отрывкамъ крымскаго топарха большое значеніе въ отношеніи исторіи, географіи и этнографіи древнѣйшаго періода русской исторіи. По Крумбахеру Записка написана поразительно ловкимъ и юмористически окрашеннымъ языкомъ. На мой запросъ, во что ставить палеографическое опредѣленіе у Газе, я получилъ отъ знаменитаго византиниста слѣдующее обязательное сообщеніе отъ 4 ноября 1898 года: . . . главное затрудненіе заключается въ томъ, что развитіе почерка въ различныхъ мѣстахъ различное и что мы еще далеки отъ различенія рукописей по мѣстамъ ихъ происхожденія. Къ этому присоединяется то обстоятельство, что вслѣдствіе незнанія нами возраста переписчиковъ, время можетъ раздвинуться на полвѣка. Еще въ новѣйшее время неоднократно ошибались на цѣлыя столѣтія. Тѣмъ возможнѣе были промахи въ то время, когда Газе издавалъ топарха!—Согласно указаніямъ Крумбахера мы поступимъ правильнѣе, если бу-

демъ держаться второго болѣе общаго опредѣленія времени у Газе: *scriptura est ligata, quam vocant, saec. X aut XI.*

Ю. Кулаковскій. Записка Готскаго топарха, въ Журналѣ М. Н. Пр. 1902 г. Апрѣль, стр. 449—459. Въ этой рецензій на мое нѣмецкое изданіе авторъ высказывается въ пользу Крарійской переправы черезъ Днѣпръ, склоненъ признать въ Климатахъ горный Крымъ и считаетъ лишь вѣроятнымъ, что въ Запискѣ «мы имѣемъ матеріаль для уясненія отношеній Кіевской Руси къ Крыму, но ключъ къ разгадкѣ самаго смысла событій все еще не найденъ и анонимъ, помимо своей безымянности, все еще остается таинственнымъ». На стр. 456 Кулаковскій, замѣчая вскользь, страннымъ образомъ выдаетъ Селину Константина Б., т. е. Сулинскій рукавъ Дуная, за притокъ Днѣпра.

К. Крумбахеръ въ *Byzant. Zeitschr.* X. 3 и 4, стр. 657—8, дѣлаетъ краткое сообщеніе о моемъ трудѣ, замѣчая въ заключеніе, что несмотря на основательный пересмотръ вопроса о Запискѣ, все-таки остается много темнотъ, зависящихъ отъ неопредѣленности показаній автора отрывковъ.

Ө. Успенскій. Отчетъ о сорокъ четвертомъ присужденіи наградъ графа Уварова. С.-Петербургъ 1904, стр. 243—262. Мой многоуважаемый рецензентъ приходитъ къ слѣдующему результату: . . . «или нужно время описываемыхъ событій отнести къ IX вѣку или перенести ихъ изъ Крыма къ Дунаю, или на Донъ». Къ сожалѣнію, главное предположеніе, отъ коего исходитъ Успенскій, опять-таки весьма смѣлое. Онъ считаетъ наши отрывки за эксерпты изъ какого-то обширнаго трактата о придунайскихъ областяхъ, при чемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ приписываетъ мнѣ мнѣніе, противъ котораго я же вооружаюсь, мнѣніе, будто я вмѣстѣ съ Газе усматриваю въ отрывкахъ *путевыя* записки топарха. Предположеніе Успенскаго вполнѣ противорѣчитъ непосредственному наблюденію издателя рукописи, который, судя уже по одному только внѣшнему виду, призналъ ее подлинною и счелъ за *путевыя* замѣтки топарха. Послѣднее заключеніе, хотя и не оправдывается, все же цѣнно тѣмъ, что обнаруживаетъ полную увѣренность знаменитаго византиниста въ томъ, что передъ нимъ автографъ, оригиналь, а не копія, не эксерпты изъ другого сочиненія, какъ полагаетъ Успенскій. Другая ошибка заключается въ томъ, что мой рецензентъ безъ всякой основательной причины усматриваетъ въ авторѣ Записки непременно *византійскаго* чиновника. Наконецъ, Успенскій, подобно Кулаковскому,

не смогъ совладать съ астрономическимъ отдѣломъ моего изслѣдованія. Хотя въ общемъ выясненіе нашей Записки не подвинуто впередъ Успенскимъ, а, напротивъ, вопросъ о загадочныхъ фрагментахъ только еще болѣе запутался благодаря его рецензій, все таки онъ дѣлаетъ рядъ отдѣльныхъ вѣскихъ замѣчаній, дающихъ новое освѣщеніе Запискѣ въ нѣкоторыхъ ея частностяхъ.

1. Отрывокъ.

I ГЛАВА.

§ 1. δυσχερῶς κατήγετο, καίτοι μὴ πλείους τριῶν ἀνδρῶν ἐκάστου σφῶν δεχομένου· οὕτω πάνυ φαυλότατα ἦν. Ἄλλ' οὐδὲ ταῦτα ὁμῶς χώραν εἶχε παρὰ τῷ ρεύματι· πολλὰ γὰρ αὐτῶν ἐπὶ μεγίστοις πάγῳις δυσὶ συνηράσσετο καὶ ξυνέπιπτε· καὶ ὄσαχού τοῦτο ξυμβαίη, ἐκπηδῶντες¹⁾ τοῦ πλοίου οἱ ἐν αὐτῷ²⁾ τῷ πάγῳ καθήντο, καὶ ὡς ἐφ' ὀλκάδος ἐφέροντο. Ἐνια δὲ αὐτῶν καὶ κατέρραξεν ὑποβρύχια· οὕτως ἄρα χαλεπαίνων ὁ Δάναπρις ἐτύγχανεν.

дυσχερῶς κατήγετο: они (суда) съ трудомъ приставали. Выраженіе «приставать» не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ «причаливать», какъ будто причаливаніе къ берегу было особенно затруднительно. Нѣтъ, здѣсь авторъ желаетъ сказать, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, что самая переправа черезъ рѣку съ одного берега на другой была сопряжена съ большою опасностью, такъ что, пожалуй, смыслъ фразы лучше передать словами: «они съ трудомъ достигали берега (доѣзжали)». Невозможно рѣшить вопросъ о томъ, какой собственно берегъ имѣется въ виду: тотъ ли, на которомъ стоялъ топархъ, или противоположный; вѣроятно — послѣдній. Кто такіе были путники, знать нельзя.

Ἄλλ' οὐδὲ ταῦτα ὁμῶς χώραν εἶχε παρὰ τῷ ρεύματι. Дословно: Но даже такіе (жалкіе челноки) все-таки не имѣли мѣста у потока (въ потокѣ). Слѣдующая за тѣмъ фраза вполне поясняетъ мысль топарха. Рѣка, покрытая густыми массами льду, не давала простора движенію лодокъ. Понятно, что конный караванъ топарха (см. ниже) не могъ рѣшиться на переправу черезъ бурную рѣку.

1) ἐκπηδόντες Cod.

2) Videtur deesse aliquid vel hic, vel post οἱ.

... συνηράσσετο καὶ ξυνέπιπτε. Переводъ Васильевскаго: «ибо многіе изъ нихъ (судовъ) попадали между двумя величайшими льдинами и начинали тонуть», не точно передаетъ смыслъ предложенія. Суда спирались двумя громаднѣйшими льдинами и сдавливались ими. Что при этомъ лодки съ пассажирами начинали тонуть, вполне естественно; но этого нѣтъ въ греческомъ текстѣ. Насе переводитъ правильно: *collisis atque contritis*. Передача этого мѣста у Васильевскаго обуславливается, мнѣ кажется, его особеннымъ толкованіемъ слѣдующей фразы: Ἐνια δὲ αὐτῶν καὶ κατέρραξεν ὑποβρύχια «А нѣкоторыя изъ нихъ (судовъ) разбились и были поглощены водою», между тѣмъ какъ у Газе стоитъ: *Aliae lintres vel hauriebantur fluctibus*. Дословно (по Курцу): «а нѣкоторыя изъ нихъ онъ (потокъ) увлекъ съ собою внизъ поглощенные водою». Отъ этихъ-то судовъ авторъ отличаетъ незначительное число лодокъ, имѣвшихъ другую участь. Въ то время какъ «многія» суда затертыя разбились о ледяныя глыбы, при чемъ экипажъ ихъ успѣлъ спастись, дѣло обошлось иначе съ немногими (ἔνια) изъ нихъ: они вмѣстѣ съ пассажирами пошли ко дну. Такъ я понимаю греческій текстъ. Прошу обратить вниманіе на то, что за Ἐνια δὲ αὐτῶν καὶ κατέρραξεν ὑποβρύχια слѣдуютъ слова οὕτως ἄρα χαλεπαίνων ὁ Δάναπρις, подтверждающія, какъ мнѣ кажется, мое толкованіе. Видно, что не столько отъ густыхъ массъ льду, сколько отъ сильнаго волненія воды, «нѣкоторыя» изъ лодокъ потерпѣли крушеніе. Не такъ понимаетъ Васильевскій это мѣсто. «Нѣкоторыя» суда, по его мнѣнію, разбились и потонули, между тѣмъ какъ «многія изъ нихъ» попадали между величайшими льдинами и лишь начинали тонуть, причемъ однако не пошли ко дну. Что эти суда остались цѣлы, трудно предположить, въ видѣ словъ συνηράσσετο καὶ ξυνέπιπτε. Въ текстѣ говорится, что пассажиры выскакивали изъ нихъ, садились на льдины и ѣхали на нихъ какъ на плотахъ. Пользовались ли они позднѣе этими, по меньшей мѣрѣ, поврежденными судами, объ этомъ авторъ молчитъ.

§ 2. Ἡμεῖς δὲ αὐτοῦ χαλεπώτερον καὶ ἐπὶ πλείστον προσεδεχόμεθα, καὶ ἡμεν ὥσπερ ὀργιζόμενοι κατ' αὐτοῦ, τῷ μὴ πεπῆχθαι. Καὶ οὐ πολλὰς πω ὕστερον ἡμέρας τὸ ὕδωρ ἀπανταχῆ πέπηκτο, καὶ ἐπὶ μέγα ἦν ἰσχυρόν· ὡς καὶ πεζῆ καὶ ἵπποις ἀφόβως ἰέναι κατὰ τοῦ ρεύματος, καὶ ἀγῶνας ὡς ἐπὶ πεδίων ἀνδρικῶς ἀγωνίζεσθαι.

Ἡμεῖς δὲ αὐτοῦ χαλεπώτερον... Курцъ переводитъ χαλεπώτερον весьма остроумно: «А мы ждали еще болѣе сердитые, чѣмъ онъ»

(Днѣпръ). Курцъ предполагаетъ здѣсь игру словъ: χαλεπαίνων ὁ Δάναπρις и ἡμεῖς χαλεπώτερον.

Все же я предпочитаю переводъ Газе и Васильевского.

οὐ πολλάς πω ὕστερον ἡμέρας дословно: «еще не много дней спустя», т. е. уже нѣсколько дней спустя.

(τὸ ὕδωρ) ἐπὶ μέγα ἦν ἰσχυρόν. Газе: erat aqua. tum mirifice firma. Васильевскій: «вода. . . превратилась въ такую твердую поверхность». Эд. Курцъ понимаетъ ἐπὶ μέγα иначе, въ смыслѣ «на большемъ пространствѣ», противъ чего врядъ ли возможно возражать съ лингвистической точки зрѣнія. Но такому пониманію текста нѣсколько мѣшаетъ предыдущее предложеніе τὸ ὕδωρ ἀπανταχῆ πέπηκτο. Равнымъ образомъ и слѣдующая фраза лучше согласуется съ «mirifice» у Газе: «такъ что и пѣшкомъ, и на коняхъ можно было безъ страха идти по рѣкѣ и состязаться здѣсь бодро въ бояхъ, какъ будто на равнинѣ».

Удивленіе топарха прочности ледяного покрова и дѣтски-наивное разсужденіе о поразившемъ его явленіи, выдаютъ южанина, которому невиданное зрѣлище огромной замерзшей рѣки было въ диковинку. Нельзя ли отсюда вывести заключеніе, что родину его не слѣдуетъ искать ни на Дунаѣ, ни на Днѣпрѣ, ни на Дону? .

§ 3. Καὶ καθάπερ τις θαυματοποιῶν ὁ Δάναπρις ἐδέδεικτο, βαρὺς μὲν καὶ χαλεπὸς τὸ πρὶν αἰωρούμενος¹⁾, καὶ μονονουχί τοὺς εἰς αὐτὸν ὄρωντας πάντας φοβῶν· μετὰ δὲ μικρὸν ἀνεῖναι τε, καὶ τοσοῦτον μαλακισθῆναι, ὡς ὑφ' ἀπάντων παίζεσθαι τε καὶ καταπεπατῆσθαι, ὑπόγειός τις ὡσπερεὶ δεικνύμενος, ὑπὸ κατάδυσίν τινα ἑαυτὸν καθιδρύσας.

Изъ описанія Днѣпра и впечатлѣнія, произведеннаго имъ на топарха, явствуетъ, что эта могучая рѣка представлялась ему въ видѣ бурнаго и стремительнаго потока. Днѣпръ вздымался, злясь и гнѣваясь, но не отъ дѣйствія вѣтра, на что нѣтъ ровно никакого намека. Лишь нѣсколько дней спустя послѣ переѣзда черезъ ставшую рѣку поднялся сильный сѣверный вѣтеръ, перешедшій затѣмъ въ ужасную бурю. Даже если принимать въ расчетъ риторическое преувеличеніе со стороны автора, мы не въ состояніи освободиться отъ впечатлѣнія, что рѣчь идетъ не о медленно и спокойно текущихъ водахъ, а напротивъ о дикомъ и бурномъ потокѣ. Эти соображенія невольно наводятъ на мысль, что описаніе взволнованнаго Днѣпра не подходитъ къ ниж-

1) αἰωρούμενος Cod.

нему теченію съ его медленнымъ и незначительнымъ паденіемъ.—Наглядное изображеніе рѣки до и послѣ замерзанія, изумленіе передъ столь внезапно преобразившимся Днѣпромъ свидѣтельствуяютъ безспорно въ пользу предположенія, что топархъ незнакомъ былъ съ своеобразными явленіями сѣверной зимы, всегда сильно дѣйствующими на воображеніе южанъ. Поэтому мы могли бы помѣстить родиву составителя Записки въ странѣ, что не холоднѣе южнаго побережья Таврическаго полуострова.

§ 4. Οὐ γὰρ ὕδασιν οὕτω νάουσιν ἐφκει τὰ ρεύματα, ἀλλ' ὄρη σκληρά¹⁾ τινὰ καὶ λιθώδη μᾶλλον ἐδέδεικτο. Τί γὰρ ἴσεν ἢ εἰσὶν τὸ καταφερόμενον ἐκεῖνο καὶ ὕδατι;

Никто изъ изслѣдователей, за исключеніемъ Бурачкова, не обратилъ должнаго вниманія на характеристическое описаніе Днѣпра до и послѣ его замерзанія, а между тѣмъ оно даетъ ключъ къ разрѣшенію не одной загадки. Бурачковъ, знатокъ Приднѣпровья, такъ высказывается на стр. 208 своего сочиненія:

«Достаточно одного знанія мѣстности, чтобы прійти къ заключенію, о томъ, что картина, изображенная топархомъ, относится къ порожистой части Днѣпра, гдѣ онъ, вслѣдствіе высоты паденія, достигаетъ наибольшей быстроты теченія. Описывая пороги, Константинъ говоритъ, что вода, ударяясь о крутыя скалы, подымающіяся изъ середины рѣки, волнуется, и потомъ низвергаясь наводитъ ужасъ; то же самое ощущеніе испытывалъ и топархъ. Только здѣсь Днѣпръ замерзаетъ такъ, какъ описано у топарха; что же касается до низовьевъ Днѣпра, то тамъ, при извѣстной точкѣ пониженія температуры, поверхность воды покрывается одновременно сплошнымъ и ровнымъ льдомъ. Тѣ суровыя и окаменѣлыя горы, о которыхъ говоритъ топархъ, бываютъ видимы только въ порогахъ, гдѣ быстрота теченія, увлекающая образующійся на поверхности ледъ, дробитъ его о камни и нагромождаетъ изъ него цѣлыя горы по берегамъ. Въ порожистой части Днѣпра переправа по льду устанавливается гораздо позже и тогда только, когда впереди несомый отъ пороговъ ледъ не находитъ уже свободнаго пространства двигаться далѣе. Ниже пороговъ никогда не случается, чтобы льдины, которыя въ состояніи выдерживать людей, плавали бы свободно на его поверхности, какъ описано у топарха; но эта особенность замерзанія Днѣпра есть обыкно-

1) Haec sunt tam intricata scripta, ut nescias utrum σκληρὰ an σκιερὰ legendum sit.

венное въ порогахъ явленіе. Такимъ образомъ, достаточно было простаго прочтенія записки топарха знакомому съ мѣстностью, чтобы опредѣлить пунктъ его переправы чрезъ Днѣпръ».

Бурачковъ въ своемъ поясненіи ссылается также на слѣдующія сочиненія: Шмидтъ, Херсон. губ., стр. 172 — 175 и Матер. для статист. рѣчн. судоход. С.-Пб. 1872, стр. 64—67.

Я же съ своей стороны получилъ, благодаря обязательному посредничеству Правленія Кіевскаго Округа Путей Сообщенія, отъ инспектора судоходства рѣки Днѣпра, исп. обяз. начальника Екатеринославскаго Отдѣленія, слѣдующее увѣдомленіе, помѣченное 6 окт. 1898 г. за № 1983: . . . «приводимые въ семь писемъ характерные признаки замерзанія рѣки Днѣпра слѣдуетъ отнести къ порожиистой части рѣки Днѣпра, гдѣ дѣйствительно, вслѣдствіе зажоровъ льда, образуются иногда цѣлыя ледяныя горы, высотой въ пятиэтажный домъ, загораживающія рѣку на протяженіи всей ея ширины».

Выясненіе мѣста переправы черезъ Днѣпръ останется неотъемлемою заслугою Бурачкова. Какъ жаль, что его статья ускользнула отъ вниманія Успенскаго (Кіевская Старина).

Отчего Кулаковскій (456) не придалъ значенія разъясненіямъ Бурачкова, а Успенскій (Отчетъ) обходитъ ихъ полнымъ молчаніемъ? Потому что по ихъ предвзятому мнѣнію мѣсто переправы было въ низовьяхъ Днѣпра. Кулаковскій удивительнымъ образомъ усматриваетъ въ ὄρη λεώδη нанесенныя метелью сугробы снѣга, забывая, что, какъ только рѣка стала, топархъ немедленно переправляется на другой берегъ и что снѣжная буря разразилась лишь нѣсколько времени спустя послѣ переѣзда топарха черезъ Днѣпръ, а Успенскій (245) требуетъ отъ автора фрагментовъ такого же описанія пороговъ, какое далъ Константинъ Багрянородный, при чемъ типичныхъ чертъ Днѣпра у пороговъ, приведенныхъ топархомъ, очевидно ни во что не ставитъ и кромѣ того упускаетъ изъ виду, что начала, гдѣ быть можетъ и стояло болѣе подробное описаніе пороговъ, не хватаетъ у нашего отрывка. Успенскому кажется страннымъ, что топархъ то говоритъ о горахъ, то о равнинѣ, забывая, что именно такое сочетаніе замѣчается зимою въ порожиистой части Днѣпра, гдѣ выше и ниже пороговъ, около которыхъ спираются и нагромождаются льдины, разстилаются ровныя пространства. Кулаковскому, какъ кажется, неизвѣстно, что кромѣ Крарійской переправы (у Кичкаса), приходящейся непосредственно за порогами къ сѣверу отъ Хортицы, существовали

еще другія мѣста переправъ. Изъ Боплана и Ласоты, на которыхъ даромъ ссылается Кулаковскій, именно явствуется, что у Кичкаса была не единственная, а лишь самая лучшая переправа. Про Кичкасъ Бопланъ говоритъ: *c'est là le plus grand et commode passage qu'ayent les Tartares, tant qu'en ce lieu, le canal ne peut pas avoir plus de 150 pas*, а Ласота замѣчаетъ, что здѣсь, у Кичкаса также татарская переправа. Отчего нашъ топархъ вмѣсто обычной и удобнѣйшей дороги черезъ Днѣпръ избралъ другое мѣсто, мы не знаемъ. Отрицать же возможность переправы черезъ Днѣпръ въ иномъ мѣстѣ и утверждать: «по картѣ путь въ Крымъ изъ Кіева черезъ пороги является прямой безсмыслицей», наводитъ на мысль, что Кулаковскій не потрудился взять въ руки карту, чтобы разыскать на ней Кичкаса (Эйнлаге).

Чтобы убѣдиться въ томъ, происходятъ ли зажоры льда у Кичкаса, гдѣ Кулаковскій помѣщаетъ мѣсто переправы топарха черезъ Днѣпръ, я обратился къ Инспектору судоходства по рѣкѣ Днѣпру и я получилъ отъ Помощника Начальника Екатеринославскаго Отдѣленія по 1-му участку письмомъ отъ 19/ХІІ 1902 г. слѣдующее обязательное сообщеніе: «Зажоры льда у Кичкаса (Эйнлаге) возможны только ниже пристани на участкѣ до начала Хортицкаго острова, усѣянномъ множествомъ камней; выше же Кичкасъ рѣка глубока (свыше 20 с.) и свободна отъ камней, а потому и зажоровъ не бываетъ». Изъ этого сообщенія видно, что у Кичкаса, на значительномъ разстояніи вверхъ и внизъ по рѣкѣ, не могла образоваться панорама, такъ сильно поразившая воображеніе топарха.

2 ГЛАВА.

§ 1. Ὅθεν ἡμῖν τὸ κατηφές εἰς χαρὰν μεταβέβλητο· καὶ χεῖρας ἀνακροτήσαντες ἰκανῶς προσίμεν¹⁾ κατὰ πέλαγος ἵππασάμενοι. Ἀκωλύτως τε διαβάντες καὶ κατὰ τὴν κώμην γενόμενοι τὴν Βοριῶν, πρὸς εὐωχίαν ἐτρέπημεν καὶ ἵππων ἐπιμέλειαν, ἠπορημένων καὶ αὐτῶν καὶ καταπεπονημένων ὡς πλεῖστον. Κάκει ἡμέρας ὅσον ἀναλαβεῖν ἑαυτοὺς διατρέψαντες, ὡς πρὸς τὸ Μαυρόκαστρον χωρεῖν ἠπειγόμεθα.

προσίμεν κατὰ πέλαγος ἵππασάμενοι *proxime accessimus, per aequos equitantes*. Васильевскій: «мы подошли ближе и конные вступили на

1) Leg. προσήειμεν.

рѣку». Мнѣ теперь кажется, что смыслъ этой фразы такой: «мы тронулись впередъ на коняхъ по (водной) глади».

χώμη Βοριών селеніе Боріонъ или Воріонъ. На стр. 208/209 Бурачковъ замѣчаетъ слѣдующее:

«Г. Васильевскій желалъ найдти подходящее названіе въ позднѣйшей русской номенклатурѣ поселеній по всему теченію Днѣпра, начиная отъ Кіева до лимана, и остановился на Бургунѣ вблизи Херсона, тогда какъ имя Боріона или Воріона должно имѣть связь съ однимъ изъ пороговъ. По гречески Βορός значитъ прожорливый, ненасытный, —отсюда и произошло названіе селенія Βοριών—отъ Ненасытецкаго порога. Отголосокъ греческаго названія сохранился по сию пору въ слѣдующей за Ненасытецкимъ порогомъ Вороновой заборѣ и р. Вороной. . . Для окончательнаго рѣшенія этого вопроса мы позволяемъ себѣ указать этимологамъ на церковно-славянское слово вора, означающее преграду. . . Такимъ образомъ, названіе Вороновой заборы указывало бы на древность своего происхожденія и на связь съ древне-угорскимъ Woga».

Не мѣшало бы вспомнить здѣсь о названіяхъ Днѣпра: Борисоенъ, Варъ (Иорданисъ) и Варухъ (Константинъ Б.). Ср. Вороталмать у того же К. Б.

У Звонецкаго порога, гдѣ русло рѣки сильно суживается, я полагаю переправу топарха и ставлю въ связь его селеніе Воріонъ съ рѣкою Вороной, лѣвымъ притокомъ Днѣпра, впадающимъ въ него южнѣе Звонецкаго порога противъ острововъ Козлова и Ткачева. Чтобы удостовѣриться въ томъ, существуютъ ли въ этомъ мѣстѣ необходимыя условія для болѣе или менѣе удобной переправы, я навелъ справки у Инспектора судоходства по Днѣпру и получилъ указаннымъ выше письмомъ отъ 19/XII 1902 г. въ отвѣтъ: «Переправа черезъ Днѣпръ ниже Звонецкаго порога, выше Тягинской заборы и острова Козлова возможна во всякое время года — зимою по льду, такъ какъ эти мѣста почти до самаго дна забиты льдомъ, а по вскрытіи рѣки до самаго ея замерзанія на лодкахъ и дубахъ (большія лодки) при опытныхъ рулевыхъ изъ мѣстныхъ жителей; во время сильнаго ледохода переправа временно прекращается».

Относительно произношенія слова Βοριών Куникъ (Записка Готскаго Топарха, стр. 125/126) говоритъ: «Селеніе на лѣвомъ берегу Днѣпра называлось ли Боріонъ, или Воріонъ, рѣшить невозможно. Встрѣчается у древнихъ писателей форма τὸ Βόρειον (Pape's WB der

griechischen Eigennamen. 3-te Aufl.). Достоянно замѣчанія, что у Плинія одно изъ сѣверныхъ устьевъ Дуная называется *Borionstoma*. Достовѣрнымъ можетъ считаться только то, что *Borion* находился у пороговъ Днѣпра. Вопросъ, на какомъ именно берегу: на лѣвомъ или правомъ, лежало селеніе, будетъ разбираться ниже.

ἵππων . . . καταπεποιημένων ὡς πλείστον jumenta . . . ex majori parte defecerant. Передача *ὡς πλείστον* словами *ex majori parte* врядъ ли вѣрна.

Κάκει ἡμέρας ὅσον ἀναλαβεῖν ἑαυτοὺς διατρίψαντες confectis ibi diebus aliquot necessariis ad vires reparandas. Къ *ἡμέρας*, поставленному, по мнѣнію Газе, въ винительномъ падежѣ множ. ч., онъ мысленно прибавляетъ *ένίας* или *τινάς* (Курцъ). Но не правильнѣе ли считать *ἡμέρας* за родительный падежъ единств. числа въ зависимости отъ *ὅσον*? Такого мнѣнія держатся Васильевскій и Курцъ. Но въ этомъ случаѣ слѣдовало ожидать *τῆς ἡμέρας ὅσον*, ибо рѣчь идетъ объ определенномъ днѣ. Вопросъ рѣшается, по моему мнѣнію, соображеніемъ, что полное изнеможеніе лошадей требовало остановки въ нѣсколько дней для возстановленія ихъ силъ.

ἡπειρόμεθα assingebamus. Васильевскій слѣдуетъ Газе; но по Курцу переводъ у Газе неточенъ. И дѣйствительно *ἐπιείγω* значитъ давить, толкать, гнать; *ἐπιείγομαι* — толкаться, спѣшить, торопиться; *πρῶτερο, ματῦρο*. Слѣдовательно: мы спѣшили или торопились отправиться на Маврокастронъ. Васильевскій: «Мы стали собираться въ путь, чтобы идти по направленію къ Маврокастрону». «Авторъ хотѣлъ — поясняетъ В. далѣе — только обозначить направленіе пути, а не ближайшій пунктъ, котораго можно было достигнуть. На это указываетъ какъ самое построеніе фразы, такъ и дальнѣйшій ходъ разсказа. Послѣ оказывается, что до Маврокастрога вовсе было не такъ близко». Положеніе Маврокастрога (т. е. Чернаго города) и мѣсто жительства топарха будетъ разсматриваться ниже въ связи съ вопросомъ о томъ, на какомъ берегу Днѣпра находилось селеніе *Borion*.

§ 2. *Ὡς δ' ἔτοιμα ἦν ἡμῖν τότε πάντα, καὶ ἐμποδῶν ὑπῆρχεν οὐδέν, περὶ μέσας νύκτας αὐτάς (ὅτε καὶ πρωϊαίτερον ἡμᾶς ἐξορμηῆσαι ἐχρήν), ἄρκτου τότε βαρύτατον πνεύσαντος, καὶ χειμῶνος παντός μᾶλλον χαλεπωτάτου καταρράγέντος, ὡς ἀβάτους μὲν τὰς διόδους οἶεσθαι, μηδένα δὲ ὑπαίθριον ζῆν, σχεδὸν δὲ ἀδύνατον εἶναι τὸν μὴ στέγη σφζόμενον περιεῖναι, δείσαντες ἀναπεπαῦσθαι καὶ ἡρεμεῖν ἔγνωμεν αὐτοῦ.*

ὅτε καὶ πρωϊαίτερον ἡμᾶς ἐξορμηῆσαι ἐχρηῆν *quanquam maturius profectum oportebat*. Васильевскій: «тогда какъ намъ слѣдовало пуститься въ дорогу ранѣе того». См. еще его поясненіе на стр. 380: «караванъ хотѣлъ пуститься въ дальнѣйшій путь ранѣе полуночи, вечеромъ (πρωϊαίτερον)». Курць сомнѣвается въ правильности этого толкованія и желалъ бы πρωϊαίτερον передать словами: «довольно рано утромъ». πρωϊαίτερον имѣеть, казалось мнѣ, отношеніе къ предыдущему выраженію *περὶ μέσας νύκτας*, такъ что Васильевскій, въ виду существующаго оборота рѣчи πρωϊτερον (πρωϊαίτερον) *μέσων νυκτῶν* «еще до полуночи», можетъ быть, правъ, и слѣдуетъ понимать дѣло въ томъ смыслѣ, что путешественники «еще раньше», т. е. до полуночи, возымѣли желаніе двинуться дальше, но отложили свое намѣреніе вслѣдствіе предостереженія своего начальника, который предвѣщалъ наступленіе бури. Но теперь считаю мнѣніе Курца единственно правильнымъ и перевожу πρωϊαίτερον пораньше, раннимъ утромъ, раньше обыкновеннаго. Вечеромъ все было уже приготовлено (упаковано), чтобы на слѣдующій день по возможности раньше отправиться въ путь-дорогу.

§ 3. Ἐμοῦ τοῦτο τοῖς συσσίτοις εἰπόντος, ὡς οὐ δεῖ τῆς οἰκίας ὅπως οὖν ἐξιέναι, οὐδὲ ἀποκοίτους ἡμᾶς ἐνθένδε γενέσθαι¹⁾ τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον ἐσπέριον φάσιν ἤδη ποιούντος, καὶ πρὸς²⁾ αὐτὸν ἐκεῖνον μετατρέπομένου τοῦ περιέχοντος³⁾ (Κρόνου δὴ καλουμένου⁴⁾). Καὶ γὰρ ἔτυχε περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτὸς διῶν ὑδροχόου, ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος.

Ἐμοῦ τοῦτο τοῖς συσσίτοις εἰπόντος. Σύσσιτος *conviva* означаетъ, по Васильевскому, просто сотрапезника. «Ни Дюканжъ ни Софокль (*Greek Lexicon of the Roman and Byzantine periods*. Boston 1870) не приводятъ σύσσιτος въ смыслѣ спутника или товарища» (Куникъ, о Запискѣ Готскаго Топ. 127). Но Успенскій (Отчетъ) толкуетъ σύσσιτος въ смыслѣ спутника или сотоварища. Такое толкованіе и мнѣ теперь кажется самымъ подходящимъ и потому я предложилъ бы, слѣдуя Успенскому, перевести σύσσιτος черезъ «однокашникъ».

καὶ ὡς ἐκ τῶν ἄστρον ἐμοὶ δέδεικται. Васильевскій переводитъ это мѣсто въ своемъ текстѣ такъ: «и что мнѣ по звѣздамъ показалось», а

1) Ante verba τοῦ πρώτου legebatur καὶ ὡς ἐκ τῶν ἄστρον ἐμοὶ δέδεικται.

2) post καὶ πρὸς illa, τὴν ἑαυτοῦ φύσιν.

3) post περιέχοντος illa, φύσει ψυχρότατος καὶ χιωνώδης (sic) δοκῶν. Quae omnia ab ipso scriptore inducta sunt.

4) verba κρόνου δὴ καλουμένου videntur loco mota.

въ комментарий (стр. 380 и 381): «и какъ мнѣ по звѣздамъ показалось». Газе, къ сожалѣнію, опускаетъ въ своемъ латинскомъ переводѣ какъ это предложеніе, такъ и вообще всѣ остальные зачеркнутыя авторомъ фразы.

ἑσπέριον φάσιν ἤδη ποιούντος. φάσιν ποιέω = φαίνομαι, подобно тому какъ *οἴχυσιν ποιέω* стоитъ вмѣсто *οἴκέω* (2. отрывокъ 2 гл. § 6). Газе: *quod princeps sidus. . . jam ad vesperum in conspectum se dabat*; Васильевскій напрасно уклонился отъ такого толкованія и переводитъ: «тогда какъ первая изъ звѣздъ была уже въ вечернемъ фазисѣ». Что Васильевскій разумѣетъ подъ «вечернимъ фазисомъ», понять невозможно. Интересно, что Вамвакисъ, константинопольскій грекъ, состоящій доцентомъ въ С.-Петербургѣ при Восточномъ Институтѣ, перевелъ это мѣсто, не задумываясь, точно такъ какъ оно гласитъ у Газе. Филологи, въ томъ числѣ и Курцъ, къ которымъ я обращался за совѣтомъ, выразили полное свое согласіе съ толкованіемъ Газе и Вамвакиса. Топархъ совершаетъ свое наблюденіе наканунѣ дня предполагавшагося отъѣзда, «когда первая изъ звѣздъ уже совершала свой вечерній (западнѣй) фазисъ», т. е., когда первая изъ звѣздъ уже видна была на западѣ (на вечернемъ небосклонѣ), словомъ была близка къ закату. Наблюденіе свое авторъ Записки сдѣлалъ вечеромъ, ибо около полуночи поднялась сильная вьюга, окутавшая небо въ непроницаемую мглу.

Успенскій (Отчетъ) не даетъ отъ себя объясненія этому мѣсту, а только замѣчаетъ съ цѣлью подорвать довѣріе къ нашему переводу: «Что (новогрекъ) Вамвакисъ переводитъ то или иное мѣсто такъ, какъ желательно автору, — это мало кого можетъ убѣдить». Успенскій при этомъ забываетъ, что филологи, въ томъ числѣ и извѣстный византинистъ Курцъ, одобрили толкованіе Вамвакиса, которое кромѣ того сходится съ латинскимъ переводомъ Газе. И потому слова Успенскаго: «Мы могли бы привести много доказательствъ тому, какъ новые греки часто не понимаютъ древняго языка и плохо объясняютъ его», не примѣнимы къ данному случаю.

Καὶ γὰρ ἔτιχε περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτὸς διὼν ὑδροκόου. Transibat enim tunc Saturnus circa initia aquarii. Васильевскій: «Ибо она (звѣзда) именно тогда проходила около началъ Водолея». Вамвакисъ перевелъ, недолго соображая: «Ибо онъ (Сатурнъ) находился тогда какъ разъ въ началѣ своего пути (своего прохожденія) черезъ Водолея», — съ чѣмъ Курцъ вполне согласился. Замѣчаю напередъ, что подобное

толкованіе текста, съ точки зрѣнія астрономической, весьма удачно, между тѣмъ какъ обычный переводъ сбивчивъ и легко можетъ ввести въ заблужденіе, какъ это видно на примѣрѣ съ Зейдлеромъ. Само собою разумѣется, что подъ Водолеемъ слѣдуетъ разумѣть созвѣздіе, а не знакъ Водолея.

ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος. Это—астрономическая зима, т. е. время отъ зимняго солнцестоянія до весенняго равноденствія, что прекрасно подходитъ къ выясненному нами времени наблюденія. Это обстоятельство не должно быть упущено изъ виду при изслѣдованіи всего довольно сложнаго мѣста. Текстъ перѣдко запутанъ, потому что мы имѣемъ дѣло съ черновой, съ первымъ наброскомъ автора. А упомянутое мѣсто въ особенности богато вставками и по-марками.

Κρόνου δὴ καλουμένου. Это предложеніе, замѣчаетъ Васильевскій, очутилось не на своемъ мѣстѣ вслѣдствіе поправокъ въ текстѣ; ему слѣдовало стоять послѣ словъ *τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον.* «Кронъ или Сатурнъ, поясняетъ далѣе Васильевскій, есть именно первая изъ подвижныхъ звѣздъ по обычному порядку перечисленія ихъ у древнихъ и средневѣковыхъ астрономическихъ писателей, и при томъ звѣзда холодная по природѣ». Отъ своего страннаго блеска планета получила названіе «холодной и снѣжной».

Почему авторъ зачеркнулъ слова *καὶ ὡς ἐκ τῶν ἄστρον ἐμοὶ δεδειχται*, къ которымъ я отношу слѣдующее предложеніе *τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον ἐσπέριον φάσιν ἤδη ποιῶντος?* Быть можетъ, по той причинѣ, что онъ свое предсказаніе основывалъ именно на наблюденіи надъ Сатурномъ, а не на положеніи звѣздъ вообще, и потому счелъ означенную фразу излишней. Но въ такомъ случаѣ онъ забылъ измѣнить конструкцію предложенія *τοῦ πρώτου τῶν ἄστρον etc.*, висящаго теперь какъ бы въ воздухѣ. Если же его связывать съ фразою *ἐμοῦ τοῦτο τοῖς συσσίτοις εἰπόντος*, то тогда неуклюжее *τοῦτο* указывало бы на предшествующее рѣшеніе *ἀναπεπαῦσθαι καὶ ἡρεμεῖν αὐτοῦ.* Итакъ, около полуночи постановлено было отложить дальнѣйшее путешествіе и остаться на мѣстѣ, между тѣмъ какъ топархъ это (уже тогда) заявилъ своимъ спутникамъ, чтобы они не покидали кровъ свой и т. д., когда первая изъ звѣздъ уже клонилась къ горизонту и состояніе воздуха, сообразно съ природою звѣзды, стало измѣняться. Значитъ, уже задолго до полуночи наступило ухудшеніе погоды, которое въ связи съ положеніемъ Сатурна предвѣщало снѣжную бурю.

§ 4. Ὁ μὲν οὖν χειμῶν ἀρξάμενος αἰεὶ προὔβαινε χαλεπώτερος, καὶ ξυνέβη τὰ πρότερον ἡμῖν δόξαντα φοβερὰ παιδιαὶ καθάπαξ πρὸς τὰ μετὰ ταῦτα δοκεῖν· οὕτως ἄρα λαμπρῶς ὁ χειμῶν διέσχε πανταχῆ. Ἡμέρας δὲ διατρίψαντες Ἰανὰς, μόλις ὄψε ποτε καὶ τῆς πρὸς τὰ οἰκεῖα μνήμη τις ἐπανόδου εἰσῆει, εὐδαιμονοτέρου καὶ τοῦ περιέχοντος δεδειγμένου.

τῆς πρὸς τὰ οἰκεῖα μνήμη τις ἐπανόδου мысль о возвращеніи во свояси. Слѣдовательно, топархъ находился на возвратномъ пути на родину. Объ это положительное заявленіе автора разбиваются всѣ сомнѣнія. Передъ нами — либо посольство, либо торговый караванъ. Но такъ какъ мы изъ 2. и 3. отрывковъ убѣждаемся въ томъ, что авторъ путевого очерка не купецъ, а областной начальникъ, то мы имѣемъ, значить, дѣло съ посольствомъ съ нашимъ фрагментистомъ во главѣ. Вопросъ о томъ, гдѣ собственно была родина топарха, мы пока оставимъ въ сторонѣ. Желая здѣсь только напомнить читателямъ, что ее не слѣдуетъ искать ни на Дунаѣ, ни на Днѣпрѣ, ни на Дону.

εὐδαιμονοτέρου καὶ τοῦ περιέχοντος. Погода улучшилась лишь въ томъ отношеніи, что пересталъ падать снѣгъ, между тѣмъ какъ вѣтры продолжали бушевать. См. 1. отрывокъ 3 главу § 3.

3 ГЛАВА.

§ 1. Καὶ δὴ ἐξήκειμεν ¹⁾ δορυφορούμενοι παρὰ τῶν ἐγχωρίων διαφανῶς, πάντων εἰς ἐμὲ τὰς χεῖρας ἀνακροτούντων, καὶ βλέπόντων ὡς πρὸς οἰκεῖον αὐτοῦ ἕκαστος ²⁾, καὶ τὰ μέγιστα εὐχομένων.

Τότε μὲν οὖν οὐδὲ πάντας αὐτοὺς ἐβδομήκοντα σταδίους παρημείψαμεν, καὶ ταῦτα πρὸ ἡμῶν ἄλλων διαβεβηκότων καὶ τὸ πολὺ τῆς χιῶνος ³⁾ ἐκχρουσαμένων.

παρὰ τῶν ἐγχωρίων. Туземцы были безъ сомнѣнія жители селенія Боріѳнъ.

ἀνακροτούντων. Отсюда Васильевскій выводитъ греческую национальность туземцевъ, отказывая славянамъ и другимъ народамъ въ такомъ естественномъ выраженіи радостнаго настроенія. Васильевскій забываетъ, что патріархъ Фотій упоминаетъ о рукоплесканіи руссовъ.

1) ἐξίημεν Cod.

2) Sic Cod.

3) Leg. χιόνος.

Аргументъ В. въ пользу греческой народности жителей Боріона ничтоженъ. Противъ него возстаютъ по справедливости также Бурачковъ на стр. 214 прим. 1 и Голубовскій на стр. 204 прим. 1. Причина, по которой жители Боріона рукоплескали топарху и каждый на него глядѣлъ какъ на близкаго себѣ и напутствовалъ наилучшими пожеланіями, быть можетъ совершенно иная, чѣмъ указываемая Васильевскимъ. Положеніе Боріона у днѣпровскихъ пороговъ и обстоятельство, что топархъ миновалъ это селеніе на возвратномъ пути, ведшемъ далѣе черезъ непріятельскую землю (см. ниже), невольно наводятъ на мысль, что Боріонъ былъ пограничнымъ мѣстомъ, принадлежавшимъ тому государю, къ которому было направлено посольство. Такое соображеніе объясняетъ вполне удовлетворительно ласковый приѣмъ путешественниковъ со стороны туземцевъ.

Путь топарха лежалъ на югъ. Какое государство расположено на сѣверъ отъ днѣпровскихъ пороговъ? Великое княжество Кіевское. Это заставляетъ предполагать, что топархъ возвращался со своею свитою изъ путешествія къ великому князю кіевскому, владѣнія котораго очевидно доходили до порожистой части Днѣпра.

ἔβδομήκοντα σταδίους 70 стадій, что составляетъ около 12 верстъ.

ἄλλων διαβέβηκότων. Принадлежали ли «другіе», прошедшіе впереди, къ населенію Боріона, рѣшить нельзя.

τὸ πολὺ τῆς χιόνος ἐκκρουσαμένων. Васильевскій: «расчистили, гдѣ было много снѣга». При такомъ переводѣ возникаетъ однако представленіе, будто здѣсь идетъ рѣчь о преднамѣренномъ проложеніи пути, а между тѣмъ авторъ хочетъ только сказать, что люди, прошедшіе впереди его каравана, протоптали дорогу въ снѣгу, устранивъ такимъ образомъ главную массу его. Ср. Газе: *idque praegressis ante nos aliis, qui maximam vim nivis jam dimoverant.*

§ 2. Τῆ δ' ὑστεραία ἀρξάμενοι χαλεπώτατα προήειμεν, ὡς περ ἐπὶ πελάγους διαπαλαίοντες κατὰ τῆς χιῶνος¹⁾. Οὐ γὰρ δὴ γῆ τις ἐδόκει εἶναι, οὐδὲ χιῶν συνήθης· ἀλλ' οἱ μὲν ἵπποι μέχρις τραχήλων οὐχ ἑωρῶντο· τὰ δ' ὑποζύγια, καίπερ τελευταῖα ἀκολοθοῦντα ἡμῖν, διεφθείρετο, καὶ αὐτοῦ πολλὰ καταλέλειπτο. Τετράπηχυς γὰρ ἡ χιῶν ἐλέγετο, καὶ χαλεπῶς διαβατὴ ἦν. Πολλοὶ δὲ καὶ τῶν ἀκολούθων ἀφώρμησαν οἴκαδε, μείζον ἢ κατ' ἀνθρωπίνην δύναμιν τὸ ξυμβὰν οἰηθέντες.

На слѣдующій день путешествіе было сопряжено съ еще ббль-

1) Leg. χιόνος.

шими затрудненіями, такъ что путники прошли вѣроятно еще меньше 12 верстъ.

ὡσπερ ἐπὶ πελάγους διαπαλαίοντες κατὰ τῆς χιόνος. Это уподобленіе поясняется словами: οἱ μὲν ἵπποι μέχρις τραχήλων οὐχ ἑωρῶντο. Подобно тому какъ лошади погружаются по шею въ воду, такъ видѣлись однѣ лишь головы надъ снѣжнымъ моремъ. Все описаніе, включая слова «казалось, что это совсѣмъ не была земля, ни даже обыкновенный снѣгъ», свидѣтельствуешь о томъ, что дорога мѣстами шла по ущельямъ, по оврагамъ (балкамъ). Не даромъ авторъ въ 2 гл. § 3 употребляетъ выраженіе *δίοδος*.

Πολλοὶ δὲ καὶ τῶν ἀκολουθῶν . . . Проводники были очевидно люди изъ селенія Боріона.

§ 3. Καὶ ἦν γάρ τι τῶν οὐ ζυντρόφων τὸ χαλεπὸν, πολλαχόθεν τῶν δυσχερῶν ἐπιόντων· χιῶνος¹⁾ μὲν βαθείας οὕτω καὶ πυκνῆς κάτωθεν, ἀέρων δὲ βαρυτάτων ἄνωθεν ἐμπνεόντων. Ἀνακωχῆς δ' οὐδαμόθεν προσδοκωμένης, οὐδ' ὅθεν τις ἄμεινα σχοίη τεκμαιρομένης (τὰ γὰρ πάντα ἀνωφελῆ καὶ ἀνόνητά πως ἐν τοῖς τότε δεινοῖς ἐδέδεικτο), οὐκ ἦν πυρὰ καῦσαι, οὐδ' ἀναπαύσασθαι πρὸς ἀκαρῆ χώραν²⁾ ἡμῖν ἢ χιῶν ἐνεδίδου.

Ἀνακωχῆς δ' οὐδαμόθεν и т. д. Газе переводить: *Neque ulla sperari poterat malorum intercapedo, nec unde quis meliorem statum assequeretur*. Васильевскій же сокращаетъ оба предложенія въ одно: «И ни откуда не ожидалось какой-либо перемѣны къ лучшему».

πρὸς ἀκαρῆ χώραν (χρόνον). «Выраженіе встрѣчается у Агаѳія: ἐν ἀκαρεῖ χρόνου (pag. 322), у Льва Діакона: ἐν ἀκαρεῖ (pag. 68)» (Васильевскій).

4 ГЛАВА.

§ 1. Εὔναι δὲ τὴν νύκτα αἱ ἀσπίδες προσήεσαν³⁾: πάντα ἡμῖν ἐκεῖναι καὶ κλίνας καὶ ἐπικλίνας νομιζόμεναι τὰ λαμπρότατα. Ἐν γὰρ αὐταῖς τὰ σώματα ἀνεπαύομεν ἐπὶ πυρᾷ, κάκεινῃ οὐ λαμπρᾷ.

Εὔναι δὲ τὴν νύκτα αἱ ἀσπίδες προσήεσαν. Газе: *Accedebant noctu scuta pro cubilibus*. Васильевскій: «Постелями служили намъ ночью щиты». Оба ученые не подмѣтили, что въ текстѣ стоитъ не *εὔναι*, а

1) Leg. χιόνος.

2) *Supra scriptum est χρόνον, idemque postea inductum.*

3) Sic Cod. Num προσήσαν.

безсмысленное εὔναι, которое по Курцу слѣдуетъ исправить либо въ εὔναι, либо въ εὔνοι. Последняя конъектура мнѣ кажется не совсѣмъ удачною: «Ночью благосклонно къ намъ подходили щиты».

§ 2. Ὑπνον¹⁾ δὲ καὶ τὰ ἐξ ὀνείρων φαντάσματα, ὡς περ φοβηθέντα κάκεινα, πάντα ἀπέστησαν. Ἀντεῖχε δ' οὐδεὶς ἄλλου κάλλιον²⁾· πάντες δ' ὡς ἐν κοινῇ συμφορᾷ ὁμοίως καὶ ψυχὰς καὶ σώματα διετίθεντο. Ἐμακάρισέ τις τοὺς τεθνηκότας, ὡς τοῦ φροντίζειν ἅμα καὶ τοῦ πονεῖν ἀποστάντας· ἐσχετλίασεν ἄλλος κατὰ τῶν ἐσομένων, ποίοις ἄρα καὶ αὐτοὶ δεινοῖς τὸ ζῆν ἐκμετρήσουσιν.

Я вполне согласенъ съ Васильевскимъ, не признающимъ необходимости поправки Газе (ὕπνον вм. ὕπνος текста) и его перевода глагола ἀπέστησαν черезъ fugerant.

Ἐμακάρισέ τις τοὺς τεθνηκότας. Васильевскій правъ, указывая на то, что здѣсь говорится объ умершихъ въ общемъ, а не о какихъ-нибудь, скончавшихся дорогою отъ истощенія силъ, товарищахъ топарха,—что вытекаетъ изъ сопоставленія умершихъ съ будущими поколѣнiями (τῶν ἐσομένων).

Стоитъ отмѣтить объясненiе Успенскимъ (Отчетъ) выраженiя κατὰ τῶν ἐσομένων, понимаемаго имъ въ смыслѣ предстоящихъ обстоятельствъ. Подъ αὐτοὶ онъ разумѣетъ товарищей топарха.

§ 3. Οἱ δὲ πρόσκοποι ἐξέκαμον καὶ αὐτοὶ, ὑπὸ τοῦ πολλοῦ κακοῦ νικηθέντες, καὶ προϊέναι οὐκ ἴσχυον, ἀσαφῶς οὕτω πορευόμενοι κατὰ τῆς χιῶνος³⁾. Τὸ δὲ δὴ χαλεπώτατον, ὅτι καὶ διὰ πολεμίας ἐπορευόμεθα γῆς, καὶ οὐδ' ἐκ τούτου ἀθεᾷ ἡμῖν καθειστήκει τὰ πράγματα, ἀλλ' ἐν ὁμοίῳ τὸ τε τοῦ χειμῶνος καὶ τὸ τῶν πολεμίων ὑφωρᾶτο κακόν.

οἱ πρόσκοποι. Развѣдчики. Не всѣ, видно, изъ тѣхъ людей, которые провожали караванъ, покинули его. Ср. 3 гл. § 2: Πολλοὶ δὲ καὶ τῶν ἀκολούθων ἀφώρμησαν οἴκαδε. Успенскій (Отчетъ) объясняетъ πρόσκοποι и ἀκόλουθοι въ смыслѣ военнаго термина.

προιέναι οὐκ ἴσχυον, ἀσαφῶς οὕτω πορευόμενοι κατὰ τῆς χιῶνος. Развѣдчики шли, значитъ, пѣшкомъ, и ихъ главная задача состояла, повидимому, въ отыскиванiи занесенной снѣгомъ дороги.

διὰ πολεμίας ἐπορευόμεθα γῆς... καὶ τὸ τῶν πολεμίων ὑφωρᾶτο

1) Ὑπνος Cod.

2) Hic scripta erant haec non absoluta: ἀλλ' οἱ χθὲς ἐρρωμενέστερον ἔχοντες καὶ θάρρειν διακελευόμενοι πρὸς ἀλλήλους, σήμερον ἀμβλεῖς καὶ καταπεπτωκότες,—ea omnia postea inducta sunt.

3) Leg. χιῶνος.

καχόν. Если переправа черезъ Днѣпръ происходила у порожиистой его части, а конный караванъ находился на возвратномъ пути къ себѣ на родину, лежавшую во всякомъ случаѣ южнѣе пороговъ, то непріятельская страна по необходимости совпадаетъ съ черноморскою степью, а непріятели тождественны съ степными наѣздниками, кочевавшими на сѣверѣ отъ Чернаго и Азовскаго морей. Но къ какому племени принадлежали «непріятели»? Къ уграмъ, печенѣгамъ, Чернымъ болгарамъ, торкамъ, хазарамъ, гуззамъ? Ежели путешествіе топарха приходится на X столѣтіе, то непріятели по всей вѣроятности были печенѣги.

Противопоставляя рѣдкое гостепрїимство и дѣятельную поддержку, оказанныя жителями Боріона нашимъ путникамъ, опасности, угрожавшей имъ при переходѣ черезъ степную полосу, мы должны, какъ уже выше было упомянуто, прїйти къ заключенію, что путь топарха лежалъ изъ дружеской страны, къ которой слѣдуетъ причислить Боріонъ, на югъ черезъ земли, населенныя враждебными означенному государству ордами. Государство, куда было отправлено посольство, не можетъ быть инымъ какъ только русскимъ. А такъ какъ мы застаемъ топарха на возвратномъ пути у днѣпровскихъ пороговъ, то бѣглый взглядъ на направленіе теченія Днѣпра убѣдитъ всякаго въ томъ, что караванъ съ праваго его берега переправился на лѣвый, а не наоборотъ. Насколько мнѣ извѣстно, главная дорога отъ Кіева на югъ шла по правому нагорному берегу рѣки. Ср. Константина Б. de administrando imperio (ed. Bonn. cap. 9, p. 77): *πέραμα τοῦ Κραρίου, ἐν ᾧ διαπερῶσι ἀπὸ Ῥωσίας οἱ Χερσωνῖται καὶ οἱ Π ατζιναχῖται ἐπὶ Χερσῶνα.*

Гдѣ лежалъ Маврокастронъ?

Васильевскій, направляющій топарха ошибочно отъ низовьевъ Днѣпра на западъ, видитъ въ Маврокастронѣ приднѣстровскій городъ Аккерманъ. Его доказательство слѣдующее: Въ средніе вѣка, утверждаетъ онъ, существовалъ при Днѣстрѣ городъ по имени Маврокастронъ, и при этомъ онъ указываетъ на италіанскія карты XIII и XIV столѣтій, на которыхъ отмѣчены Maurocastro, Mancastro, Maucastro, Maocastro. Несмотря на то, что въ «спискѣ градомъ русскимъ» приводится на устьѣ названнаго у Константина Б. «Бѣлою» рѣкою Днѣстра «Бѣлгородъ», различимый отъ «Черни», и хотя Бѣлгородъ

именуется венграми Fejer-var, молдаванами Tschetate Alba, татарами Ак-керманъ, — тѣмъ не менѣ Васильевскій отождествляетъ Маврокастронъ топарха съ Maurocastro, Mancastro, Maocastro италянскихъ картъ, ссылаясь на свидѣтельство Guillebert de Lannoy: une ville fermée et port sur la ditte mer Majour (Pontus) nommée Mancastre ou Bellegard. Но Васильевскій обязанъ былъ прежде всего доказать, что 1) Mancastro, Маѿcastro, Маоcastro искажено изъ Maurocastro и что Maurocastro не возникло, наоборотъ, изъ Man-, Мао-, Маѿ-, castro; 2) что городъ Чернь, совпадающій очевидно съ Очаковымъ, называющимся у турокъ Кара-Керман (Черная крѣпость), лежалъ на Днѣстрѣ, подлѣ Бѣлгорода, и 3) что его Маврокастронъ уже существовалъ въ X вѣкѣ. Показаніе Герберштейна, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ турки овладѣли крѣпостью «Alba» на Днѣстрѣ, называемою также Moncastro, на ряду со свидѣтельствомъ Barbaro (подъ 1436 г.) о Moncastro на Черномъ морѣ, ускользнуло совершенно отъ вниманія Васильевскаго. Не есть ли Maurocastro нѣкоторыхъ италянскихъ картъ, соотвѣтствующее писанію Mancastre (Guillebert de Lannoy) и Mancastro (Герберштейнъ и Barbaro), лишь ошибочное чтеніе, возникшее отъ небрежности переписчиковъ?

Кромѣ Васильевскаго также Томашекъ на стр. 37 вступаетъ за Аккерманъ: «Для насъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что византійцы X столѣтія подлѣ Μαυροκάστρον разумѣли крѣпость, расположенную у теперешняго Ақ-Керманъ на днѣстровскомъ лиманѣ (виз. Ἀσπρόκαστρον или Λευχοπολίχνη, польск. Bialo-grod); средневѣковыя италянскія карты (напр. у Petro Vesconte 1318) отмѣчаютъ Maurocastro, Morocastro, M^ocastro или Moncastro». Мнѣніе Томашека касательно мѣстонахожденія Маврокастроны совсѣмъ не вяжется съ его предположеніемъ о Таврическомъ полуостровѣ, какъ родинѣ топарха. Последній, какъ извѣстно, находился на возвратномъ пути; поэтому онъ не могъ по дорогѣ отъ Днѣпра въ Крымъ встрѣтить городъ, лежавшій на Днѣстрѣ.

Бурачковъ вполне правъ, опровергая (на стр. 209 сл.) доводы Васильевскаго. Васильевскій основываетъ свое утверженіе, говоритъ онъ, на средневѣковыхъ картахъ, но упускаетъ изъ виду, что онѣ не подходятъ къ событіямъ, происходившимъ, по его мнѣнію, еще во времена Святослава. Ни одинъ писатель этой эпохи не упоминаетъ о Черной крѣпости на лиманѣ Днѣстра; Константинъ Б., напротивъ, свидѣтельствуемъ о томъ, что одинъ изъ шести разрушенныхъ город-

ковъ, расположенныхъ на Днѣстрѣ, носилъ названіе «Бѣлаго». Такое обозначеніе находится въ связи съ природою мѣстности, ибо вода днѣстровскаго лимана («Бѣлая» рѣка) кажется бѣлою. Поэтому то и въ русскихъ лѣтописяхъ днѣстровскій городъ выступаетъ подъ именемъ «Бѣлгородъ» и постоянно отличается отъ позднѣйшаго селенія Чернь, т. е. Чернаго города. Первые сношенія генуэзцевъ съ Молдавіею начались въ 1316 году и къ тому времени Бѣлгородъ называется у италіанцевъ *Mancastrò*, а на картѣ отъ 1318 года онъ отмѣченъ подъ именемъ *Maurocastrò*. При этомъ Бурачковъ указываетъ на *Heyd, Colon. ital. in Oriente, Venezia 1868, vol. 2, p. 92, 97* и также на Абульфеду, въ географіи котораго Бѣлгородъ является въ 1323 году подъ названіемъ *Acđja-Kerman* [читай *Accha-Kerman*]. «Если бы, продолжаетъ Бурачковъ, между Маврокастрономъ и городомъ Чернь на Днѣстрѣ была дѣйствительно связь, тогда имя города оставалось бы неизмѣннымъ; но на позднѣйшихъ италіанскихъ картахъ онъ названъ у Пичигани въ 1367 году опять *Mancastrò*, а у другихъ—*Maucastro* и *Moncastrò*, слѣдовательно, нельзя предположить, чтобъ италіанское *Maurocastrò* отвѣчало русскому городу Чернь. Тѣмъ менѣе мы находимъ основанія къ отождествленію топархова Маврокастроны съ Аккерманомъ потому только, что у Висконти показанъ, неизвѣстно почему, *Mauro-castrò*. По всей вѣроятности, италіанцы перевели монгольское *Mankermen*, что значитъ Хвалимая крѣпость, и сдѣлали изъ нея *Maurocastrò*, подобно тому, какъ изъ Константинова *Nεχρο-πόλλη* они сдѣлали *Nigroroli* и подали поводъ почтенному академику Кунику искать здѣсь Маврокастроны». Ср. также Бруна (*Записки Имп. Ак. Н. томъ 24, стр. 30*): «Изъ описанія его (топарха) пути можно смѣло заключить, что приведенная крѣпость не могла быть Аккерманъ, хотя онъ въ древнѣйшихъ италіанскихъ картахъ также называется *mauro castron, m^ocastrò... moncastre, mancastre*. Столь же мало какъ Аккерманъ нашъ путешественникъ подъ своимъ Маврокастрономъ могъ разумѣть Очаковъ, названный татарами Каракерманъ, т. е. Чернымъ городомъ».

Въ «Галиндо и Черноморская Русь» (стр. 346 прим. 3) Куникъ высказывается тоже противъ мнѣнія Васильевскаго, оспариваемаго, «кажется, не безъ основанія» Бурачковымъ и Бруномъ. Въ своей же «Запискѣ Готскаго Топарха» (стр. 126—27) Куникъ приводитъ по поводу Маврокастроны слѣдующее: «По греческому происхожденію имени, трудно предполагать, чтобы Маврокастроны находился далеко во-

внутри страны; скорѣе долженъ бы онъ быть на какомъ-нибудь заливѣ, или вообще въ мѣстѣ, удобномъ для приставапія судовъ. Названій въ родѣ Черной воды (рѣка) или Чернаго града на Понтѣ было много. Сначала я думалъ, что можно будетъ отыскать мѣстоположеніе Маврокастропа съ помощью средневѣковыхъ итальянскихъ картъ. На нихъ обозначается *gulffo de Nigropoli*, подъ которымъ онѣ очевидно разумѣютъ Перекопскій заливъ. Поэтому я и думалъ, не есть ли Нигрополи итальянскій переводъ Маврокастропа, съ чѣмъ г. Ламбинъ согласился безъ всякихъ возраженій. Но г. Брунъ (30) съ этимъ не согласенъ. Между тѣмъ возможное дѣло, что существовало укрѣпленное мѣсто Нигрополи въ сосѣдствѣ Перекопа. Голландецъ Исаакъ Массэ, проживавшій въ Москвѣ до Лжедмитрія и послѣ него, на приписываемыхъ ему картахъ показываетъ кромѣ залива Нигрополи (*Golfo di Nigropoli*) и на сѣверъ отъ него замокъ или крѣпость Нигрополи... Нельзя не упомянуть еще о томъ, что императоръ Константинъ Багрянородный (*de adm. imp. sar. 42*) упоминаетъ о большомъ заливѣ, который онъ называетъ Некрополь (*de adm. imp. sar. 42: κόλπος μέγας ὁ λεγόμενος τὰ Νεκρόπολα*) и который быть можетъ только Перекопскимъ заливомъ. Ужъ не это ли названіе Итальянцы передѣлали на свой ладъ? Вотъ нѣсколько формъ, подъ которыми встрѣчается это наименованіе на картахъ: *gulffo de nigropola*, *golfo de gropila*, *g. de nigropilla*, *g. de nigropoli*, *g. denipoli* и проч.»

Обозначеніе залива «Nigropoli» предполагаетъ, если Nigropoli не исковеркаво изъ Некропула Константина, существованіе соименнаго города, быть можетъ тождественнаго съ Маврокастропомъ топарха. Но Nigropoli по всей вѣроятности передѣлано изъ *Νεκρόπολα*, въ виду нынѣшняго наименованія Перекопскаго залива «Мертвымъ моремъ», названіе восходящее, должно быть, ко временамъ византійскаго владычества. Положительно утверждать можно только одно: подобно тому какъ нельзя доказать мѣстонахожденія Маврокастропа вблизи Перекопа, такъ шатко, даже весьма неправдоподобно, отождествленіе Маврокастропа съ Аккерманомъ. Я съ своей стороны напираю на то обстоятельство, что переправа топарха у днѣпровскихъ пороговъ исключаетъ положеніе Маврокастропа къ западу отъ низовьевъ Днѣпра. Ибо, въ противномъ случаѣ, посольство, возвращаясь сухопутьемъ изъ Россіи, сдѣлало бы очень странный обходъ: сначала шло вдоль рѣки Днѣпра, по низменному луговому берегу, на юго-востокъ, съ тѣмъ чтобы, перейдя рѣку у пороговъ, двинуться на юго-западъ по

направленію, образуящему почти острый уголъ съ предыдущимъ. Что-то крайне невѣроятно.

Принадлежность Боріона къ владѣніямъ великаго Кіевскаго князя, къ которому безъ сомнѣнія былъ откомандированъ топархъ; переправа черезъ Днѣпръ (на возвратномъ пути) въ порожистой его части и именно съ праваго берега на лѣвый; характерное описаніе замерзшей рѣки и путешествія по покрытой глубокимъ снѣгомъ степи, — все это заставляетъ насъ, если намъ предоставляется выбирать между побережьемъ Крима и низовьями Дуная, Днѣпра и Дона, высказаться въ пользу Таврическаго полуострова какъ мѣстожителства нашего автора *Записки*.

2. Отрывокъ.

1 ГЛАВА.

§ 1. Ἀρχὴν γὰρ δὴ τότε τοῖς βαρβάροις πολεμεῖν ἔγνωμεν¹⁾ ἢ εἰ δεῖ τι τάληθῆ φάναι, δείσαντες τὸ μὴ φθῆναι ὑπ' αὐτῶν ἀναιρεθέντες, ἀπέστημεν, καὶ αὐτοῖς τὸ δυνατὸν ἀντιτετάχθαι διενόηθημεν, πάντας ὁμοίως λεηλατούντων καὶ διαφθειρομένων ἀπανθρώποτατα, ὥσπερ τινα θηρία κατὰ πάντων τὴν ὄρμην ἐνδεικνύοντα.

Ἀρχὴν γὰρ δὴ τότε.... «Тогда только мы постановили воевать съ варварами». Какія обстоятельства вызвали это рѣшеніе? Ниже во 2 гл. § 3 авторъ ихъ приводитъ: «Съ тѣхъ поръ (т. е. послѣ отращенія первой опасности, см. 2 гл. § 2) началась безъ предварительнаго объявленія война между нами и варварами, при чемъ они уже не вступали съ нами въ сношенія, хотя я тысячи разъ посылалъ къ нимъ предложенія о заключеніи договора, и уже между нами дѣло не обходилось безъ оружія». Сюда непосредственно примыкаютъ слова въ началѣ фрагмента: «Тогда только мы постановили воевать съ варварами». При объясненіи 2 отрывка мы постоянно должны имѣть въ виду, что авторъ часто прерываетъ свой рассказъ вставками, касающимися предшествующихъ событій.

Καὶ διὰ τοῦτο γὰρ καὶ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ. Васильевскій: «Именно ради этого и сѣверные берега Дуная», а въ комментаріи (стр. 384)

1) Scriptum est hic, et posterius inductum: Καὶ διὰ τοῦτο γὰρ καὶ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ.

прибавлено: «или же страны». Въ греческомъ текстѣ стоитъ неопре-
дѣленное выраженіе τὰ βόρεια, что лучше всего передать столь же
неопредѣленнымъ словомъ «сѣверъ». Въ то же время указываю на то,
что Васильевскій эту зачеркнутую авторомъ фразу помѣщаетъ въ
самомъ началѣ 2 фрагмента, тогда какъ по Газе она стоитъ за сло-
вомъ ἔγινωμεν. За отсутствіемъ конца предложенія нельзя судить
о томъ, что собственно авторъ хотѣлъ сказать. Какъ бы ни были за-
манчивы слова τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου, все-таки слѣдуетъ остерегаться
строить на нихъ какія-либо положительныя гипотезы, при шаткости
выраженія τὰ βόρεια. Къ сожалѣнію Васильевскій не устоялъ противъ
искушенія: «Слова эти (говоритъ онъ)... указываютъ на мѣсто, гдѣ
совершаются событія, непосредственно затѣмъ описываемыя. Мы ви-
димъ изъ нихъ, что... авторъ имѣлъ прежде всего въ своей мысли
сѣверъ Дуная, его сѣверные берега или же страны. Нужно думать,
что зачеркнутыя слова зачеркнуты только потому, что затрудняли
дальнѣйшее построеніе фразы, а не потому, чтобы мысль автора при-
няла другое направленіе, перескочила отъ Дуная къ сѣвернымъ бе-
регамъ Крыма».

Во «властвующемъ къ сѣверу отъ Дуная» (3 отрывокъ 2 гл. § 6:
τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύοντα) Васильевскій не колеблется
признать великаго князя кievскаго. Не означаетъ ли поэтому по ана-
логіи τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου въ началѣ 2 отрывка просто великое княже-
ство кievское? Въ такомъ случаѣ, конечно, слова τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου
не могутъ быть истолкованы въ смыслѣ театра событій, описанныхъ
во 2 и 3 отрывкахъ. Уже Успенскій возставалъ противъ выводовъ
Васильевскаго, указывая на то, что зачеркнутая фраза не есть не-
удачный оборотъ мысли, развиваемой во 2 фрагментѣ, а напротивъ
совершенно чужда его содержанию.

Какимъ образомъ авторъ напалъ на мысль обозначить русское
государство словами τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου другой вопросъ, на кото-
рый невозможно дать удовлетворительный отвѣтъ. «Ужъ не хотѣлъ
ли онъ поставить себя на географическую точку зрѣнія жителя ви-
зантійской столицы? По всему складу и тону, въ которыхъ соста-
влена записка, можно догадываться, что она писана для какого-нибудь
Грека, жившаго не въ Крыму» (Куникъ). Спѣшу замѣтить, что ви-
зантійцы называли Истромъ не все теченіе Дуная, но только низовья
его. См. Бурачкова стр. 227 съ указаніемъ на Дринова, Заселеніе
Балканскаго полуострова Славянами (стр. 90—93), который въ свою

очередь ссылается на Forbiger III, 325. Какъ бы то ни было, я вполне довольствуюсь выясненіемъ того, что помимо домысла Васильевского возможно еще другое толкованіе выраженія τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου. При этомъ считаю не лишнимъ привести мнѣніе Куника, высказанное имъ въ «Галиндо и Черноморская Русь» на стр. 285:

«Если въ 3 отрывкѣ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου просто означаетъ Русь или Россію, то нѣтъ никакой настоящей надобности придавать этимъ словамъ или термину во второмъ отрывкѣ другое значеніе. Мнѣ кажется, что здѣсь топархъ хотѣлъ намекнуть на то, что вслѣдствіе или по случаю (διὰ τοῦτο) войны съ варварами произошло избраніе русскаго князя или вмѣшательство его въ дѣла области Климаты. Въ Thes. ling. graec. τὰ βόρεια объясняется: septentrionales partes, у Пассова: die Nordländer. Византійское выраженіе κατὰ τὰ βόρεια то же самое, что in Septentrionalibus у Плинія (Hist. nat. XI, 14) = въ Сѣверныхъ странахъ. Объ употребленіи κατὰ вмѣсто ἐν у Византійцевъ см. Газе въ Предисл. къ Льву Діакону, стр. XX».

Τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου въ началѣ 2 фрагмента можетъ стоять въ связи съ первой поѣздкою топарха къ великому князю (1 фрагментъ). Съ другой стороны мыслимо и то, что авторъ въ этомъ мѣстѣ, какъ и въ другихъ, забѣгаетъ въ ходѣ своего разсказа впередъ и желалъ повѣствовать о второмъ своемъ путешествіи (конецъ 3 отрывка) на «сѣверъ отъ Истра», чтобы передаться подъ покровительство «царствующаго на сѣверъ отъ Истра».

ἀπέστημεν recessimus ab illis. Поповъ: «мы отдѣлились отъ нихъ». Ламбинъ: «отстали отъ нея» (Руси). Васильевскій: «мы отступили» (передъ ними). Переводъ Васильевского, позволительный въ филологическомъ отношеніи, не удовлетворяетъ историка. Гнилой миръ (2 гл. § 3), во время котораго происходили переговоры, еще не успѣлъ перейти въ открытую войну (2 гл. § 4 и 5). Лишь рѣшеніе порвать окончательно съ варварами повлекло за собою настоящія военныя дѣйствія и наступленіе непріятельскаго отряда.

ἀπέστημεν отъ ἀφίσταμαι стоять вдали, отступить, отложиться и т. д., выраженіе неясное, и потому слѣдуетъ остерегаться дѣлать какіе-либо опредѣленные выводы. Быть можетъ ἀπέστημεν означаетъ здѣсь просто: «мы отложились». Вся первая глава 2 фрагмента содержитъ пространное объясненіе, обоснованное оправданіе образа дѣйствія автора, причемъ онъ намѣренно, кажется, рисуется неспра-

ведливость варваровъ и совершенные ими возмутительные поступки въ самыхъ яркихъ краскахъ. Не лучше ли вм. ἀπέστημεν читать ἐπέστημεν, что значило бы: мы поднялись, мы возстали.

§ 2. Οὐδὲ γὰρ τῶν οἰκειοτάτων φείδῳ τις εἰσῆει αὐτοῖς, οὐδὲ λογισμῶ τινι ἢ κρίσει δικαίου τὸν φόνον εἰργάσθαι προὔθεντο· ἀλλὰ τὴν Μυσῶν ¹⁾ λείαν καλουμένην θέσθαι τὴν αὐτῶν ²⁾ γῆν κακῶς καὶ ἀσυμφόρως μεμελετήκεσαν.

τῶν οἰκειοτάτων. На стр. 116 (Записка Гот. Т.) Куникъ замѣчаетъ, что на древнегреческомъ языкѣ οἰκειότατοι суть принадлежащiе къ семейству, домочадцы и затѣмъ въ болѣе обширномъ смыслѣ слова соплеменники, между тѣмъ какъ Васильевскiй, на основанiи византийскаго словоупотребленiя, приходитъ къ заключенiю, что οἰκειότατος есть вообще близкое въ какомъ либо отношенiи лицо и въ данномъ случаѣ означаетъ «самый лучшiй или вѣрный союзникъ».

τὴν Μυσῶν λείαν καλουμένην. Нѣкоторые ученые усматривали въ выраженiи Μυσῶν λείαν намекъ на Болгарiю (Мисiя). Но по Кунику (117) и Васильевскому (387) это древнегреческая уже у Демосфена встрѣчающаяся поговорка (ср. Газе 408), употребляемая Львомъ Дiакономъ (VII, 2) и другими византийцами. «Изъ страны сдѣлать добычу Мисянъ» значитъ «разорить въ конецъ страну», «превратить страну въ совершенную пустыню».

τὴν αὐτῶν [ἡμῶν] γῆν [нашу] страну. Уже Куникъ и Васильевскiй высказались въ томъ смыслѣ, что авторъ не даромъ написалъ сначала ἡμῶν. Это ἡμῶν, замѣненное словомъ αὐτῶν, указываетъ на то, что авторъ былъ здѣсь у себя дома и что право на эту область было сомнительно или спорно. Страна, видно, находилась въ нѣкоторой зависимости отъ варваровъ. Это ἡμῶν намекаетъ далѣе на то, что опустошенныя и еще имѣющiя подвергнуться опустошенiю области стояли въ политической связи между собою, или же были населены однимъ и тѣмъ же племенемъ.

§ 3. Ἀνατέτραπτο γὰρ τὸ πρὶν αὐτοῖς ἴσον καὶ δίκαιον· ἀ δὲ περὶ πλείστου τιμῶντες τὸ πρότερον τρόπαιά τε τὰ μέγιστα κατωρώκεσαν, καὶ πόλεις καὶ ἔθνη αὐτεπαγγέλτως προσήεσαν αὐτοῖς.

τὸ... ἴσον καὶ δίκαιον. По Кунику (Зап. Г. Т. 117) топархъ хотѣлъ, очевидно, выразить римское понятiе *aequum et justum*; а на

1) Μεισῶν Cod.

2) Sic: prius scripserat ἡμῶν, sed id induxit.

стр. 373 (Галиндо) онъ говоритъ: «Древніе Греки еще въ то время, когда Римъ не былъ на высшей степени развитія своей общественной жизни, были проникнуты мыслью, что формально установленное право находится въ рѣзкомъ противорѣчїи съ вѣчной идеею о справедливости. Эта мысль породила въ нихъ извѣстную формулу: *ἴσον καὶ δίκαιον...* (369) Топархъ термину *τὸ ἴσον* противопоставляетъ (въ § 4) слово *ἡ ἀμετρία*, а другому термину *τὸ δίκαιον* слово *ἡ ἀδικία*».

Весьма лестный отзывъ топарха о прежнемъ образѣ дѣйствія варваровъ указываетъ на нѣкогда могущественный народъ и на болѣе или менѣе благоустроенное государство. Въ особенности обращаютъ на себя вниманіе изслѣдователя слова *καὶ πόλεις καὶ ἔθνη αὐτεπαγγέλτως προσήεσαν αὐτοῖς*: «Города и народы добровольно примкнули къ нимъ». Изъ этого слѣдуетъ, что раньше варвары оказывали дѣятельную поддержку упомянутымъ городамъ и народамъ. Отъ вниманія Куника не ускользнуло, что слово *πόλεις* стоитъ на первомъ мѣстѣ. Въ § 4 также говорится о значеніи городовъ *καὶ πόλεις ὑπηκόους, ἀντὶ τοῦ θεραπεύειν καὶ συμφερόντως εὐνομεῖν*. Слѣдовательно, авторъ имѣетъ въ виду страну, усѣянную промышленными городами, являющимися естественными центрами сосѣднихъ областей. Это плохо вяжется съ сѣвернымъ болотистымъ берегомъ Дуная и пустынными припонтійскими степями.

Подъ *καὶ πόλεις καὶ ἔθνη* авторъ, конечно, прежде всего разумѣетъ свою собственную родину и сосѣднюю землю, которая не смотря на то, что была подвластна варварамъ, опустошалась ими безжалостно (см. выше § 2 и ниже § 4 сл.). Въ § 7 авторъ упоминаетъ о 10 городахъ и 500 селеніяхъ. Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ цвѣтущей и густо населенной страной.

§ 4. *Νῦν δ' ὥσπερ ἐκ διαμέτρου ἀδικία τούτοις καὶ ἀμετρία κατὰ τῶν ὑπηκόων ξυνέστηκε. καὶ πόλεις ὑπηκόους, ἀντὶ τοῦ θεραπεύειν καὶ συμφερόντως εὐνομεῖν, ἀνδραποδίζειν καὶ διαφθείρειν ξυνέθεντο.*

ἀδικία... *καὶ ἀμετρία κατὰ τῶν ὑπηκόων...* *πόλεις ὑπηκόους*. По справедливому замѣчанію Васильевскаго, эти выраженія сами по себѣ ясны и въ виду дальнѣйшихъ намековъ не нуждаются въ особомъ разъясненіи, такъ какъ изъ слѣдующихъ словъ очевидно, что положеніе этихъ «подданныхъ» (подвластныхъ) занимаетъ нѣчто среднее между самостоятельностью и полнымъ подчиненіемъ.

§ 5. *Σχετλιάζοντές τε κατὰ τῶν ἡγεμόνων, καὶ ὡς οὐκ ἀδικοῦσεν βεβαίως δεικνύντες οἱ ἄνθρωποι, οὐδὲν μᾶλλον ἰσχυον τοῦ μὴ τεθνάναи.*

τῶν ἡγεμόνων. Кунікъ (Зап. Г. Т. 118/119) думаетъ о начальникахъ отдѣльныхъ разбойничьихъ отрядовъ, грабившихъ жителей, а Васильевскій—о господствующемъ народѣ вообще. Мое мнѣніе слѣдующее. Такъ какъ въ § 4 сказано, что «варвары» должны бы были печься о подвластныхъ имъ городахъ и разумно ими управлять, вмѣсто того чтобы ихъ себѣ поработать и уничтожать, —то изъ этого вытекаетъ, что верховная власть надъ ними принадлежала варварамъ; поэтому ἡγεμόνες совпадаютъ повидимому съ посаженными по городамъ начальниками, опиравшимися вѣроятно на «варварскіе» гарнизоны. На этихъ то гегемоновъ (называющихся у тюрковъ тудунами) жаловались, очевидно, жители высшему начальству и старались доказать свою невинность. Этотъ разладъ повлекъ за собою полное порабощеніе подчиненныхъ.

Политическое положеніе подвластной топарху области по отношенію къ варварамъ было, должно быть, иное, ибо мы здѣсь не встрѣчаемъ гегемоновъ. Что зависимость всѣхъ городовъ и племенъ отъ варваровъ была неодинаковая, не только правдоподобно само по себѣ, но и слѣдуетъ изъ 2 отрывка 1 гл. § 2, гдѣ рѣчь идетъ о самыхъ близкихъ (τῶν οἰκειοτάτων) въ противоположность менѣе близкимъ, и объ одинаковомъ образѣ дѣйствія варваровъ относительно всѣхъ безразлично. Область топарха находилась, какъ кажется, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ варваровъ: они нападаютъ на нее, опустошивъ десять городовъ и пятьсотъ селеній.

ὡς οὐκ ἀδικοῦεν βεβαίως δεικνύντες. Васильевскій: «ясно доказывая, что они неповинны». Газе переводитъ, сдается мнѣ, правильнѣе: *sequi nihil mali commisisse liquido demonstrantes*. βεβαίως едва ли можно передать словомъ «ясно». Жители увѣренно (неуклонно) указывали или выставляли на видъ свою невинность, настаивали на своей невинности, — таковъ, мнѣ кажется, смыслъ этого предложенія.

οὐδὲν μᾶλλον ἰσχυοὺν τοῦ μῆ τεθνάναι nihil amplius proficiebant, quam ut morte non afficerentur. Васильевскій: «добивались только того, чтобы они были оставляемы въ живыхъ». ἰσχύω однако не значить стремиться, стараться, добиваться, а быть сильнымъ, могучимъ, мочь. Поэтому переводъ у Газе и Васильевскаго врядъ ли позволителенъ. Курцъ, которому я слѣдую, переводитъ такъ: «тѣмъ не менѣе не могли избѣжать смерти». Οὐδὲν μᾶλλον отвѣчаетъ латинскому *nihil magis*. Итакъ, жители даже не были въ состояннн спасти одну только жизнь свою. Такой смыслъ прекрасно гармонируетъ со всѣмъ

содержаніемъ разсказа: въ § 1 говорится, что варвары избивали всѣхъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, подобно дикимъ звѣрямъ, проявляющимъ противъ всѣхъ свою ярость; (§ 2) даже наилучшимъ своимъ союзникамъ не давали пощады, а безцѣльно и неразумно, безъ разбора и вниманія къ справедливости, всѣхъ умерщвляли; (§ 7) люди, ни въ чемъ неповинные, сдѣлались добычею рукъ и меча; (2 гл. § 1) зараза, уничтожавшая всѣхъ ужаснѣйшимъ образомъ.

По мнѣнію Кулаковскаго, Курцъ дѣйствительно исправилъ здѣсь ошибочный переводъ Васильевскаго (и Газе), съ чѣмъ однако Успенскій не согласенъ, хотя и не приводитъ причинъ своего разногласія.

§ 6. *Φορὰ γὰρ τις, ὡς ἔοικεν, οὕτω κακίας ξυμβέβηκεν, ὡς περικλύζεσθαι τὰ τῶν ἀνθρώπων καὶ φοβερώτατα συγκεχῶσθαι δοχεῖν, ὡς ἐκ συμπτώματος ἢ τινος χάσματος παραλογωτάτου καὶ χαλεποῦ.*

ὡς περικλύζεσθαι... Васильевскій: «такъ что для человѣчества казалось наступилъ потопъ, и грозило самое страшное разрушеніе». По моему мнѣнію, авторъ собственно не имѣлъ въ виду «потопа», но хотѣлъ только сказать, что несчастіе внезапно разразилось съ такою ужасающей силою, что казалось все рушится, проваливается. Предложеніе *καὶ φοβερώτατα συγκεχῶσθαι* самымъ тѣснымъ образомъ связывается съ предъидущимъ предложеніемъ, между тѣмъ какъ Васильевскій ихъ разграничиваетъ. Сравненіе бѣдствія съ обваломъ и разверзшейся бездною исключаетъ, мнѣ кажется, представленіе о наводненіи. Переводъ у Газе тоже разнится отъ перевода у Васильевскаго: *Vis nimirum tanta malorum ingruerat, ut res humanae quasi ruina aut voragine aliqua inopinata ac fatali percussae obrutaeque horrendum in modum viderentur.*

§ 7. *Πόλεις μὲν γὰρ πλείους ἢ δέκα ἀνθρώπων ἐξεκενώθησαν, κῶμαι δὲ οὐκ ἐλάττους πεντακοσίων παντελῶς ἐρημώθησαν· καὶ ἀπλῶς, τὰ γείτονα καὶ πλησιόχωρα ἡμῶν ὥσπερ ἐκ χειμῶνος ἐπικλυσθέντα ἐγένοντο, ἀνθρωποὶ τε, ἠδικηκότες μὴδὲν, προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ χειρῶν ἔργον καὶ ξίφους ἐγένοντο.*

Προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ. Васильевскій замѣняетъ *ὁμωσία* словомъ *ὀρχομωσία* и переводитъ «подъ предлогомъ (нарушенной) клятвы», а у Газе стоитъ *pactis juratis traditi*. Газе, по мнѣнію Васильевскаго, *ἐπ' ὁμωσίᾳ* понимаетъ «какъ условіе, на которомъ были передаваемы или сдаваемы жители городовъ и сель, разоренныхъ варварами». Но не лучше ли понимать *pactis juratis traditi* такъ, что жители «полагались на клятвенные договоры» (съ варварами). Курцъ

желалъ бы вмѣсто ἐπ' ὄμωσία читать ἐπωμοσία, въ чемъ случайно сходится съ Куникомъ (см. ниже), но затрудняется дать удовлетворительный переводъ фразы. Куникъ (Галиндо, стр. 370—372) подробно занимается разборомъ нашего загадочнаго выраженія, но не приходитъ къ положительному результату, хотя подъ конецъ и склоняется ко мнѣнiю Васильевскаго, предлагая съ своей стороны такой переводъ: «люди ни въ чемъ не провинившіеся, будучи обвиняемы изъ-за клятвы, сдѣлались предметомъ (жертвою) рукъ и меча (варваровъ)». Въ виду того, что вѣроятно очень многимъ, интересующимся Запискою, не будетъ доступнымъ неизданное сочиненіе Куника, считаю полезнымъ привести извлеченіе изъ разсужденія Куника относительно упомянутаго мѣста:

«Выраженіе *προβληθέντες ἐπ' ὄμωσία* навѣрно неточно переведено Газе... Газе, судя по его переводу, или допустилъ (невозможное) употребленіе глагола *προβάλλειν* съ *ἐπί*, или принялъ *ἐπ' ὄμωσία* за существительное вмѣсто *ἐπωμοσία*, такъ что собственно слѣдовало бы читать *προβληθέντες ἐπωμοσία*. Но въ какомъ смыслѣ и какъ понимать такую фразу? Въ древней и средневѣковой письменности не встрѣчаются ни простое *ὄμωσία*, ни простое новогреческое *ὄμωσις* (клятва), а между тѣмъ *ὄμωσία* могло образоваться только изъ *ὄμωσις*... По сложнымъ *ἐξωμοσία*, *ξυνωμοσία*, *τὰ ὄρκωμοσία* и *ἡ ὄρκωμοσία*, *ὕπωμοσία*, *ἐπωμοσία*, *διωμοσία*, *ἀντωμοσία* можно заключить, что простое *ὄμωσία* уже весьма рано было замѣнено нѣкоторыми изъ только-что приведенныхъ его сложныхъ формъ, а также и простыми *ὄρκος* и *ὄρκιον*. Предполагаемое *ἐπωμοσία* у топарха встрѣчается только разъ у схолиаста Аристофана (Pl. 725); оно, можетъ быть, имѣетъ небольшее значеніе, чѣмъ и встрѣчающееся у Евстаѳіа Солунскаго *ἡ ἐπὶ ὄμωσις* для объясненія указаннаго мѣста у топарха (см. Stephani Thesaur. graecae linguae, III, 1852)... Не имѣло ли *ἐπωμοσία* первоначально тоже значеніе, что и *ἐπιорхία*?... всетаки кажется страннымъ, что Газе, имѣвшій подъ руками автографъ топарха, не сдѣлалъ никакого замѣчанія о двусмысленномъ чтеніи этого спорнаго мѣста; онъ даже, безъ сомнѣнiя, нарочно не исправилъ *ὄμωσία* въ *ὄμωσία* (ср. новогреч. *ὄμωσις*)... У Поливіа сказано, что нѣкоторые изъ жителей города Кинеѳы рѣшили тайно предать послѣдній полководцу Арату, но ихъ замыселъ былъ открытъ въ тотъ моментъ, когда Аратъ былъ уже предъ стѣнами города, и, бывъ схвачены, немедленно присуждены къ смертной казни (*παραχορήμα προβληθέντες ἀπέθανον*)... Срав-

нивая выше приведенныя слова изъ Поливіа съ подобными словами у топарха, невольно приходишь къ заключенію, что послѣдній, въ данномъ случаѣ, подражалъ первому, позволивъ себѣ употребить только болѣе пышную или живописную фразу вмѣсто простого ἀπέθανον. Поливій рассказываетъ подробно, почему измѣнники - граждане были немедленно обвинены, осуждены и казнены. У топарха же причина убійства (несправедливо) обвиненныхъ выражена словами: ἐπ' ὁμωσίᾳ.

ἄνθρωποι τε, ἡδίκηκότες μηδέν, προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ, χειρῶν ἔργον καὶ ζήφους ἐγένοντο. Этими словами авторъ повторяетъ сказанное имъ уже выше въ § 5: ὡς οὐκ ἀδικοῖεν βεβαίως δεικνύντες οἱ ἄνθρωποι, οὐδέν μᾶλλον ἴσχυον τοῦ μὴ τεθνάναι. Изъ сопоставленія обѣихъ фразъ убѣждаемся, что трудно поддающееся переводу προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ соответствуетъ выраженію βεβαίως δεικνύντες (твердо или неуклонно настаивая на своей невинности), обстоятельство, дающее пожалуй ключъ къ уразумѣнію спорнаго мѣста προβληθέντες ἐπ' ὁμωσίᾳ. Жители, заклинавшіе варваровъ въ своей невинности, укрывались, защищались клятвою, опирались на клятву, т. е. подтверждали свою невинность клятвенною присягою? Но варвары остались глухи къ этимъ торжественнымъ увѣреніямъ.

2 ГЛАВА.

§ 1. Τὸν δὴ τοιοῦτον ὄλεθρον καὶ κοινῇ πάντας κακῶς διαφθείραντα, καὶ περιελθόντα τοῖς ταλαιπώροις ἡμῶν ἀστυγείτοσι, καὶ πρὸς τὴν ἐμὴν ἀρχὴν τελευταίως ἢ πονηρὰ τύχη προσῆξεν, ὑφορώμενον μὲν ἐμοὶ καὶ πρότερον, καὶ πολλὴν ποιουμένῳ πρόνοιαν, μὴ ἂν ποτε ἐξαπιναίως ἐμπέσοι, μὴδ' ἐκ τοῦ παραχρῆμα λαθῶν τὰ καθ' ἡμᾶς λυμῆναιεν.

ἀρχή означаетъ здѣсь подвластную топарху область. Переводъ Газе ad praesidium meum врядъ ли правиленъ (Васильевскій). Ниже въ § 5 стоитъ слово γῆ въ томъ же смыслѣ.

ὑφορώμενον ἐμοὶ καὶ πρότερον, καὶ πολλὴν ποιουμένῳ πρόνοιαν... Слова «я принималъ всякія мѣры предосторожности» находятся въ связи съ слѣдующимъ параграфомъ.

§ 2. Ὡς δ' ἀφίκτο καθαρῶς ὁ κίνδυνος, καὶ πᾶσιν ἀνωμολόγητο φανερώς, ὡς τὰ περὶ ψυχῆς νῦν ἡμῶν κινδυνεύεται, τὸ μὲν τότε ὄλεθρον σοφώτατ' ὡς εἶχον ἀπεκρυσάμην, ἐμοῦ καίπερ τὰ ἔσχατα παρὰ μικρὸν κινδυνεύσαντος.

τὸ μὲν τότε ὄλεθρον σοφώτατ' ὡς εἶχον ἀπεχρυσάμην. Такъ какъ авторъ говоритъ σοφώτατ' ὡς εἶχον, а не ἀνδρείοτατα, то «мы можемъ, по мѣткому замѣчанію Васильевскаго, догадываться, что опасность была отвращена какимъ либо дипломатическимъ способомъ, то-есть, сношеніемъ, переговорами либо съ повелителемъ варваровъ, грозившихъ нападеніемъ, либо съ какимъ-либо другимъ народомъ, способнымъ остановить варваровъ или помѣшать имъ». Крайняя опасность, которой подвергался при этомъ топархъ, быть-можетъ указываетъ на описанное въ 1 отрывкѣ путешествіе зимою черезъ непріятельскую страну. Въ такомъ случаѣ заключенный съ великимъ княземъ договоръ не преминулъ обнаружить свое дѣйствіе.

§ 3. Τὸ δὲ ἀπὸ τούτου, πόλεμος ἡμῖν ἀκηρυκτὶ καὶ βαρβάροις ἐγένετο, ἐν ᾧ οὔτε ἐπιμίγνουσιν ἔτι παρ' ἡμῖν (εἰ καὶ μυριάκις περὶ σπονδῶν ἐκηρύχουσιν), οὔτε ἀμαχητὶ πρὸς ἀλλήλους ἤμεν.

Τὸ δὲ ἀπὸ τούτου.... «Съ той поры... именно послѣ отвращенія гибели, — что, по моему мнѣнію, было достигнуто благодаря заключенному съ великимъ княземъ договору, — возникла война между нами и варварами». Договоръ съ русскими спасъ топарха отъ великой бѣды, но повлекъ за собою непріязнь варваровъ, которая потомъ, послѣ тщетныхъ попытокъ войти съ ними въ соглашеніе, перешла въ открытую войну.

Πόλεμος... ἀκηρυκτὶ... ἐγένετο. «Итакъ, греческій топархъ имѣлъ дѣло съ такими варварами, отъ которыхъ можно было ожидать соблюденія извѣстныхъ международныхъ обычаевъ». (Васильевскій).

По Успенскому (Отчетъ) мы имѣемъ повѣствованіе о двухъ опасностяхъ, о двухъ военныхъ дѣйствіяхъ. Первая опасность τὸν μὲν τότε ὄλεθρον была въ прошедшемъ; вторую предстоящую опасность топархъ начинаетъ описывать словами τὸ δὲ ἀπὸ τούτου. Въ первомъ случаѣ гибель была предотвращена какою-то неизвѣстной намъ мудрою мѣрою. — Съ этимъ можно согласиться, но неправильно предположеніе Успенскаго, будто рѣчь идетъ о различныхъ варварахъ, а не объ одномъ и томъ же народѣ. Успенскій считаетъ причиною нападенія враговъ постройку крѣпости (см. фрагменты ниже). Но это вопросъ. Набѣгъ былъ скорѣе вызванъ рѣшеніемъ подняться противъ варваровъ и покончить съ гнилымъ миромъ. Лишь послѣ такого рѣшенія топархъ напалъ на мысль отстроить крѣпость, чтобы имѣть твердый оплотъ противъ враговъ.

εἰ καὶ μυριάκις περὶ σπονδῶν ἐκηρύχουσιν. Курецъ обратилъ мое вни

маніе на то, что форма ἐκλήρουσεν можетъ быть и третьимъ лицомъ множеств. числа, такъ что въ такомъ случаѣ глаголъ относился бы къ варварамъ, о которыхъ шла рѣчь въ предыдущемъ предложеніи (ἐπεμίγνυον): «хотя они тысячу разъ дѣлали предложенія о мирномъ трактатѣ». Такое толкованіе тоже ладитъ со смысломъ всего мѣста. Безъ предварительнаго объявленія войны начались враждебныя столкновенія между нами и варварами, такъ какъ они прервали мирныя сношенія съ нами, хотя и съ другой стороны неоднократно дѣлали предложенія о заключеніи договора. Эти мирныя предложенія показались топарху подозрительными. Все предвѣщало приближеніе большихъ бѣдствій. Какъ можно было довѣрять варварамъ, когда они не давали пощады даже своимъ лучшимъ союзникамъ! Топархъ опасается, чтобы варвары, усыпивъ бдительность жителей, не застигли ихъ врасплохъ и не уничтожили въ конецъ. Съ цѣлью положить предѣлъ гнилому миру, топархъ рѣшается открыто порвать съ варварами или, какъ понимаетъ дѣло Васильевскій, отступить передъ варварами и ограничиться оборонительною войною, но вести ее самымъ энергичнымъ образомъ. Слѣдствіемъ такого шага было немедленное вторженіе непріятели.

§ 4. Καὶ ὁ μὲν πόλεμος εὐθὺς ἤρξατο, ὁ δὲ χειμῶν ἐγγὺς ἦν ἐμβαλεῖν. ἔτι γὰρ οὐ πολὺ τῶν... ¹⁾ ὁ ἥλιος ἀπῆν.

«И война началась сейчасъ». § 4 примыкаетъ, какъ уже было мною замѣчено, непосредственно къ началу второго отрывка: Ἀρχὴν γὰρ δὴ τότε τοῖς βαρβάροις πολεμεῖν ἔγνωμεν... καὶ αὐτοῖς τὸ δυνατὸν ἀντιτετάχθαι διενόηθημεν.

ὁ δὲ χειμῶν ἐγγὺς ἦν ἐμβαλεῖν. ἔτι γὰρ οὐ πολὺ τῶν χειμερινῶν ὁ ἥλιος ἀπῆν. Въ текстѣ стоитъ, правда, бессмысленное χειρινῶν. Но предшествующее предложеніе ὁ δὲ χειμῶν ἐγγὺς ἦν ἐμβαλεῖν подтверждаетъ правильность незначительной поправки (χειμερινῶν), тѣмъ болѣе, что слово χειμερινός уже раньше встрѣчалось въ 1. фрагментѣ 2 гл. § 3: ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος. Указаніе времени года (около зимняго солнцестоянія) имѣетъ немаловажное значеніе при рѣшеніи вопроса о порядкѣ, въ которомъ слѣдуютъ другъ за другомъ наши отрывки. Объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

§ 5. Ἄλλ' οἱ μὲν βάρβαροι, στρατῶ παρασκευασθέντες ἱκανῶ, ἐσέ-

1) Haec omnia inducta, reposita, iterum inducta. Ubi asteriscum notavi, in Cod. est χειρινῶν. Num χειμερινῶν, sc. τροπῶν.

βαλον εἰς τὴν γῆν ἡμῶν, ἰππικῶ τε ἅμα καὶ πεζῶ, νομίσαντες ὡς ἅμα βοῆ παραλήψεσθαι ἡμᾶς, τῇ τε τοῦ τείχους ἀσθενείᾳ, τῇ τε ἡμῶν ὀρρωδία.

ἰππικῶ τε ἅμα καὶ πεζῶ. Конница упоминается primo loco. Изъ этого Куникъ готовъ вывести заключеніе, что варвары по всей вѣроятности принадлежали къ степнымъ наѣзdnикамъ. Русскіе, которыхъ Васильевскій видитъ въ варварахъ, по согласному свидѣтельству всѣхъ писателей, сражались обыкновенно пѣшіе. Обстоятельство, что варвары явились также съ отрядомъ пѣхоты, указываетъ, по мнѣнію Томашека (стр. 35), на болѣе культурныхъ помадовъ.

Непріятельское войско не могло быть велико, такъ какъ топархъ отбилъ его своимъ незначительнымъ гарнизономъ: конныхъ у него было больше ста, а пѣхотинцевъ свыше 300 (см. 3. Фрагментъ 1 гл. § 3). Если топархъ успѣлъ въ подвластной области набрать всего только нѣсколько сотъ ратниковъ, то онъ на своемъ пути черезъ припонтійскія степи, описанномъ въ 1 отрывкѣ, имѣлъ, очевидно, въ своемъ распоряженіи отрядъ, несравненно меньшій числомъ, — обстоятельство, исключаящее всякую мысль о какомъ-либо военномъ предпріятіи, приписываемомъ топарху нѣкоторыми изслѣдователями.

ὡς ἅμα βοῆ «при новомъ нападеніи» (Васильевскій), Газе: momento. Собственно: «вмѣстѣ (одновременно) съ крикомъ», т. е. безъ всякаго труда, при первомъ натискѣ.

τῇ τε τοῦ τείχους ἀσθενείᾳ «по причинѣ слабости (непрочности) стѣны». Въ русскомъ переводѣ Васильевскаго вкралась опечатка «страны» вм. стѣны. Въ § 6 мѣсто жительства топарха уподобляется открытому селенію и тамъ же затѣмъ рассказывается, что стѣны крѣпости были въ прежнее время снесены варварами.

§ 6. Καὶ οὐκ ἀπεικὸς ἦν αὐτοῖς ταῦτα οἶεσθαι, οὕτως ἐπὶ κατεσκαμμένη πόλει τὴν οἰκησιν ποιουμένων ἡμῶν, καὶ ὡς ἀπὸ κώμης μᾶλλον ἢ πόλεως τὰς προσβολὰς ποιουμένων ¹⁾. Ἡ γῆ γὰρ προκατέσκαπτο παρ' αὐτῶν τῶν βαρβάρων καὶ ἰκανῶς ἐξερῆμωτο, ἐκ βάρων αὐτῶν καταβαλλόντων τὰ τεῖχη.

Ἄλλ' ἐκεῖνοι μὲν πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλλόντες и т. д. Эти зачеркнутыя авторомъ предложенія перенесены имъ за незначительными

1) Нис consequuntur illa, posterius inducta: Ἄλλ' ἐκεῖνοι μὲν πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλλόντες (sic) καὶ καταισχυρθέντες ἀπήεσαν πρὸς ἐσπέραν, φυλάζαντες (sic) τὸ περίορθρον. Πρὸς μὲν γὰρ τὸ πεζὸν τοξότας καὶ αὐτὸς ἀντεταξάμην, πρὸς δὲ τὸν ἰππικὸν ἰππικὸν, διχῇ τὸν στρατὸν παρατάξαντες.

измѣненіями въ 3. отрывокъ 1 гл. § 3; даже ошибочное правописаніе ἀποβαλλόντες вм. ἀποβαλόντες удержалось. Топархъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, счелъ нужнымъ дать сначала нѣкоторыя поясненія: какими судьбами случилось, что они жили въ полуразрушенномъ городѣ и стѣны были настолько непрочны, что они дѣлали свои вылазки скорѣе изъ открытаго селенія, чѣмъ изъ укрѣпленнаго города? Послѣ данныхъ разъясненій авторъ возвращается къ своему разсказу.

ἀπῆεσαν πρὸς ἑσπέραν, φυλάζαντες τὸ περίορθρον. Васильевскій: «къ вечеру они ушли, побоявшись (поопасшись) утра». Васильевскій, очевидно, смѣшиваетъ φυλάσσω съ φυλάσσομαι. Глаголь φυλάσσω ни въ коемъ случаѣ не можетъ имѣть значенія «бояться», «опасаться», придаваемого ему Васильевскимъ. Переводъ Газе также не подходитъ, ибо какимъ образомъ варвары могли, послѣ своего неудачнаго приступа, отступить вечеромъ (ночью, по 3 отрывку), если они сначала обождали разсвѣта дня (servato diliculo)? Очевидная несообразность. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что смыслъ фразы слѣдующій: «Варвары отступили вечеромъ (ночью), ожидая разсвѣта (въ ожиданіи, и ожидали разсвѣта)». Изъ 3 отрывка (1 гл. § 3 и § 4) оказывается, что варвары рано утромъ чуть свѣтъ (τὸ περίορθρον) ушли во свояси, такъ что топархъ, выступившій ἄμα ἕφ на зарѣ противъ нихъ, не нашелъ ихъ болѣе.

ἀντεταξάμην... παρατάξαντες. Конструкція неправильная.

Вышеприведенныя показанія пополняются 3 фрагментомъ 1 гл. § 3: Ἦσαν δέ μοι τότε ἰππεῖς μὲν ὀλίγω πλείους ἑκατὸν, σφενδονῆται δὲ καὶ τοξόται ὑπὲρ τ'.

Ἦ γῆ γὰρ προκατέσκαπτο и т. д. Сравни тамъ же οὕτως ἐπὶ κατεσκαμμένη πόλει τὴν οἴκησιν ποιουμένων. «Ἦ γῆ — прежде (§ 5) говорилось ἡ γῆ ἡμῶν, наша земля. Авторъ до такой степени любитъ повторять одни и тѣже обороты и слова, что, быть можетъ, опущеніе слова ἡμῶν (наша) не лишено основанія». Авторъ въ данномъ мѣстѣ, сдается мнѣ, разумѣетъ подъ ἡ γῆ не только свою собственную область, но вообще всю страну, о которой идетъ рѣчь. Если даже болѣе отдаленная, въ настоящее время не зависѣвшая отъ варваровъ, область топарха была раньше опустошена ими, то какимъ образомъ могли бы подобной участи избѣгнуть близъ лежащія, еще нынѣ варварамъ подвластныя земли?

καταβαλλόντων τὰ τείχη. Васильевскій задается вопросомъ, «почему сказано разрушали, а не разрушили (καταβαλόντων)? Были ли

еще другіе города и другія стѣны въ этой территоріи или области (γῆ), разоренной варварами? Или же здѣсь такая же ошибка въ правописаніи, какая сдѣлана авторомъ еще два раза въ рукописи (ἀποβαλλόντες вмѣсто ἀποβαλόντες)?... Намъ кажется вѣроятнымъ послѣднее». Спокойный тонъ, въ которомъ топархъ, вопреки своему обыкновенію, повѣствуетъ о прежнемъ разореніи варварами города, намекаетъ на то, что это событіе произошло задолго до его времени; когда именно, рѣшить трудно. Куникъ (Зап. Г. Т. стр. 120) думаетъ о концѣ VIII столѣтія, когда готы подъ начальствомъ епископа Іоанна подняли неудачное возстаніе противъ хазарскаго владычества, окончившееся разрушеніемъ ихъ главной крѣпости.

§ 7. Καὶ τότε ἀρχὴν ἐμοῦ πρώτου πάλιν οἰκῆσαι ¹⁾ τὰ Κλίματα διανοησαμένου. Τοιγάρτοι φρούριον μὲν τὸ πρῶτον ἐκ τῶν ἐνόντων ἐξωκοδόμησα παρ' αὐτήν, ὡς ἐκ τούτου ῥαδίως καὶ τὴν ἄλλην ἅπασαν πόλιν οἰκισθήσεσθαι...

Καὶ τότε ἀρχὴν и т. д. «И тогда только я первый напалъ на мысль снова поселиться въ Климатахъ» (по Газе и Кунику: возстановить Климаты οἰκίσαι). Τότε ἀρχὴν tunc demum, т. е. послѣ того какъ область была опустошена и стѣны города были разрушены,—полагаетъ Васильевскій. Но я съ такимъ толкованіемъ не согласенъ. По моему мнѣнію, авторъ послѣ пространнаго отступленія возвращается къ своему разсказу (въ началѣ 2 отрывка). Весьма интересно, что онъ даже повторяетъ выраженіе καὶ τότε ἀρχὴν, употребленное имъ въ началѣ 2 отрывка: Ἀρχὴν γὰρ δὴ τότε. Послѣ твердаго рѣшенія воевать съ варварами и мужественно отразить всѣ ихъ нападенія, топарху пришла въ голову мысль снова населить (отстроить) Климаты и превратить ихъ въ сильный оплотъ противъ враговъ. Что авторъ словами καὶ τότε ἀρχὴν ἐμοῦ πρώτου πάλιν οἰκῆσαι τὰ Κλίματα διανοησαμένου продолжаетъ нить разсказа, оборвавшуюся въ началѣ 2 фрагмента, явствуетъ изъ 3 отрывка, въ которомъ топархъ отчасти реферируетъ содержаніе 2 отрывка. См. 3 фрагментъ 1 гл. § 1 καὶ ὁ πόλεμος ἤρξατο и § 3 Ἄλλ' οἱ μὲν βάρβαροι τότε πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλόντες и т. д. Слова: «И крѣпостца выстраивалась съ большою поспѣшностью и окружалась рвомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ... началась война», прямо указываютъ на то, что планъ пріютиться въ Климатахъ и воз-

1) F. scribere voluit οἰκίσαι, instaurare.

обновить развалившееся укрѣпленіе, былъ непосредственнымъ слѣд-
ствиемъ рѣшенія начать съ варварами открытую войну.

πάλιν οἰκῆσαι. Газе и Куникъ полагають, что вслѣдствіе возник-
шаго уже въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ произношенія η
какъ ι, авторъ пишетъ *οἰκῆσαι* вмѣсто *οἰκίσαι*. Это весьма вѣроятно,
но утверждать положительно нельзя.

Вопросъ, слѣдуетъ ли читать *οἰκῆσαι* или же *οἰκίσαι*, не безъ зна-
ченія, потому что изъ *πάλιν οἰκῆσαι* вытекаетъ, что Климаты до этихъ
поръ не были мѣстопребываніемъ топарха и что лишь угрожавшая
со стороны варваровъ гибель заставила его переселиться въ разру-
шенный пустынный городъ и отстроить его. Впрочемъ, Васильевскій
слишкомъ далеко заходитъ, утверждая неизвѣстно на какомъ основа-
ніи, что и предшественники топарха не жили въ Климатахъ. Ежели
же читать *οἰκίσαι*, то тутъ идетъ рѣчь не о заселеніи Климатовъ за-
ново, а только о возведеніи укрѣпленій въ городѣ, служившемъ ему
резиденціею и являющемся естественнымъ сборнымъ пунктомъ для
всѣхъ окрестныхъ жителей. Но какъ бы то ни было, нѣтъ положи-
тельно ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ томъ, что городъ
Климаты находился въ области топарха.

Остается упомянуть о томъ, что § 7 по своему содержанію не
примыкаетъ къ предъидущему § 6, какъ это было разъяснено мною
выше, а самымъ тѣснымъ образомъ связывается съ началомъ 2. фраг-
мента, и потому слабое разграниченіе этихъ параграфовъ точкою съ
запятой [·] неумѣстно. Либо авторъ ошибочно помѣстилъ точку слиш-
комъ высоко, либо мы имѣемъ дѣло съ простымъ недосмотромъ
Газе.

ἐκ τῶν ἐνόντων. Газе: *pro facultatibus* (по возможности). Васильев-
скій безъ сомнѣнія правъ, если греческое выраженіе понимаетъ кон-
кретно и разумѣетъ подъ нимъ имѣющійся подъ руками матеріаль.

ἐκ τούτου: изъ этой (крѣпостцы). По Курцу, быть можетъ: вслѣд-
ствіе этого, по этой причинѣ.

τὴν ἄλλην ἅπασαν πόλιν. Что *πόλιν* = Климаты, ясно.

Относительно *τὰ Κλήματα* я назираю на то, что во всей визан-
тійской литературѣ *τὰ Κλήματα* или *τὰ Κλίματα* въ качествѣ имени
собственного встрѣчается только у Константина Багрянороднаго въ
его сочиненіи *de admin. impregio* и означаетъ область, расположенную на
Таврическомъ полуостровѣ. Уже одно это обстоятельство заставляеть
насъ по необходимости связывать *τὰ Κλήματα* фрагментовъ съ *τὰ*

Κλήματα у Константина Б., помимо всѣхъ другихъ намековъ, указывающихъ на южное побережье Крыма, какъ на родину топарха. Моимъ рецензентамъ я ставлю въ упрекъ, что они не потрудились высказаться на счетъ Климатовъ, не смотря на то, что я (ниже) посвятилъ Климатамъ особую статью, въ которой опредѣленно доказываю необходимость ихъ приуроченія въ значеніи имени собственнаго къ побережью Крыма между Херсонскою и Керченскою областями. Въ виду громадной важности такого результата для выясненія нашей Записки, Кулаковскій и Успенскій обязаны были либо его признать, либо его опровергнуть, а не обходить его молчаніемъ.

3. Отрывокъ.

1 Глава.

§ 1. Καὶ τὸ μὲν ἀνφοδόμητο τάχει πολλῶ, καὶ περιέφραχτο τάφρω. καὶ ἅμα τούτων ¹⁾... καὶ ὁ πόλεμος ἤρξατο.

τὸ μὲν относится къ только-что названному въ § 7 φρούριον. Это τὸ μὲν вмѣстѣ съ содержаніемъ всей фразы, въ которой особеннаго вниманія заслуживаетъ τάχει πολλῶ, говоритъ въ пользу того, что 3-ій отрывокъ является непосредственнымъ продолженіемъ второго. Это въ свою очередь подтвердитъ разборъ послѣдняго фрагмента. Такъ какъ второй и третій отрывки составляютъ одно неразрывное цѣлое, то было бы цѣлесообразнѣе говорить о двухъ фрагментахъ, а не о трехъ. И по мѣсту, занимаемому третьимъ отрывкомъ въ кодексѣ, онъ непосредственно слѣдуетъ за вторымъ, что явствуетъ изъ замѣчанія Газе: Sequuntur in folio alio abrupta illa, superioribus subjugenda. Поэтому Газе поступилъ бы правильнѣе, если бы вмѣсто многоточія въ концѣ 2. отрывка поставилъ просто точку.

ἅμα τούτων... слѣдующее затѣмъ слово Газе не въ состояніи былъ разобрать. Здѣсь ожидается выраженіе въ родѣ «приготовленія», «работы».

ὁ πόλεμος ἤρξατο. Уже раньше было указано на то, что авторъ тутъ повторяетъ высказанную имъ во 2-мъ отрывкѣ 2 гл. § 4 мысль καὶ ὁ μὲν πόλεμος εὐθὺς ἤρξατο.

1) Subest verbum adeo inductum, ut legi nequeat.

§ 2. Μεμέριστο δὲ τὸ φρούριον κατὰ συγγενείας, καὶ κατέθεντο ἐν αὐτῷ τὰ σπουδαιότερα ὅσα δὲ περιττά, ἔξω που κατὰ τὸν ἄλλον τῆς πόλεως περίβολον ἔκειτο. Ὀικεῖτο γὰρ ἤδη καὶ ἡ πόλις ἅπασα· τὸ δὲ φρούριον ὡς ἐν μεγάλῳ κινδύνῳ σώσειν ἡμᾶς ἐξητοίμαστο ¹⁾).

κατὰ συγγενείας. Семьи, роды, между коими была распределена крепостца, свидѣтельствуя о существованіи патриархальныхъ отношеній въ области топарха. По мнѣнію Успенскаго (Отчетъ), здѣсь слѣдовало обратиться къ военному смыслу слова. Онъ указываетъ на то, что по дружбѣ и по родству распределялись части войска въ палаткахъ и въ отрядахъ, что такое распределеніе удерживалось и въ строю, и въ пути, и на стоянкахъ. «Значитъ, приведенное мѣсто могло бы говорить о томъ, что башня..., какъ военная единица, раздѣлена была между частями военныхъ людей.

Ὀικεῖτο γὰρ ἤδη καὶ ἡ πόλις ἅπασα. Ср. конецъ 2. фрагмента καὶ τὴν ἄλλην ἅπασαν πόλιν οἰκισθήσεσθαι и немного выше въ томъ же § 7 ἐμοῦ πάλιν οἰκῆσαι τὰ Κλήματα διανοησαμένου. Городъ былъ уже настолько отстроенъ, что сталъ наполняться людьми. Равнымъ образомъ онъ былъ уже снабженъ стѣною, хотя и весьма непрочною (τοῦ τείχους ἀσθενεία въ 2. отр. 2 гл. § 5). Ср. κατὰ τὴν ἄλλον τῆς πόλεως περίβολον въ 3 отр. 1 гл. § 2.

τὸ δὲ φρούριον ὡς ἐν μεγάλῳ κινδύνῳ σώσειν ἡμᾶς ἐξητοίμαστο (ἐτηρεῖτο). Въ случаѣ занятія города врагами, цитадель должна была служить послѣднимъ убѣжищемъ. Что касается слѣдующаго за ἐξητοίμαστο и не зачеркнутаго авторомъ выраженія ἐτηρεῖτο, то по домыслу Васильевскаго авторъ хотѣлъ было съ него начать новое предложеніе, но, написавъ первое слово, раздумалъ, причѣмъ забылъ зачеркнуть ἐτηреῖτο. Мнѣ же, напротивъ, кажется, что авторъ хотѣлъ словомъ ἐτηреῖτο замѣнить выраженіе ἐξητοίμαστο. Весь городъ былъ заселенъ; крепостца же приберегалась какъ ultimum refugium. Здѣсь жители имѣли скрыться въ крайней опасности.

§ 3. Ἄλλ' οἱ μὲν βάρβαροι τότε πολλοὺς αὐτῶν ἀποβαλόντες ²⁾ καὶ καταισχυνθηθέντες ³⁾ ἀπήεσαν πρὸς νύκτα, φυλάξαντες τὸ περίορθρον· ἐγὼ δὲ ἅμα ἔω τὸν στρατὸν ἀντεξῆγον πολεμησείων. Ἦσαν δέ μοι τότε ἵππεῖς μὲν ὀλίγῳ πλείους ἑκατὸν, σφενδονῆται δὲ καὶ τοξόται ὑπὲρ τ'.

1) Sequitur hic ἐτηρεῖτο, quod oblitus est inducere scriptor.

2) ἀποβαλλόντες Cod.

3) Sic Codex. Vid. supra p. 114 not. 1: καταισχυνθέντες.

καταισχυνθηθέντες ошибочно вм. καταισχυνθέντες, какъ форма гла-
сить во 2 Фрагм. 2 гл. § 6; сравни стр. 400/401 у Васильевскаго.

πρὸς νόκτα стоить здѣсь вмѣсто πρὸς ἑσπέραν во второмъ отрывкѣ.
σφενδονῆται δὲ καὶ τοξόται ὑπὲρ τ': «Пращниковъ и лучниковъ
свыше 300». Въ латинскомъ переводѣ отмѣчено *сс*, что очевидно опе-
чатка вмѣсто *ссс*. А Васильевскій, должно быть, по недосмотру пере-
водитъ ὑπὲρ τ' «не болѣе трехъ сотъ».

Этотъ 3. § и зачеркнутое мѣсто въ § 6 (2. фр. 2. гл.) взаимно
дополняютъ другъ друга, о чемъ уже было говорено.

§ 4. Οὐδαμοῦ δὲ τῶν βαρβάρων ὄντων, τὰ τῷ καιρῷ μοι σύμφορα
ἐξηρτύετο, τεῖχος μὲν τὸ παλαιὸν ἀνεγείρων ¹⁾, καὶ διδάσκων τοὺς ἐμοὺς
εὖ παρεσκευάσθαι πρὸς τὰ πολέμια. Πρὸς δὲ τοὺς ἡμῖν προσέχοντας δρόμῳ
κήρυκας ἔπεμπον. καὶ μετεκαλούμην αὐτοὺς, σκεψόμενος περὶ τῶν ὄλων ²⁾.

τεῖχος μὲν τὸ παλαιὸν ἀνεγείρων. Дѣло идетъ о возобновленіи старыхъ
городскихъ стѣнъ, нѣкогда разрушенныхъ варварами. Въ § 2 той же
главы говорится о другомъ укрѣпленіи города (κατὰ τὸν ἄλλον τῆς
πόλεως περίβολον), но оно, очевидно, не тождественно съ старой город-
скою стѣною, а есть какая-то предварительно и наскоро выстроенная
ограда, такъ какъ лишь по отступленіи варваровъ топархъ приказалъ
воздвигнуть прежнія городскія стѣны.

Πρὸς δὲ τοὺς ἡμῖν προσέχοντας, «къ тѣмъ, которые держались
насъ», которые относились къ намъ дружественно, сочувствовали намъ;
или просто: къ нашимъ приверженцамъ. Газе: *Eos autem qui ditio-
nis nostrae erant, nunciis cursim missis arcessivi*. Поповъ: къ нашимъ
союзникамъ. Васильевскій на стр. 401 и Куникъ (Зап. Г. Т.
120—121) не согласны съ переводомъ Газе и Попова и настаиваютъ
на дословномъ значеніи προσέχω. Авторъ опредѣленно различаетъ
«стѣхъ, которые держались насъ», отъ «своихъ людей» (τοὺς ἐμούςς).
Первые не принимали участія въ оборонѣ Климатовъ, ибо въ такомъ
случаѣ топархъ не принужденъ бы былъ ихъ пригласить къ себѣ въ
Климаты (ср. Вас. 401). Изъ очерка автора явствуется, что не вся
сосѣдняя земля была опустошена варварами, а что вблизи Клима-
товъ находились области, которыхъ еще не коснулись варвары и
откуда самые знатные были созваны топархомъ на совѣщаніе.

1) Sic Cod.

2) Sic primo leguntur illa: Δείσας δὲ, μὴ ἑσαυθις τελείωνι δυνάμει ἄφι, sed haec in-
ducta sunt. Deinceps illa item inducta, καὶ στρατῷ μεγάλῳ ἀφίξοιντο. Γενομένης δὲ
ἐκκλησίας, ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε. Inde haec non inducta Ἀφιγμένων δὲ κ. τ. λ. quae in
textum recepi.

Уже здѣсь позволяю себѣ подчеркнуть, что заключеніе, которое Вас. дѣлаетъ на основаніи § 4, несостоятельно. Оно гласитъ: «Итакъ, гарнизонъ крѣпости и его начальникъ, нашъ топархъ, были здѣсь людьми чуждыми, пришлыми... Наконецъ, и тѣ, которые держались топарха и его земляковъ, не были особенно привязаны къ нему и уже готовы были передаться вслѣдъ за другими той же варварской власти». Доказательство воспослѣдуетъ ниже.

σχεφόμενος περὶ τῶν ὅλων «съ цѣлью все взвѣсить», «чтобы имѣть возможность обозрѣть общее положеніе дѣлъ» и. т. д. Переводъ Вас.: «имѣя въ виду принять окончательное рѣшеніе», кажется мнѣ нѣсколько сомнительнымъ. Газе: de regum summa in consilium ire volens.

Послѣ предложенія τεῖχον μὲν τὸ παλαιὸν ἀνεγείρων слѣдуютъ подчеркнутыя авторомъ слова: Δείσας δὴ μὴ ἐσαυθὺς τελείονι δυνάμει ἀφ... καὶ στρατῷ μεγάλῳ ἀφίξοιντο. Γενομένης δὲ ἐκκλησίας, ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε. Изъ опасенія вторичнаго нашествія варваровъ съ болѣе сильнымъ войскомъ, топархъ воздвигаетъ старую городскую стѣну, велитъ своимъ людямъ упражняться въ военныхъ дѣйствіяхъ и посылаетъ нарочныхъ къ своимъ приверженцамъ съ приглашеніемъ явиться въ Климаты на совѣщаніе.

Предложеніе δὲ ἐκκλησίας, ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε возстановляется нѣсколько ниже въ 2. гл. § 1. Предшествующія же вычеркнутыя слова опущены авторомъ, но не потому, чтобы мысль, выраженная въ нихъ, показалась ему неправильною. Напротивъ, всѣ поступки топарха, всѣ принятыя имъ мѣры указываютъ на то, что онъ не считалъ войны оконченною, а ожидалъ новаго сильнѣйшаго нападенія.

2 ГЛАВА.

§ 1. Ἀφικμένων δὲ ἀπαντοχόθεν, καὶ ἐκκλησίας ἐκ τῶν ἀρίστων γενομένης, ἃ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε, καὶ ὡς οἶων δεσποτῶν μᾶλλον ἀντιποιεῖσθαι προσήκει, καὶ πρὸς οἶους ἐλθόντας τίνα ὠφέλειαν πειρᾶσθαι ἀπ' αὐτῶν εὐρίσκειν, καὶ τί ποιητέον ἐστὶ, καὶ τᾶλλα πάντα, ὅσα τότε εἶπον ἐγὼ, ἃ καὶ παντὸς μᾶλλον τιμησαίμην, μακρὸν ἂν εἴη πάντα ἐξεφῆς λέγειν βούλεσθαι.

Послѣ разрыва съ варварами дѣло шло объ избраніи новаго покровителя, который былъ бы въ состояніи защитить ихъ отъ варваровъ. Рѣчь, которую Васильевскій влагаетъ въ уста топарху, не что иное, какъ произведеніе его собственной фантазіи. Изъ соображеній, руко-

водившихъ собраніемъ, видно, что доводы топарха носили весьма практическій характеръ, что подъ властелинами (δεσποτῶν) разумѣлись только императоръ византійскій и великій князь Кіевскій. Между ними приходилось выбирать.

При этомъ ораторъ, повидимому, изложилъ объективно положеніе дѣлъ и безпристрастно взвѣсилъ всѣ доводы pro и contra. Въ своей рѣчи онъ не обнаруживаетъ своего личнаго расположенія къ тому или другому монарху, хотя и слѣдуетъ предположить, что онъ, если уже тогда находился въ сношеніяхъ съ великимъ княземъ, склонялся въ душѣ на сторону послѣдняго. Мнѣ непонятно, отчего Васильевскій считаетъ топарха представителемъ византійской власти, отстаивающимъ интересы императора; Куникъ же, напротивъ, изъ его рѣчи выводитъ его готовность совсѣмъ отложиться отъ Византіи. Ни на желаніе автора Записки держаться византійскаго правительства, ни на противоположное намѣреніе отстраниться отъ Византіи, нѣтъ никакого указанія въ его рѣчи и сообщенныхъ имъ побужденіяхъ, руководившихъ собраніемъ при выборѣ себѣ новаго покровителя. Если Успенскій (Отчетъ 261) замѣчаетъ: «конструкція фразы [ἀ μὲν εἶπον ἐγὼ τότε... οἱ δὲ εἶτε ὡς μηδέποτε βασιλικῆς εὐνοίας ἀπολελαυκότες] показываетъ, что въ рѣчи автора отрывковъ былъ тотъ предметъ, который выдвигается въ репликѣ (οἱ δὲ);... что духъ его рѣчи былъ эллинофильскій», — то все-таки изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, будто нашъ топархъ состоялъ на византійской службѣ, былъ византійскимъ чиновникомъ.

§ 2. Οἱ δὲ, εἶτε ὡς μηδέποτε βασιλικῆς εὐνοίας ἀπολελαυκότες, μηδ' Ἑλληνικωτέρων τρόπων ἐπιμελούμενοι, αὐτονόμων δὲ μάλιστα ἔργων ἀντιποιοῦμενοι, εἶτε ὄμοροι ὄντες πρὸς τὸν κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύοντα, μετὰ τοῦ στρατῶ ἰσχύειν πολλῶ καὶ δυνάμει μάχης ἐπαίρεσθαι, ἢθεσί τε τοῖς ἐκεῖ τὰ παρὰ σφῶν αὐτῶν οὐκ ἀποδιαφέροντες, ἐκείνων ¹⁾ καὶ σπείσασθαι καὶ παραδώσειν σφᾶς ξυνέθεντο, κάμὲ τὰ τοιαῦτα πράξειν κοινῇ πάντες ἐπεψηφίσαντο.

εἶτε ὡς μηδέποτε... Частица ὡς означаетъ, что авторъ передаетъ мнѣніе собранія, а самъ нарочно ступшевывается. Поэтому нельзя знать, обличаетъ ли онъ жителей въ неблагодарности (Васильевскій) или же осуждаетъ византійское правительство (Куникъ). Въ своемъ неизданномъ сочиненіи (Галиндо, стр. 374 и 377—378) Куникъ высказывается слѣдующимъ образомъ:

1) Читай ἐκείνῳ или же ἐκείνοισ.

«Топархъ, какъ писатель, обнаруживаетъ мѣстами... манеры дипломата или, проще, политическаго іезуита, скрывая истинный ходъ событій. Такъ онъ недостаточно раскрываетъ причины, заставившія въ концѣ концовъ народецъ, во главѣ котораго онъ стоялъ опекуномъ, вступить подъ покровительство великаго князя Кіевскаго... Топархъ, очевидно, не хотѣлъ раскрыть предъ другими дѣйствительнаго хода совѣщаній, происходившихъ въ земскомъ собраніи, созданномъ имъ самимъ. Хотя онъ сообщаетъ, что предложилъ собранію вопросъ: кого оно желаетъ избрать себѣ при современномъ положеніи дѣль государемъ или повелителемъ, но онъ же не хочетъ дать и вида, что знаетъ, почему результатъ совѣщаній былъ такой, а не иной. Съ другой же стороны онъ не считаетъ лишнимъ сообщить объ этомъ свое личное мнѣніе и высказать причины: 1) почему его кліенты совершенно отстранились отъ Византіи и 2) почему они рѣшились обратиться къ русскому великому князю? Онъ раздѣляетъ эти два предложенія нарѣчіемъ εἴτε—εἴτε, не высказываясь однако прямо въ пользу мысли, заключающейся въ томъ или другомъ. Но изъ предыдущихъ его словъ можно заключить, что почти навѣрное въ своей рѣчи онъ указалъ, хотя не прямо, на русскаго князя, какъ на самаго надежнаго спасителя».

Васильевскій передаетъ частицу ὡς черезъ «какъ будто», что вводитъ читателя въ заблужденіе. ὡς лучше всего перевести здѣсь черезъ «де» или «какъ они говорили». «Ибо они-де никогда не пользовались благорасположеніемъ императорскимъ». Этотъ аргументъ доказываетъ, что собравшіеся люди не могутъ быть жителями Херсона, которые въ теченіе многихъ вѣковъ были предметомъ особыхъ попеченій греческихъ императоровъ, получая отъ нихъ нерѣдко крупныя денежныя вспоможенія, и въ данное время управлялись императорскими сановниками.—«Мѣсто слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что за дальностью власти императора обитатели тѣхъ мѣстъ не могли воспользоваться благами, проистекающими изъ принадлежности къ великому христіанскому государству» (Успенскій Кіевск. Старина 275).

μηδ' Ἑλληνικώτερον τρόπων ἐπιμελούμενοι. Куникъ (Записка Г. Т. 121) замѣчаетъ: «Извѣстно, что византійцы уже не называли себя Ἕλληνες, — имя это получило у нихъ значеніе язычниковъ, — а именовали себя Ῥωμαῖοι. Только иноплеменнымъ народамъ давали они имя Грековъ, Γραικοί, какъ скоро тѣ бросали свой родной языкъ и эллинизировались... Сравнительное ἑλληνικώτερος употреблялось уже

и въ древности, въ смыслѣ: болѣе на греческій образецъ, т. е. болѣе на подобіе народовъ, мыслящихъ и дѣйствующихъ какъ образованные Элліны. Слѣдовательно объясненіе Газе: *graecanica vitae ratio* вполне вѣрно». Васильевскій же (406) разумѣетъ подь *οἱ ἑλληνικοὶ τρόποι* языческіе варварскіе обычаи, передаетъ *μὴ ἐπιμελούμενοι* словами «не заботясь», «не обращая вниманія», понимая ихъ, видимо съ натяжкой, въ томъ смыслѣ, что участниковъ вѣча не отвращали, не отталкивали языческіе обычаи того народа, которому они рѣшили передаться.

Противъ такого домысла говоритъ уже то обстоятельство, что авторъ раздѣляетъ побужденія собранія явно на двѣ группы: въ первой сопоставлены причины, отвернувшія его отъ Византіи; во второй соединены всѣ доводы, заставившіе примкнуть къ царствующему на сѣверѣ отъ Дуная. Весьма мѣтко замѣчаніе Успенскаго (275), направленное противъ Васильевскаго: ...«здѣсь нужно имѣть въ виду сопоставленіе *ἑλληνικώτεροι τρόποι* и *αὐτόνομα ἔργα*. Здѣсь именно выставлена бросающаяся въ глаза разность между обширнымъ государствомъ съ строгой централизаціей власти, каково было византійское государство, и небольшими сельскими общинами, племенами или кланами, изъ которыхъ каждое управляется своею родою или племенною властью». Но окончательно подорвалъ толкованіе Васильевскаго Куникъ въ своемъ «Галиндо» (376 сл.): ...«у Византійцевъ было еще живо воспоминаніе того, что *Ἕλληνες* были не только язычниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно представителями цивилизаціи въ противоположность другимъ восточнымъ и европейскимъ народамъ, которые считались варварами... Не смотря на то, что Византійцы употребляли *Ἕλληνες* и *ἑλληνικός* въ значеніи язычники и языческій, въ то же время они нисколько не затруднялись обозначать языкъ и характеръ древнихъ Грековъ названіями, напоминающими о связи, существовавшей между стариною и новымъ временемъ. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить патріархъ Фотій... терминъ *ἑλληνικώτεροι τρόποι* встрѣчается въ томъ мѣстѣ, гдѣ топархъ приводитъ причины, заставившія Готовъ отстраниться отъ Византіи. По этому этотъ терминъ рѣшительно нельзя примѣнить къ Руси и въ данномъ случаѣ не заключаетъ въ себѣ никакого намека на языческія понятія, господствовавшія на Руси или у Византійцевъ. Наконецъ въ немъ не скрывается никакой упрекъ, сдѣланный будто бы топархомъ Готамъ за то, что послѣдніе, какъ православные христіане, выбирая себѣ покровителя, не обращали вниманія на то, что они попадали подь власть

языческой Руси... Съ чисто филологической точки зрѣнія всякая попытка объяснять терминъ ἑλληνικώτεροι τρόποι языческими обрядами можно считать не малою тратою времени и труда. Прежде всего каждый изслѣдователь этого вопроса обязанъ объяснить самымъ убѣдительнымъ и нагляднымъ образомъ причину употребленія топархомъ прилагательнаго въ превосходной степени. Не хотѣлъ ли топархъ такимъ употребленіемъ предостеречь читателей отъ смѣшенія значенія ἑλληνικώτεροι τρόποι съ значеніемъ ἑλληνικοὶ τρόποι, какое при дается послѣднему выраженію въ византійско-церковномъ языкѣ? Какъ бы то ни было, но значеніе этой превосходной степени, какъ отдѣльное слово, объясняется прямо изъ древнегреческаго языка... Если бы прилагательное ἑλληνικός въ превосходной степени употреблялось и въ церковномъ смыслѣ, то въ множествѣ памятниковъ византійской духовной письменности давнымъ давно нашлись бы примѣры такого употребленія. Слѣдовательно, топарху ἑλληνικώτερος было извѣстно по какому нибудь, не дошедшему до насъ, памятнику древнегреческой письменности. Нарѣчіе ἑλληνικώτερος извѣстно только по одному схолиасту Гомера, — въ значеніи: magis graece, а въ нынѣшнемъ разговорномъ греческомъ языкѣ употребляется: ἐπὶ τὸ ἑλληνικώτερον въ значеніи: лучше по гречески (при объясненіи словъ, встрѣчающихся только въ простонародномъ говорѣ). Въ другихъ случаяхъ ἑλληνικώτερος (magis graece) могло значить: болѣе на греческій образецъ. Въ превосходной степени ἑλληνικώτατος встрѣчается только разъ, — въ одной изъ рѣчей Демосѳена (439) противъ Филиппа Македонскаго, котораго одинъ льстецъ почтилъ этимъ прозвищемъ. Но для насъ особенно важны два мѣста у Плутарха. Въ одномъ изъ нихъ говорится о Нумѣ, — слѣдовательно, собственно о варварѣ, — что онъ въ своихъ постановленіяхъ о рабахъ былъ гораздо гуманнѣе Ликурга... и приводятся подробныя доказательства на это. Особенно интересна для насъ характеристика извѣстнаго вождя возставшихъ рабовъ въ Италіи (72 г. до Р. Х.), Спартака, варварское происхожденіе котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію: Спартакъ, Θρακίεψ, изъ рода кочевниковъ, человѣкъ не только сильнаго ума, отличавшійся физическою силою; но и, по своей проницательности и кротости, стоялъ выше своей судьбы и былъ болѣе гуманнымъ, чѣмъ свойственно его роду τοῦ γένους ἑλληνικώτερος (т. е. чѣмъ можно было ожидать отъ человѣка такого происхожденія). Послѣ всего сказаннаго, я осмѣливаюсь надѣяться, что уже никто не подумаетъ примѣнить терминъ

ἑλληνικώτεροι τρόποι къ образу жизни язычниковъ. Удалось ли мнѣ объяснить значеніе этого термина у топарха, вѣрно и точно, или только отчасти, приблизительно, — пусть рѣшаютъ другіе. Замѣчу только, что топархъ не совершенно исключаетъ понятія народности въ переносномъ значеніи слова ἑλληνικώτερος, такъ какъ, по убѣжденію Византійцевъ, представителями высшей культуры были Ромеи или Греки (Ῥωμαῖοι или Γραικοί) какъ потомки древнихъ Эллиновъ».

Не знаю, имѣеть ли въ данномъ случаѣ τρόποι значеніе «обычай», въ виду слѣдующей фразы αὐτονόμων δὲ μάλιστα ἔργων ἀντιποιούμενοι. Автономія, которой они прежде всего домогались, противопоставляется (какъ уже замѣтилъ Успенскій) централизаціи византійскаго правительства (господствовавшей и у болгаръ). Не лучше ли поэтому передать τρόποι словами: «образъ жизни», «бытовые порядки».

αὐτονόμων δὲ μάλιστα ἔργων ἀντιποιούμενοι. Эти слова также говорятъ противъ Херсонской республики, какъ мѣстожителства топарха, такъ какъ они свидѣтельствуютъ о томъ, что жители выше всего ставили свою автономію, которой они повидимому до сихъ поръ пользовались, находясь въ слабой зависимости отъ варваровъ.

Сопоставимъ здѣсь еще разъ по Кунику (Галиндо 378) всѣ тѣ побужденія, которыя заставили жителей (со словъ топарха) отказаться отъ византійскаго протектората.

«Онъ (топархъ) приводитъ три причины отстраненія Готовъ отъ Византіи. По нему, Готы относительно Византіи держались того мнѣнія, будто бы императорская власть никогда не была къ нимъ благорасположена; но, можетъ быть, прибавляетъ онъ, они не предпочли византійскаго господства потому, что, по нерадѣнію, мало заботились о сближеніи съ цивилизованнымъ міромъ, представителемъ котораго въ его глазахъ была Византія. Наконецъ, — что онъ считаетъ, кажется, самою главной причиною, — потому что они особенно заботились о сохраненіи своей автономіи, которую рисковали, судя по его, не совсѣмъ ясно высказанному, намеку, совершенно потерять, если они, въ случаѣ опасности, вступятъ въ болѣе близкую и тѣсную связь съ деспотически устроенной Византіею и ея льстивыми сановниками. Готамъ, безъ сомнѣнія, было извѣстно, что Херсонъ, жители котораго считались сосѣдями Готовъ, лишился не такъ давно своей старой автономіи и съ тѣхъ поръ долженъ былъ принимать назначаемого изъ Константинополя стратега или коменданта».

Теперь слѣдуютъ причины, побудившія жителей отдаться подъ протекторатъ царствующаго къ сѣверу отъ Дуная.

1) ὁμοροι ὄντες πρὸς τὸν κατὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύοντα. Если Климаты, въ чемъ невозможно сомнѣваться, лежали въ Крыму, то изъ сосѣдства жителей крымскихъ съ царствующимъ къ сѣверу отъ Дуная вытекаетъ, что послѣдній былъ могущественнымъ государемъ, ибо его владѣнія располагались на сѣверѣ отъ Дуная и съ другой стороны граничили съ областью таврическаго топарха. Здѣсь, кажется, рѣчь идетъ о непосредственномъ сосѣдствѣ съ областью топарха, въ противоположность взгляду Успенскаго (276), согласно съ которымъ имѣется въ виду сфера вліянія царствующаго къ сѣверу отъ Дуная. Въ слѣдующемъ параграфѣ, на что обращаю вниманіе, названный монархъ присоединяетъ къ территоріи топарха еще цѣлую сатрапію, значить онъ имѣлъ большую власть, по крайней мѣрѣ сильное вліяніе на дѣла Таврическаго полуострова. Но я желалъ бы тутъ напомнить читателямъ, что между его владѣніями въ Крыму и его громаднымъ государствомъ, расположеннымъ къ сѣверу отъ Дуная, залегаютъ степныя пространства, въ которыхъ его власть стѣснялась или даже совсѣмъ парализировалась кочевыми наѣздниками (см. конецъ 1 Фрагмента).

Изъ сказаннаго можно смѣло вывести заключеніе, что могущественный монархъ не можетъ быть какимъ нибудь печенѣжскимъ княземъ (ханомъ), съ каковымъ мнѣніемъ Васильевскій и Куникъ вполне согласны; ибо печенѣги распались на многія орды и каждое племя имѣло своего начальника. Тоже самое относится и къ половцамъ, появившимся въ XI столѣтіи на югѣ Россіи. Скорѣе можно было бы думать о венграхъ, когда они разводили свои кочевья въ припонтійскихъ степяхъ, такъ какъ ихъ политическая организація отличалась, какъ полагаютъ, нѣкоторою централизациею. Но такое допущеніе исключаетъ замѣчаніе, что члены народнаго собранія (въ Климатахъ) не отличаются въ своихъ обычаяхъ отъ народа, къ которому они рѣшили присоединиться, населеніе же на южномъ побережьѣ Крыма осѣдлое. Даже если бы мы не знали, въ какой части Таврическаго полуострова лежатъ Климаты: въ нагорной или степной, то все-таки мы причислили бы жителей топарховой области и его сосѣдей къ осѣдымъ народамъ въ виду сообщенія о многихъ городахъ и селахъ, бывшихъ по сосѣдству съ Климатами, и о войскѣ топарха, состоявшемъ изъ 300 пѣхотинцевъ и 100 всадниковъ.

Итакъ, не представляется никакой возможности подданныхъ царствующаго къ сѣверу отъ Дуная отождествлять съ кочевниками. Могущественный повелитель долженъ, слѣдовательно, совпасть съ великимъ княземъ кievскимъ. Нѣкоторые ученые, правда, разумѣютъ подъ нимъ болгарскаго царя Симеона, но безъ всякой основательной причины. Предполагая даже, что Климаты лежатъ на Дунаѣ, нельзя утверждать, будто *κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύων* есть царь болгаръ, оттого что болгарское царство простиралось на югъ отъ Дуная и вопросъ о томъ, имѣли ли болгары вообще владѣнія къ сѣверу отъ Дуная, остался понынѣ спорнымъ. Въ степяхъ, къ сѣверу отъ Дуная, жили кочевники. Какъ ни вертѣтъ слово *βασιλεύων*, все же понимать подъ выраженіемъ *ὁ κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου βασιλεύων* царя болгарскаго является полнымъ произволомъ.

Браунъ (на стр. 79) передаетъ намъ сообщенное ему устно въ частной бесѣдѣ мнѣніе Куника, которому кажется страннымъ, если бы топархъ, получившій прекрасное греческое образованіе, назвалъ Святослава *βασιλεύων*, тогда какъ лишь Владимиръ послѣ своего крещенія сталъ величаться *βασιλεύς*. Но тому я противопоставляю замѣчаніе Куника отъ 1874 года (Записка Г. Т. 123 (24): «Если бы топархъ написалъ *βασιλεύς*, то слѣдовало бы тутъ разумѣть великаго князя Владимира, котораго византійскіе императоры, если вѣрить первоначальному тексту Соборной грамоты 1551 года, дѣйствительно почтили почетнымъ титуломъ *βασιλεύς* (въ смыслѣ царя)». Но топархъ, что прошу не упускать изъ виду, пишетъ *βασιλεύων*, не *βασιλεύς*. Астрономическое вычисленіе исключаетъ время правленія Владимира Святого.

2) *μετὰ τοῦ στρατῶ ἰσχύειν πολλῶ καὶ δυνάμει μάχης ἐπαίρεσθαι*. *Μετὰ τοῦ...* «помимо того что»... «къ тому присоединяется что»... На основаніи формъ *ἰσχύειν* и *ἐπαίρεσθαι* нельзя судить о томъ, находился ли еще въ живыхъ великій князь въ то время, когда топархъ писалъ свой очеркъ, другими словами, разрѣшается ли здѣсь неопредѣленное наклоненіе настоящимъ временемъ или прошедшимъ. Многочисленное войско и военная сила намекаютъ на весьма могущественнаго, общеизвѣстнаго монарха и отвергаютъ всякую мысль о какомъ нибудь незначительномъ военачальникѣ той или другой орды.

3) *ἦθεσί τε τοῖς ἐκεῖ τὰ παρὰ σφῶν αὐτῶν οὐκ ἀποδιαφέροντες*. По Эд. Курцу неупотребительный глаголъ *ἀποδιαφέρω* стоитъ здѣсь безъ сомнѣнія вмѣсто простаго *διαφέρω*; *τοῖς ἐκεῖ* же относится къ *ἦθεσι*,

между тѣмъ какъ Васильевскій переводитъ: «не отличаются по обычаямъ отъ тамошнихъ (жителей) въ своемъ собственномъ быту». Куникъ (Галиндо 375 и 379) замѣчаетъ, что «члены народнаго собранія, по своему національному (народному) характеру (ἤθη), были довольно близки къ тѣмъ, которые окружали русскаго князя или, по преимуществу, представляли военную его силу». По Кунику и нѣкоторымъ другимъ ученымъ, топархъ желалъ указать на средство готовъ съ руссами-норманнами. Не рѣшаюсь высказаться въ пользу такого смѣлаго предположенія.

ἐκείνων (читай: ἐκείνω, или же ἐκείνοις) καὶ σπείσασθαι καὶ παραδώσειν σφᾶς ξυνέθεντο. Σπένδομαι значитъ заключить договоръ, союзъ, а далѣе: заключить перемирие или миръ. Σπένδομαι = paciscor. Газе: statuerunt pacisci cum illis. Васильевскій: «они рѣшили заключить съ нимъ миръ (примириться)», хотя онъ на стр. 411/412 соглашается съ тѣмъ, что σπείσασθαι можетъ означать: заключить договоръ безъ предварительной войны. Толкованіе Васильевского обусловливается предвзятымъ мнѣніемъ, раздѣляемымъ къ сожалѣнію и другими изслѣдователями, будто варвары, напавшіе на Климаты, тождественны съ русскими. По Васильевскому участники вѣча вошли въ соглашеніе, примирились съ «варварами». Русскій переводъ (Васильевского), исправленный Куникомъ (Галиндо 375), долженъ гласить слѣдующимъ образомъ: «Но или потому, что они-де никогда не пользовались благорасположеніемъ императорскимъ и не заботятся, чтобы освоиться съ цивилизованною жизнью (или: не заботятся о болѣе эллинскихъ порядкахъ), главнымъ образомъ потому что стремятся къ автономіи, или потому, что они сосѣдятъ (или: граничатъ) съ тѣмъ, кто царствуетъ на сѣверѣ отъ Дуная (или: за Дунаемъ, — въ сѣверныхъ странахъ...), и вмѣстѣ съ тѣмъ, могучъ большимъ войскомъ и надмевается силою въ бояхъ, и (потому, наконецъ, что) не отличаются по ихъ (народному) характеру отъ тамошнихъ (жителей) въ своемъ собственномъ быту (дословно: не отличаются отъ тамошнихъ обычаевъ въ своемъ собственномъ быту) (такъ или иначе, но) они рѣшили заключить съ нимъ договоръ и передаться ему».

καὶ μετὰ ταῦτα πράξειν κοινῇ πάντες ἐπέφηρίσαντο. Исходя изъ того вполне неправильнаго представленія, будто топархъ въ качествѣ византійскаго намѣстника (чѣмъ онъ на дѣлѣ не былъ) отстаивалъ интересы византійскаго правительства, Васильевскій переводитъ съ натяжкою: «и сообща всѣ подали голосъ, что и я долженъ сдѣлать

то же самое». Собравшееся вѣче заставило, по Васильевскому, топарха помириться съ варварами. Но *τοιαῦτα* не значитъ «то же самое». Смысль предложенія ясный: «и они всѣ сообща подали голосъ, чтобы я же совершилъ (исполнилъ) таковое (чтобы я же ихъ рѣшеніе привелъ въ исполненіе)». Ср. вполне правильный переводъ Газе: *me autem negotium perficere publicitus omnes decreverunt*. Собраніе единодушно постановило поручить топарху веденіе переговоровъ съ великимъ княземъ кіевскимъ.

Лестное топарху, единодушное рѣшеніе вѣча свидѣтельствуешь о томъ довѣрїи, которое питали къ его личности и дипломатическимъ способностямъ. Не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо принужденіи, которому онъ противъ собственнаго желанія долженъ былъ подчиниться. Онъ говоритъ просто: *καὶ ἀπήειν* «и я отправился», и тутъ же прибавляетъ *ἵνα τὰ ἡμέτερα σωθῶσι*. Изъ этого можно вывести заключеніе, что топархъ самъ считаетъ эту мѣру спасительной и необходимой; онъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на то, охотно ли или неохотно онъ пошелъ къ великому князю. Изъ слѣдующаго за симъ разсказа о ласковомъ приѣмѣ и выгодномъ договорѣ лишь видно, что онъ весьма радъ былъ успѣшному исполненію возложеннаго на него порученія. Ни въ чемъ не проявляется его (мнимая) досада на рѣшеніе собранія. Къ тому и вопросъ о національности топарха неразрѣшимъ. Прекрасный греческій языкъ, на которомъ онъ пишетъ, онъ могъ себѣ усвоить путемъ греческаго образованія. Ничто не заставляетъ насъ видѣть въ немъ византійскаго сановника; онъ скорѣе уроженецъ области Климатовъ, интересы которой онъ такъ близко принимаетъ къ сердцу. Куникъ (Галиндо 348 и 349): «Менѣ посчастливилось другому моему замѣчанію, высказанному мною въ 1874 году: Вся статья (топарха) производитъ такое впечатлѣніе, какъ бы она написана не наѣзжимъ императорскимъ чиновникомъ, а природнымъ жителемъ Крыма... (стр. 73). На стр. 71-ой я даже поставилъ вопросъ: Не избирался ли готскій топархъ, подобно корсунскому городскому магистрату, самими жителями (южнаго Крыма)?... Въ такомъ случаѣ, заключилъ я, онъ не былъ императорскимъ чиновникомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Никто, кажется, не обратилъ вниманія на это мое замѣчаніе и, конечно, гораздо легче было отвести автору записки мѣсто коменданта какой-нибудь византійской крѣпости... Гедеоновъ говоритъ, что топархъ выдержалъ осаду по всѣмъ признакамъ въ одномъ изъ греческихъ городовъ Таврическаго полуострова! Можно было бы

назвать эту крѣпостцу греческою, если бы мы знали, что она была нѣкогда основана византійскими императорами или что топархъ располагалъ греческимъ гарнизономъ. Въ запискѣ мнимаго византійскаго коменданта нельзя найти даже и намека на то, что подчиненные топарха, какъ дезертиры, покинули эту крѣпость».

§ 3. Καὶ ἀπῆειν, ἵνα τὰ ἡμέτερα σωθῶσι, καὶ ἐνέτυχον αὐτῷ ὡς εὐξαιτ' ἂν μάλιστα τις. Καὶ, ὡς δυνατὸν ἐν βραχεῖ λόγῳ πᾶν συμπεράνας αὐτῷ, ἐκεῖνος μὲν παντὸς μᾶλλον¹⁾ μείζον τὸ πρᾶγμα ἐλογίσατο, ἐμοὶ δὲ τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχὴν αὖθις ἀσμένως πᾶσαν ἔδοτο, καὶ προσέθηκε καὶ σατραπείαν ὅλην, ἐν τε γῆ τῇ αὐτοῦ προσόδους ἐπετείους ἱκανὰς ἐδώρήσατο.

καὶ ἐνέτυχον αὐτῷ Васильевскій: «и былъ принятъ имъ». Собственно: «и сошелся съ нимъ». Не указываетъ ли такой пріемъ на дружескія сношенія, уже существовавшія между авторомъ Записки и могущественнымъ монархомъ? Замѣнилъ ли собою протекторатъ русскаго великаго князя прежнее номинальное покровительство византійскаго императора, какъ полагаетъ большинство ученыхъ, или же жители промѣняли слабую зависимость отъ варваровъ на союзъ съ русскими, — этотъ вопросъ останется открытымъ. Успенскій (Отчетъ 251):... «выраженіе ἐνέτυχον, далеко не давая мысли о дружескихъ сношеніяхъ, ...можетъ служить указаніемъ на то, что свиданіе произошло не въ столицѣ, а скорѣй случайно въ походѣ или въ пути... Путешествіе вообще не могло быть въ далекую область, принимая во вниманіе опасное положеніе Климатовъ и грозу варварскаго нападενія». Съ этими замѣчаніями нельзя не согласиться.

Καὶ, ὡς δυνατὸν ἐν βραχεῖ λόγῳ πᾶν συμπεράνας. Васильевскій: «По возможности въ краткой бесѣдѣ я порѣшилъ съ нимъ обо всемъ». Газе: *Atque ita, ubi colloquio brevi, ut poteram, totum negotium transegeram cum eo.* Λόγος не совсѣмъ точно переводится, мнѣ кажется, словами colloquium, бесѣда. Въ такомъ значеніи слѣдовало бы ожидать множественнаго числа (λόγοι). Тутъ, повидимому, рѣчь идетъ о донесеніи, сдѣланномъ монарху топархомъ. Какъ бы то ни было, слова ὡς δυνατὸν ἐν βραχεῖ λόγῳ предполагаютъ до извѣстной степени, что монархъ былъ уже до того времени хорошо ориентированъ относительно общаго положенія дѣлъ на родинѣ топарха. Изложеніе топарха производитъ на меня впечатлѣніе, какъ будто онъ въ качествѣ союз-

1) Sic Cod.

ника, либо вассала дѣлаетъ докладъ государю о важнѣйшихъ происшествіяхъ въ своей родной странѣ.

ἔμοι δὲ τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχὴν αὖθις ἀσμένως πᾶσαν ἔδοτο. Больше всего вниманія здѣсь обращаетъ на себя αὖθις rursus, iterum = снова, опять, вторично. Если просто подойти къ этой фразѣ, не мудрствуя лукаво, то она намъ говоритъ, что топархъ уже раньше былъ нѣчто въ родѣ посадника великаго князя и въ настоящее время снова утверждался имъ въ своемъ санѣ. За оказанныя услуги онъ былъ награжденъ увеличеніемъ подвластной ему территоріи и дарованіемъ ему ежегодныхъ доходовъ съ собственныхъ владѣній великаго князя.

τὴν τῶν Κλημάτων ἀρχὴν. Васильевскій упорно стоитъ на томъ, что τὰ Κλήματα вездѣ означаетъ городъ, а не область. Въ началѣ я держался такого же взгляда. Теперь же я склоняюсь на сторону Куника. См. «Галиндо» стр. 352: «По мнѣнію нашего критика τὰ Κλήματα, здѣсь, какъ и во второмъ отрывкѣ, значить просто укрѣпленіе или городокъ. Сознаемся, что въ 1874 году мы напрасно не признали этого значенія слова τὰ Κλήματα, употребленнаго топархомъ во второмъ отрывкѣ; но не видимъ никакой возможности придавать такое же значеніе этому слову и въ только что приведенномъ мѣстѣ изъ третьяго отрывка топарха... кого же посадилъ великій князь править всей — то волостью или землею, τὰ (λεγόμενα) κλήματα, если возвратилъ топарху лишь власть надъ ничтожною крѣпостцею (называемою Климатою)?» Поэтому Куникъ данное мѣсто переводитъ (Галиндо 351): «и охотно далъ мнѣ опять всю власть надъ (областью) Климатами».

Въ заключеніе коснемся весьма оригинальнаго мнѣнія Успенскаго (К. ст. 277—279), тоже считающаго нашего фрагментиста за представителя византійскаго правительства, что монархъ, принявшій такъ ласково топарха, не тождественъ съ царствующимъ на сѣверѣ отъ Дуная, а есть императоръ византійскій, которому начальникъ Климатовъ остался вѣренъ, вопреки желанію народнаго вѣча. «Ясное дѣло, аргументируетъ Успенскій, что снова давать власть могъ только тотъ, кто прежде далъ ее, а именно византійскій императоръ».

Черноморская Русь.

Какъ объяснить себѣ, что большинство ученыхъ въ нашихъ «варварахъ» видитъ русскихъ? И даже столь выдающійся изслѣдователь, какъ академикъ Куникъ, отрекся впоследствии отъ своей хазарской, обставленной вѣскими доводами, гипотезы. См. Галиндо 347: «Я от-

крыто отказываюсь отъ высказаннаго въ 1874 только условно мнѣнія, что подъ варварами топарха нужно разумѣть Хазарь, — для прекращенія всякаго рода споровъ объ этой догадкѣ. Несмотря на такое категорическое заявленіе считаю своимъ долгомъ взять на себя защиту мнѣнія Куника отъ 1874 года противъ него же самого. Куника ввело въ заблужденіе предположеніе о существованіи т. н. вольной Черноморской Руси на Керченскомъ проливѣ до временъ Святослава. Съ этой-то вольной Русью и стали Куникъ отождествлять потомъ «варваровъ» Записки. Эта Черноморская Русь надѣлала много зла въ русской наукѣ и поэтому пора съ ней разъ навсегда покончить.

Все, что вообще возможно привести въ пользу Черноморской Руси, сведено въ одно Гедеоновымъ въ его неизданномъ 3 томѣ «Варяги и Русь» и Куникомъ въ «Галиндо и Черноморская Русь». Удивительно, что какъ у Гедеонова, такъ и у Куника на первомъ планѣ стоятъ извѣстія восточныхъ писателей, несмотря на то, что эти извѣстія дошли до насъ въ искаженномъ видѣ и не подвергнуты предварительной критической обработкѣ. Если пользоваться свидѣтельствами восточныхъ писателей, то по крайней мѣрѣ слѣдовало показанія позднѣйшихъ компиляторовъ привести къ первоисточникамъ и относиться критически къ писателямъ до 965 года, до времени похода Святослава въ землю хазарь, ясовъ и касоговъ. Ничего подобнаго не сдѣлано. Понятно поэтому, что неразборчивое и ненаучное отношеніе къ показаніямъ восточныхъ писателей породило ужасную путаницу, въ которой погрязнетъ еще немало ученыхъ, занимающихся изслѣдованіями по древне-русской исторіи.

Гедеоновъ стр. 135: «Извѣстія о ней (Черноморской Руси) и намеки находимъ мы у писателей арабскихъ, еврейскихъ, греческихъ и словено-русскихъ... Изъ нихъ, по своей положительности, стоитъ на первомъ планѣ классическое мѣсто Масуди, достовѣрнѣйшаго и ученѣйшаго изъ восточныхъ писателей († 956 — 957). Онъ говоритъ: Вверхъ по теченію Хазарской рѣки (то есть Волги), есть истокъ, имѣющій сообщеніе съ однимъ рукавомъ моря Нитасъ, которое есть море Руссовъ и т. д. Вокругъ этого основнаго, никакого сомнительнаго толкованія не допускающаго извѣстія группируются остальные, какъ предшествующія ему, такъ и позднѣйшія». А все же Гедеоновъ сильно ошибается насчетъ Масуди. Выше приведенное мѣсто подробно анализировано мною въ «Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa» (Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-

Pétersbourg, V Serie, Bd. XI, № 4, p. 232—238), куда я и отсылаю читателей. Ср. «Къ анализу восточныхъ писателей о восточной Европѣ» въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія 1908, Февраль, стр. 379—386. «Ибо они живутъ на одномъ изъ его береговъ» — подъ этими словами Масуди разумѣеть не берегъ Чернаго, или Азовскаго моря, но западное побережье моря Балтійскаго. Названіе же Чернаго моря «моремъ Руссовъ» у Масуди нисколько не свидѣтельствуеть о поселеніяхъ русскихъ на Керченскомъ проливѣ. Съ покореніемъ Угличей и Тиверцевъ границы русскаго государства далеко раздвинулись на югъ до сѣверо-западнаго края Чернаго моря. Наименованіе «русскаго моря» могло произойти и отъ того, что русскіе часто выѣзжали съ торговыми и военными цѣлями въ море и приставали ко всѣмъ его берегамъ. Въ первую половину X вѣка русскіе господствовали на Понтѣ. Изъ другаго извѣстія Масуди, именно извѣстія о походѣ руссовъ въ 913/914 году, явствуеть, что они въ означенную эпоху не владѣли побережьемъ Боспора Киммерійскаго, находившагося въ то время въ рукахъ хазаръ. Ср. мои Beiträge p. 225—230 и Къ анализу восточныхъ писателей стр. 382 сл.

Затѣмъ Гедеоновъ цитируеть извѣстіе Ибн-Даста (Росте) и Мукаддеси, писателей X вѣка, объ «островѣ Руссовъ». Вопросъ объ этомъ загадочномъ островѣ, съ которымъ и Куникъ не могъ справиться, разобранъ мною въ Beiträge, стр. 212—221 и Къ анализу восточныхъ писателей, 1908, Мартъ, стр. 16 сл. Оказывается, что островъ руссовъ совпадаетъ съ Holmgard (= островной городъ) исландскихъ сагъ, т. е. съ Новгородомъ, и что первоисточникъ, изъ котораго черпали свои свѣдѣнія позднѣйшіе историки и географы, не знаетъ еще Руси въ области рѣки Днѣпра, населенной къ тому времени исключительно славянами, которыхъ авторъ первоисточника рѣзко отличаетъ отъ Руси, поработившей себѣ землю сѣверныхъ славянъ. Далѣе Гедеоновъ ссылается на Димешки, компилятора XIV столѣтія, «но черпавшаго, какъ извѣстно, изъ найдревнѣйшихъ источниковъ». Восходятъ ли эти источники ко времени до 965 года, Гедеоновъ конечно не знаетъ.

Что же касается Эдриси (1153 г.), то Гедеонову и тутъ слѣдовало бы прежде всего доказать, что тѣ мѣста, на которыя онъ указываетъ въ подтвержденіе своей гипотезы о Черноморской Руси, приводятся къ источникамъ, возникшимъ до 965 года. Но и помимо того, толкованіе извѣстій Эдриси Гедеоновымъ врядъ ли выдерживаетъ

критику. Одно уже правописание *Bergian*, какъ изрѣдка называются только Дунайскіе болгары, свидѣтельствуешь объ его ошибочномъ отождествленіи ихъ съ Черными болгарами, жившими по общепринятому мнѣнію на восточномъ побережьѣ Азовскаго моря. Страна русовъ и бурджанъ опредѣляется точнѣе упоминаніемъ устьевъ Днѣпра и Дуная. Кто желаетъ ближе ознакомиться съ текстомъ Эдриси, тому совѣтую не довольствоваться однимъ латинскимъ переводомъ, а сравнивать его также съ переводомъ Жюбера. Гедеоновъ, очевидно, напираетъ особенно на слѣдующее мѣсто у Эдриси: «*Amplectitur sexta haec pars climatis sexti particulam maris Pontici cum adjacentibus illi regionibus, complectitur etiam portionem terrae Comaniae, regiones Russiae exterioris (азовскую Русь), aliquot regiones Bolghariae (восточныхъ Болгаръ)*»... Но, во-первыхъ, упоминаніе Половецкой земли, которую Гедеоновъ напрасно ограничиваетъ нижнимъ Дономъ и Каспійскимъ моремъ, опредѣляетъ время составленія этого извѣстія (XI вѣкъ), а во-вторыхъ весьма сомнительно отождествленіе *Russia exterior* съ Русью Тмутараканской. Ср. η ἔξω Ῥωσία у Константина Б. Последнему допущенію противорѣчитъ также терминологія у восточныхъ писателей, которые приазовскихъ болгаръ называютъ «внутренними», а не «внѣшними». Внѣшніе болгары—это, по восточнымъ писателямъ, болгары приволжскіе, что выясняется мною въ сочиненіи, озаглавленномъ Къ анализу восточныхъ писателей о восточной Европѣ (Ж. М. Н. Пр. 1908 Февраль стр. 386 сл.).

Относительно же города Русія, встрѣчающагося у восточныхъ писателей (Эдриси 12 ст., Ибн-Сайдъ 13 в., Ибн-Варди 14 в.) и помѣщаемаго ими на Киммерійскомъ проливѣ, слѣдуетъ сказать, что онъ никакъ не можетъ служить подтвержденіемъ существованія Черноморской Руси до 965 г.; а что при Владимирѣ было уже Тмутараканское княжество, всѣмъ извѣстно.

Толкованіе отрывка изъ еврейскаго сочиненія Іосифа бенъ-Горіона у Гедеонова въ пользу Черноморской Руси — вполнѣ произвольно. Предполагая даже вмѣстѣ съ Гедеоновымъ, что Бира совпадаетъ съ *Beira* (*Vuizun-beige* у Мюнхенск. географа), можно мѣстонахожденіе Руси съ одинаковымъ, если не бѣльшимъ, правомъ отнести къ Руси новгородской. Но въ виду сопоставленія Іосифомъ Руси съ *Bosni*, чит. *Saksi*, и *Anglesi*, которымъ приписывается одинъ и тотъ же родоначальникъ, гораздо правильнѣе считать этихъ *Rusi* за норманновъ,

населяющихъ Скандинавскій полуостровъ. О нихъ я подробно трактую въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи.

Весьма страшно, что Гедеоновъ и извѣстіе Ибн-Хордадбеха относятъ къ Черноморской Руси. Ибн-Хордадбехъ говоритъ о двухъ торговыхъ путяхъ, по которымъ русскіе изъ отдаленнѣйшихъ концовъ славянской земли отправляются на югъ. Одинъ изъ нихъ ведетъ (по Днѣпру) въ Черное море, другой по Волгѣ въ Каспійское. О Руси Ибн-Хордадбе см. мои Beiträge въ Bulletin V Serie Bd. XI, № 5, p. 280—288 и Къ анализу восточныхъ писателей. Въ такомъ же ненаучномъ, смѣю сказать, духѣ и другія свидѣтельства восточныхъ писателей подгоняются Гедеоновымъ, во что бы то ни стало, къ Черноморской Руси.

Извѣстія же Эс-Шебангарея (1333), Шукроллаха (1456) и Мохаммеда писателя (1574), приводимыя Гедеоновымъ на стр. 154, лучше разсматривать у Куника, къ изслѣдованію котораго теперь и обратимся.

Куникъ въ своемъ «Галиндо» (326 сл.) приводитъ показанія позднѣйшихъ компиляторовъ, свидѣтельствующія будто бы въ пользу Черноморской Руси.

Персіянинъ Мирхондъ († 1498) въ переводѣ барона Розена: «Послѣ этого (т. е. послѣ того какъ тюркское племя Хазаръ поселилось въ краяхъ, гдѣ застала ихъ исторія) пришелъ Русъ въ окрестности странъ Хазара и, отправивъ посланца, потребовалъ отъ него (позволенія) поселиться на томъ мѣстѣ. Хазаръ очень обласкалъ его посланца, соизволилъ передать ему нѣкоторые изъ острововъ той области, которые имѣли хорошій воздухъ и чистую землю».

Второе извѣстіе Мирхонда: «Что касается до Руса, то онъ былъ человекъ безпощадный. Послѣ долгихъ странствованій онъ пришелъ въ окрестности Хазара и потребовалъ отъ брата юрты, чтобы поселиться. И Хазаръ обласкалъ его посланца и уступилъ ему нѣкоторые изъ острововъ, которые были землею теплой и имѣли хорошій воздухъ. И обычай творить судъ и расправу Русъ установилъ. И обычай Русовъ таковъ, что они все имущество даютъ дочери, а сыну ничего не даютъ кромѣ меча и говорятъ: вотъ это—твое наслѣдство».

По поводу этихъ свидѣтельствъ Куникъ замѣчаетъ: «Къ сожалѣнію, не существуетъ никакой монографіи, по которой можно было бы составить себѣ понятіе объ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ источни-

кахъ, которыми пользовался Мирхондъ при составленіи своего историческаго труда».

Извѣстіе Шабангарея (Галиндо 329/330):

«Осьмое отдѣленіе составляютъ Русы (или Рѣсы). И они живутъ на островѣ (полуостровѣ), длиною и шириною въ 3 дня пути, покрытомъ лѣсами и окруженномъ моремъ. Они безпрестанно разбойничаютъ и только мечемъ находятъ себѣ пропитаніе и добытокъ. Если кто изъ нихъ, умирая, оставитъ сына и дочь, то послѣдняя получаетъ все оставленное отцомъ, а сынъ только мечъ. Ему говорятъ: отецъ твой приобрѣлъ себѣ имущество мечемъ; дѣлай, какъ онъ. Въ году 300 (=912—913) сдѣлались они христіанами. И ихъ постигло горе и они обратились къ исламу и стали мусульманами и желаніемъ ихъ было при этомъ право на войну и грабежъ. Они отправили пословъ къ шаху Хваризма (хвалинскому) — ихъ было четверо — и шахъ Хваризма далъ имъ знатнаго (шерифъ) и радовался ихъ переходу къ исламу. И нынѣ они въ войнѣ недосягаемы и разбѣзжаютъ по морю, и къ кому придутъ, того убиваютъ и грабятъ. Они всѣхъ превосходятъ могуществомъ, и лошадей у нихъ нѣтъ. Богъ знаетъ это лучше. И много есть тюркскихъ родовъ и племенъ, и это все, что извѣстно о ихъ обычаяхъ, о ихъ образѣ жизни, о ихъ жилищахъ и поселеніяхъ и вѣрѣ».

«До сихъ поръ еще не изслѣдовано, какіе источники служили основаніемъ для составленія сочиненія Шабангарея (ок. 1333) и откуда два другихъ компилятора Шукроллахъ (1456) и Мохаммедъ (1574) заимствовали свои краткія свѣдѣнія о мухамеданской Руси» (Куникъ).

Шукроллахъ у Гаммера: *L'an de l'Hégire 303 on les craignit, et cette peur les fit Musulmans. Leur but en se convertissant était de légitimer le butin.*

Мохаммедъ у Гаммера: *L'an de l'Hégire 333 ce peuple fut éclairé par le rayon de la direction divine et se convertit à l'Islam pour jouir à juste titre de son butin.*

Къ нашему счастью болѣе подробный разсказъ о томъ же предметѣ сохранился у ал-Ауфи, писателя XIII вѣка, и опубликованъ Бартольдомъ въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ IX, Выпуски I—IV, С.-Петербург. 1896, стр. 262—267.

«Русы живутъ на одномъ островѣ среди моря; какъ въ длину, такъ и въ ширину островъ простирается на три дня пути. На томъ островѣ есть деревья и лѣса; онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ моремъ.

Они постоянно занимаются разбоемъ и знаютъ только одно средство добывать себѣ пропитаніе—мечъ. Если кто-нибудь изъ нихъ умретъ и послѣ него останутся сынъ и дочь, то все имущество отдають дочери, а сыну не отдають ничего, кромѣ одного меча, и говорятъ ему: твой отецъ добылъ себѣ имущество мечемъ. (Такъ было до тѣхъ поръ), пока они не сдѣлались христіанами въ 300 г. гиджры; принявъ христіанство, они вложили тѣ мечи въ ножны. Такъ какъ они не знали другого способа добывать себѣ пропитаніе, а прежній былъ (теперь) для нихъ закрытъ, то ихъ дѣла пришли въ разстройство, и жить стало имъ трудно. Поэтому они почувствовали склонность къ религіи ислама и сдѣлались мусульманами; ихъ побуждало къ этому желаніе получить право вести войну за вѣру. Они отправили пословъ къ хорезмшаху; пословъ было четверо, изъ родственниковъ царя, правившаго вполне самостоятельно и носившаго титулъ Буладмира, какъ туркестанскій царь носитъ титулъ хакана, болгарскій—титулъ владавца [чит. илтвер]. Когда послы пришли къ хорезмшаху, онъ очень обрадовался ихъ желанію принять исламъ, пожаловалъ имъ почетные подарки и отправилъ одного изъ имамовъ, чтобы научить ихъ правиламъ ислама. Послѣ этого они сдѣлались мусульманами. Они совершаютъ походы на отдаленныя земли, постоянно странствуютъ по морю на судахъ, нападаютъ на каждое встрѣчное судно и грабятъ его. Могуществомъ они превосходятъ всѣ народы, только что у нихъ нѣтъ лошадей; если бы у нихъ были лошади, то они пріобрѣли бы господство надъ многими народами».

Первая часть этихъ извѣстій, кончая словами: «Твой отецъ добылъ себѣ имущество мечемъ», сводится къ источнику, изъ котораго черпають Ибн-Росте, Кардизи, ал-Бекри и др. Этотъ первоисточникъ восходитъ къ серединѣ IX вѣка, какъ это мною разъяснено въ Beiträге № 4, первая статья. Ср. къ анализу восточныхъ писателей (Ж. М. Н. Пр. 1908 Мартъ стр. 16 сл.). Островъ русовъ, какъ уже было сказано, лежитъ на сѣверѣ восточной Европы и по всей вѣроятности тождественъ съ Holmgard исландскихъ сагъ. Слѣдующія затѣмъ извѣстія относительно принятія ислама не могутъ, по причинѣ упоминанія Владимира (Буладмиръ или Вуладмиръ), пасть на время до 988 года. Поэтому отмѣченныя даты 300, 303, 333 гиджры искажены переписчиками. Бартольдъ стр. 266: «Въ примѣчаніяхъ къ переводу Ауфи мы привели нѣкоторые источники, изъ которыхъ онъ повидимому заимствовалъ свои свѣдѣнія; но о томъ, какъ дошло до него извѣстіе о

посольствѣ Владиміра, мы ничего не можемъ сказать. Замѣтимъ только, что Ауфи, судя по одному мѣсту въ его книгѣ, въ молодости былъ въ Хорезмѣ». — Что же касается послѣднихъ сообщеній, начиная со словъ: «Они совершаютъ походы на отдаленныя земли», то они лучше всего подходятъ къ X столѣтію.

Послѣ всего вышесказаннаго ясно, что и въ основѣ разсказа Мирхонда лежатъ извѣстія первоисточника, относящагося къ IX столѣтію и ничего не знающаго ни о Руси черноморской, ни даже о Руси днѣпровской.

Таковы главнѣйшія свидѣтельства, на почвѣ которыхъ возникла призрачная теорія о вольной Черноморской Руси. Ср. Къ анализу восточныхъ писателей (Ж. М. Н. Пр. 1908 Мартъ стр. 28 сл.). Что же говорить о показаніяхъ другихъ писателей, заключающихъ даже по Гедеонову только намеки на Черноморскую Русь? Нѣсколько бѣльшее значеніе въ глазахъ Гедеонова, повидимому, имѣютъ извѣстія Льва Діакона и договоры Олега и Игоря съ греками.

По Льву Діакону, писавшему въ концѣ X вѣка, Игорь послѣ своего пораженія отправился будто бы не прямо въ Кіевъ вверхъ по Днѣпру, а сначала въ Киммерійскій Боспоръ: *aegre cum naviculis decem ad Cimmerium Bosporum est reversus*. Тѣ же послы Цимисхія требовали отъ Святослава *ut... ad suas sedes et Cimmerium Bosporum se recipiat*. Святославу греки хотѣли своими кораблями преградить обратный путь изъ Дуная въ Черное море: *ut Scythis, si forte se fugae darent, domum inque Cimmerium Bosporum renavigandi facultas auferretur*. Спрашивается, имѣлъ ли Левъ Діаконъ ясное представленіе объ очертаніи сѣвернаго побережья Чернаго моря? Частое повтореніе выраженія «Киммерійскій Боспоръ» тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о родинѣ русскихъ, наводитъ на мысль, что этотъ проливъ казался Льву Діакону прямою дорогою, ведшей въ Россію,—проливъ, котораго русскіе, возвращаясь во свояси, миновать не могли. Какимъ путемъ Игорь вернулся въ Кіевъ, мы не знаемъ. Но что Святославъ пустился въ обратный путь не черезъ Керченскій проливъ, достовѣрно извѣстно. Гдѣ и какъ онъ погибъ, не могло, разумѣется, остаться тайною для грековъ; а между тѣмъ Левъ Діаконъ ведетъ его окольною дорогою въ Киммерійскій проливъ и, значить, далѣе въ Азовское море. Но какъ бы то ни было, вѣдь Левъ Діаконъ желалъ лишь указать на направленіе возвратнаго пути Игоря и Святослава, а не на конечную цѣль его. Поэтому, выводить изъ словъ византійскаго историка суще-

ствование на берегахъ Керченскаго пролива какой-то Черноморской Руси (до 965 г.)—весьма опрометчиво.

Равнымъ образомъ нѣтъ возможности при вопросѣ о Черноморской Руси основываться на договорахъ Олега и Игоря. Изъ чего слѣдуетъ, что русскіе жили къ тому времени именно на берегахъ Керченскаго пролива? Поселенія Черныхъ болгаръ, тревожившихъ Корсунскую республику, напрасно помѣщаютъ въ Кубанской области. (Объ этомъ см. ниже).

Остаются еще три легенды. Но тутъ мнѣнія ученыхъ до того расходятся, что можно было бы умолчать о нихъ. Куникъ, не раздѣляющій взглядовъ многихъ другихъ ученыхъ на значеніе этихъ легендъ, подводитъ ихъ подъ категорію, названную имъ (Галиндо, стр. 324) «Различные виды фантастической Руси».

«Что касается до Паннонскаго житія св. Кирилла (говоритъ тамъ же Куникъ), то къ нему можно отнести совершенно спокойно, даже и въ томъ случаѣ, если ко многимъ, одно другому противорѣчащимъ, предположеніямъ о мнимомъ существованіи «Русина-букаря», упавшаго около 860 года съ неба въ Херсонъ съ русскимъ псалтыремъ въ рукахъ, прибавится еще нѣсколько новыхъ. Изъ хаоса этихъ забавныхъ предположеній прямо видно, что мы имѣемъ дѣло съ такъ-называемымъ *falsum*... Гораздо строже мы должны смотрѣть на тѣ опыты, которыми стараются доказать, что въ сурожскомъ и амастридскомъ житіяхъ упоминается о походахъ Рѣсовъ до временъ Рюрика». По мнѣнію Куника князь Новгородскій (Сурожская легенда), завоевавшій южное поморье Крыма и принявшій крещеніе, не можетъ быть никѣмъ инымъ, какъ только Владимиромъ святымъ, а царица Анна непременно совпадаетъ съ греческою княжною, супругою великаго князя русскаго. Относительно интересующаго насъ въ Амастридской легендѣ мѣста Куникъ полагаетъ, что оно не могло возникнуть раньше 860 года, раньше перваго похода русскихъ на Царьградъ (*ὡς πάντες ἴσασιν*). Если и возможно въ общемъ согласиться съ результатами, добытыми Васильевскимъ въ его Русско-византійскихъ изслѣдованіяхъ (Выпускъ второй. Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. С.-Петербургъ 1893), то все же ни изъ того, ни изъ другого житія нельзя выводить заключенія, будто русскіе уже въ первой половинѣ IX столѣтія утвердили свое господство въ Крыму или Тамани. О житіи св. Стефана Сурожскаго см. мою статью, вышедшую въ прошломъ году въ Византійскомъ Временникѣ.

Послѣ того какъ мы разоблачили непригодность тѣхъ источниковъ, на которыхъ ученые основываютъ свое предположеніе о существованіи Черноморской Руси, обратимся теперь къ положительнымъ свидѣтельствамъ, доказывающимъ всю ложность принятой гипотезы.

Описание сѣверныхъ береговъ Чернаго моря у Константина Багрянороднаго.

Заглавіе 42 главы, р. 177 (ed. Bonn.): γεωγραφία Πατζινακίας μέχρι τοῦ Χαζαρικοῦ κάστρου Σάρκελ... καὶ μέχρι τῶν Νεκροτύλων τῶν ὄντων εἰς τὴν τοῦ Πόντου θάλασσαν πλησίον τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ, καὶ Χερσῶνος ὁμοῦ καὶ Βοσπόρου, ἐν οἷς τὰ κάστρα τῶν Κλιμάτων εἰσίν, εἶτα μέχρι λίμνης Μαιώτιδος τῆς καὶ θαλάσσης διὰ τὸ μέγεθος καλουμένης, καὶ μέχρι τοῦ κάστρου τοῦ Μάταρχα λεγομένου, πρὸς τούτοις δὲ καὶ Ζιχίας καὶ Παπαγίας καὶ Καζαχίας καὶ Ἀλανίας καὶ Ἀβασγίας, καὶ μέχρι τοῦ κάστρου Σωτηριουπόλεως. Константинъ начинаетъ свое описаніе съ запада и постепенно подвигается на востокъ, слѣдуя береговой линіи.

Въ текстѣ сначала указывается мѣстопробываніе печенѣговъ и даются свѣдѣнія и относительно Саркела, р. 177—179:... ἀπὸ δὲ κάτωθεν τῶν μερῶν Δανούβεως ποταμοῦ τῆς Δίστρας (Silistria) ἀντίπερα ἢ Πατζινακία παρέρχεται, καὶ κατακρατεῖ ἢ κατοικία αὐτῶν μέχρι τοῦ Σάρκελ τοῦ τῶν Χαζάρων κάστρου, ἐν ᾧ ταξεῶται καθέζονται τὰ κατὰ χρόνον ἐναλλασσόμενοι. ἐρμηνεύεται δὲ παρὰ αὐτοῖς τὸ Σάρκελ ἄσπρον ὀσπίτιον· ὅπερ ἐκτίσθη παρὰ σπαθαροκανδιδάτου Πετρωνᾶ τοῦ ἐπονομαζομένου Καματηροῦ, τὸν βασιλέα Θεόφιλον πρὸς τὸ κτισθῆναι αὐτοῖς τὸ κάστρον τοῦτο τῶν Χαζάρων αἰτησαμένων... Πετρωνᾶς τὴν Χερσῶνα καταλαβὼν... λαὸν εἰσαγαγὼν εἰς καματερά καράβια ἀπῆλθεν ἐν τῷ τόπῳ τοῦ Ταναΐδος ποταμοῦ, ἐν ᾧ καὶ τὸ κάστρον ἐμελλε κτίσαι... ἀλλ' αὕτη μὲν ἡ κάστρον Σάρκελ κτίσις καθέστηκεν... По ясному и пространному свидѣтельству Константина Б., Саркель былъ крѣпостью на Дону, сооруженной для кагана греками въ царствованіе Теофила (829—842) и находившейся около 950 года, когда Константинъ составлялъ свое сочиненіе, во власти хазаръ. Усматривать въ этомъ извѣстїи поддѣлку, относить построеніе Саркела на начало X вѣка и считать крѣпость Саркель за греческую колонію, это все невозможныя допущенія.

Далѣе гл. 42, р. 179:... ἀπὸ δὲ τοῦ Δανούβεως ποταμοῦ μέχρι τοῦ προῤῥηθέντος κάστρου τοῦ Σάρκελ ὁδὸς ἐστὶν ἡμερῶν ξ'. Определеніе раз-

стоянія отъ Дуная до Саркела въ 60 дней, даже предполагая, что К. считаетъ отъ Силистріи, гдѣ начинались поселенія печенѣговъ, и что Саркель, какъ думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, лежалъ на среднемъ Дону, — показываетъ, что топархъ, очевидно, употребилъ на дорогу отъ южнаго поморья Крыма къ великому князю кіевскому и оттуда обратно до днѣпровскихъ пороговъ гораздо болѣе одного мѣсяца времени.

Затѣмъ текстъ гласитъ: μέσον δὲ τῆς τοιαύτης γῆς ποταμοὶ μὲν εἰσι πολλοί, δύο δὲ μέγιστοι ἔξ αὐτῶν, ὃ τε Δάναστρις καὶ ὁ Δάναπρις. εἰσὶ δὲ ἕτεροι ποταμοί, ὃ τε λεγόμενος Συγγούλ καὶ ὁ Ὑβυλ, ὁ Ἄλματαί καὶ ὁ Κοῦφισ καὶ ὁ Βογοῦ καὶ ἕτεροι πολλοί... ἡ δὲ Πατζινακία πᾶσαν τὴν γῆν τῆς τε Ῥωσίας καὶ Βοσπόρου κατακρατεῖ, καὶ μέχρι Χερσῶνος καὶ ἕως τὸ Σαράτ, Βουράτ καὶ λ' μερῶν. О тамъ встрѣчающихся рѣкахъ К. высказывается еще въ другихъ мѣстахъ.

Гл. 38, р. 171. "Ὅτι ὁ τῶν Πατζινακитῶν τόπος, ἐν ᾧ τῷ τότε καιρῷ κατόκησαν οἱ Τοῦρκοι, καλεῖται κατὰ τὴν ἐπωνυμίαν τῶν ἐκεῖσε ὄντων ποταμῶν. οἱ δὲ ποταμοὶ εἰσιν οὗτοι, ποταμὸς πρῶτος ὁ καλούμενος Βαρούχ, ποταμὸς δεῦτερος ὁ καλούμενος Κουβοῦ, ποταμὸς τρίτος ὁ καλούμενος Τροῦλλος, ποταμὸς τέταρτος ὁ καλούμενος Βροῦτος, ποταμὸς πέμπτος ὁ καλούμενος Σέρετος. Непонятно, отчего ученые все еще сомнѣваются насчетъ означенныхъ рѣкъ. Βαρούχ—Днѣпръ, называвшійся у Иорданиса Var, въ хазарскомъ письмѣ (Russische Revue, Monatschrift für die Kunde Russlands von C. Röttger, VI. Band, St.-Petersburg 1875, Ein Briefwechsel zwischen Cordova und Astrachan zur Zeit Swjatoslaw's um 960 von D. A. Harkavy р. 88) Wagez или Iuzeg (искажено изъ Warug?); Κουβοῦ=Бугъ, у древнихъ также Нуранис; Τροῦλλος=Днѣстръ, по турецки теперь еще Turla, у Константина также Бѣлая рѣка; Βροῦτος (Βουράτ) = Прутъ; Σέρετος (Σαράτ)=Сереть.

Рѣка Δάναпρις является у К. еще подъ третьимъ названіемъ. Гл. 38 р. 169:... τὸ δὲ ἕτερον μέρος (τῶν Τοῦρκων) εἰς τὸ δυτικὸν κατόκησε μέρος, ἅμα καὶ τῷ βοεβόδῳ αὐτῶν καὶ ἀρχηγῷ Λεβεδία εἰς τόπους τοὺς ἐπονομαζομένους Ἀτελκούζου, ἐν οἷς τόποις τὸ νῦν τῶν Πατζινακитῶν ἔθνος κατοικεῖ. Гл. 40 р. 173: ὁ δὲ τόπος, ἐν ᾧ πρότερον οἱ Τοῦρκοι ὑπῆρχον, ὀνομάζεται κατὰ τὴν ἐπωνυμίαν τοῦ ἐκεῖσε διερχομένου ποταμοῦ Ἐτέλ καὶ Κουζού, ἐν ᾧ ἀρτίως οἱ Πατζινακίται κατοικοῦσιν. Я напираю на то, что тоῦ ἐκεῖσε διερχομένου ποταμοῦ поставлено въ единственн. числѣ, значитъ рѣчь идетъ только объ одной рѣкѣ. Но

отчего же эта рѣка имѣетъ наименованіе Ἐτέλ καὶ Κούζου? Это объясняется тѣмъ, что имя рѣки, по которому вся область получила названіе Ἀτελκούζου, разбито на двѣ части: Ἐτέλ (=Ἀτέλ) и Κούζου (=Κούζου). Дѣло станетъ яснѣе, если вспомнить, что Ἀτελ, Ἐτελ означаетъ просто «рѣку», такъ что Ἀτελκούζου можетъ имѣть такой смыслъ: «рѣка Κούζου». Неудобно лишь то, что «рѣка Кузу» въ переводѣ на мадьярскій, или на туранскій языкъ должно было бы дать «Кузу Атель», а не наоборотъ. Поэтому вѣроятнѣе, что Ἀτελκούζου искажено изъ Ἀτελ καὶ Κούζου, т. е. Атель или Кузу (Markwart, Osteuropäische Streifzüge).

Что это за рѣка? Величайшая изъ рѣкъ, протекающихъ землю печенѣговъ, есть Днѣпръ. Если Κούζου стоитъ въ связи съ турецко-татарскимъ наименованіемъ Днѣпра «Uzu», «Ozu», что весьма вѣроятно; если — другими словами — «Uzu» представляетъ только иную форму для Κούζου, то Uzu (Uzsu) не можетъ означать «воду Узовъ», какъ до сихъ поръ полагаютъ; ибо Κούζου, несмотря на то, что Οὔζοι у персовъ и арабовъ называются Гуз-ами, нельзя отождествлять съ Uzsu по той простой причинѣ, что въ эпоху К. Б. Узы кочевали еще у Дона и Волги. Названіе Днѣпра Κούζου повидимому очень древнее и встрѣчается уже у Моисея Хоренскаго въ новой рукописи его Географіи (К. Паткановъ, Ж. М. Н. П. Часть 226, 1883, стр. 27) подъ формою «Кочо», напоминающею имя Куцигуровъ (см. форму Куцовлахи). См. 17 статья въ моихъ «Beiträge» (№ 5) и къ анализу восточныхъ писателей, статья 26.

А что за рѣки Συγγούλ, Ὑβουλ, Ἀλματαί, Κοῦφισ, Βογού? Въ тождественности Βογού съ Бугомъ (Κουβού) трудно сомнѣваться. Въ виду того, что Κοῦφισ приводится рядомъ съ Βογού, мы должны искать его въ сосѣдствѣ съ Бугомъ. Что этотъ Κοῦφισ ничего общаго не имѣетъ съ Кубанью, не подлежитъ сомнѣнію (о Куфисѣ еще ниже). Что же касается Συγγούλ, то онъ напоминаетъ рѣку Χιγγουλούς, въ гл. 38, если не совпадаетъ съ Ингуломъ, притокомъ Буга. Впрочемъ, и къ востоку отъ Днѣпра существовали схожія рѣчныя названія, какъ то: Янчуль, Гайчуль, Юнгуль (Бурачковъ, стр. 220). Во главѣ 38, р. 168, стоитъ: ἐν τούτῳ οὖν τῷ τόπῳ τῷ προρρηθέντι Λεβεδία ποταμός ἐστι ῥέων Χιδμάς, ὁ καὶ Χιγγουλούς ἐπωνομαζόμενος. Лебедія лежала безъ сомнѣнія на востокъ отъ Днѣпра и вѣроятно совпадала съ бассейномъ Дона въ общемъ и Донца въ частности. Поэтому не невозможно, что такъ назывался тогда самъ Донъ или его притокъ Донецъ.

Страна печенѣговъ распадается на восемь областей: четыре изъ нихъ лежали по сю сторону Днѣпра, четыре—по ту сторону (гл. 37, 164—166). Печенѣгія граничитъ (тамъ же) на востокѣ и сѣверѣ (Югѣ?) съ Узіей, Хазаріей, Аланіей, Херсономъ и прочими таврическими землями; на западѣ и сѣверѣ соприкасается съ Болгаріей, Венгріей, Россіей и славянскими областями, покоренными русскими. Въ гл. 42, р. 179 К. Б. варьируетъ ту же мысль: ἡ δὲ Πατζιναχία πᾶσαν τὴν γῆν τῆς τε Ῥωσίας καὶ Βοσπόρου κατακρατεῖ, καὶ μέχρι Χερσῶνος καὶ ἕως τὸ Σαράτ, Βουράτ καὶ τῶν λ' μερῶν. К. знаетъ разстоянія, на которыхъ отстоятъ печенѣги отъ другихъ народовъ, см. гл. 37, 166: ἀπόχιστα δὲ ἡ Πατζιναχία ἐκ μὲν Οὐζίας καὶ Χαζαρίας ὁδὸν ἡμερῶν πέντε, ἐκ δὲ Ἀλανίας ἡμερῶν ἕξ, ἀπὸ δὲ Μορδίας ὁδὸν ἡμερῶν δέκα, ἀπὸ δὲ Ῥωσίας ὁδὸν ἡμέρας μιᾶς, ἀπὸ δὲ Τουρκίας ὁδὸν ἡμερῶν τεσσάρων, ἀπὸ δὲ Βουλγαρίας ὁδὸν ἡμέρας ἡμισυ· καὶ εἰς Χερσῶνα μὲν ἐστὶν ἔγγιστα, εἰς δὲ τὴν Βόσπορον πλησιέστερον.

Гл. 42, р. 179: τὸ δὲ τῆς παραλίας τῆς θαλάσσης ἀπὸ τοῦ Δανούβεως ποταμοῦ διάστημα μέχρι τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ εἰσὶ μίλια ρί'. ἀπὸ δὲ τοῦ Δανάστρεως ποταμοῦ μέχρι τοῦ ποταμοῦ Δανάπρεώς εἰσι μίλια π', ὃ χρυσὸς λεγόμενος αἰγιαλός. Домысль, что первое предложеніе должно гласить ἀπὸ τοῦ Δανούβεως... μέχρι τοῦ Δανάστρεως (не Δανάпρεως) ποταμοῦ, весьма правдоподобенъ. Итакъ разстояніе отъ Дуная до Днѣстра (не Днѣпра) равняется 120 милямъ, а отъ Днѣстра до Днѣпра=80. Причины, заставляющія меня принять конъектуру Δάναστρις вм. Δάναπρις, заключаются въ слѣдующихъ соображеніяхъ. Если брать текстъ такъ, какъ онъ гласитъ, то означенныя разстоянія не согласуются между собою. Ибо мы тогда получили бы, что Дунай отстоитъ отъ Днѣпра на 120 миль, а Днѣпръ отъ Днѣстра на 80; слѣдовательно, разстояніе между Дунаемъ и Днѣстромъ равнялось бы 40 милямъ, ибо $80 + 40 = 120$. Такимъ образомъ Днѣпръ отстоялъ бы отъ Днѣстра въ два раза дальше, чѣмъ Днѣстръ отъ Дуная,—что очевидная нелѣпость. Въ то время какъ разстояніе отъ днѣпровскаго лимана (по К. лиманъ образуетъ устье рѣки, принадлежитъ еще къ системѣ рѣки) до лимана Днѣстра составляетъ дѣйствительно около 80 миль — Днѣстръ отдаленъ отъ Дуная не на 40 миль (миля=1000 шаговъ), а на разстояніе гораздо бѣльшее 80 миль, даже если считать до Килійскаго рукава, хотя можно полагать, что К. Б. имѣетъ въ виду рукавъ Сулина (Селина), въ который по этому писателю постоянно входили торговые караваны. Съ другой

стороны расстояние между Дунаемъ и Днѣпромъ (=120 миль) оказывается слишкомъ малымъ. Ежели же въ упомянутомъ мѣстѣ замѣнить Днѣпръ словомъ «Днѣстръ», то цифры прекрасно согласуются не только между собою, но и съ дѣйствительными расстояніями. Мы получаемъ: отъ Дуная до Днѣстра 120 милій, отъ Днѣстра до Днѣпра 80. Съ такою же опискою мы имѣемъ дѣло въ гл. 37, р. 167.

Гл. 42, р. 179—180:... ἀπὸ τὸ στόμιον ποταμοῦ τοῦ Δανάπρεως εἰσι τὰ Ἄδαρά (коса Тендеръ? Τανδαρά?), καὶ ἐκεῖσε κόλπος ἐστὶ μέγας ὁ λεγόμενος τὰ Νεκρόπυλα, ἐν ᾧ τις διελθεῖν ἀδυνατεῖ παντελῶς. καὶ ἀπὸ μὲν τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ μέχρι Χερσῶνος εἰσι μίλια τ', ἐν τῷ μέσῳ δὲ λίμναι καὶ λιμένες εἰσὶν, ἐν αἷς Χερσωνῖται τὸ ἄλας ἐργάζονται. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что «большой заливъ Некропила» тождественъ съ Каркинитскимъ заливомъ на западѣ отъ Перекопа. Это подтверждаютъ также слѣд. слова: ὁ δὲ αὐτὸς κόλπος τῆς Μαιώτιδος ἔρχεται ἀντικρὺ τῶν Νεκροπύλων τῶν ὄντων πλησίον τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ ὡς ἀπὸ μιλίων δ'. Сомнѣваюсь въ правильности латинскаго перевода: atque ille ipse Maeotidis sinus pertingit e regione Necropyliarum usque; ἀντικρὺ значить «прямо насупротивъ». Расстояние залива отъ Днѣпра считается въ 4 мили, — изъ чего слѣдуетъ, что этимъ опредѣляется ширина косы, отдѣляющей лиманъ отъ моря.

(Тамъ же): ἀπὸ δὲ Χερσῶνος μέχρι Βοσπόρου εἰσι τὰ κάστρα τῶν Κλιμάτων, τὸ δὲ διάστημα μίλια τ'. Слѣдуетъ предположить, что приводимая длина болѣе или менѣе прямолинейнаго берега отъ Херсона до Боспора отвѣчаетъ дѣйствительности. Поэтому можно эти 300 миль принять за основаніе при сравненіи съ другими означенными расстояніями. Тогда еще болѣе бросается въ глаза необходимость вышеупомянутой поправки текста (Δανάστρεως вм. Δανάπρεως), потому что расстояние отъ Херсона до Боспора относится къ расстоянію отъ днѣпровскаго лимана до средняго рукава Дуная такъ, какъ 300: 200.

(Тамъ же): καὶ ἀπὸ Βοσπόρου τὸ τῆς Μαιώτιδος λίμνης στόμιον ἐστίν, ἣτις καὶ θάλασσα διὰ τὸ μέγεθος παρὰ πάντων ὀνομάζεται. εἰς δὲ τὴν αὐτὴν Μαιώτιδα θάλασσαν εἰσρέουσι ποταμοὶ πολλοὶ καὶ μεγάλοι. πρὸς τὸ ἀρκτῶον αὐτῆς μέρος ὁ Δάναπρις ποταμὸς, ἐξ οὗ καὶ οἱ Ῥῶς διέρχονται πρὸς τε τὴν μαύρην Βουλγαρίαν καὶ Χαζαρίαν καὶ Συρίαν. Мнѣ не вполне понятно, какъ это изъ словъ πρὸς τὸ ἀρκτῶον αὐτῆς (τῆς Μαιώτιδος λίμνης) μέρος ὁ Δάναπρις ποταμὸς выводятъ заключеніе, будто Днѣпръ вливается въ Азовское море. Всѣ мѣста, въ которыхъ К. повѣствуетъ о Днѣпрѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ объ

этой рѣкѣ имѣлъ лучшія свѣдѣнія, чѣмъ кто либо изъ другихъ древнихъ географовъ. Большая половина нижняго теченія, днѣпровскіе пороги и часть средняго теченія Днѣпра расположены прямо на сѣверъ отъ Азовскаго моря. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать замѣчаніе К. πρὸς τὸ ἀρκτῶον..., а не иначе. Вмѣстѣ съ тѣмъ рушатся всѣ выводы, дѣлаемые относительно Черной Болгаріи на основаніи этого ложно толкуемаго мѣста. Ο ἡ μαύρη Βουλγαρία, впрочемъ, рѣчь еще будетъ впереди.

(Тамъ же): ὁ δὲ αὐτὸς κόλπος τῆς Μαιώτιδος ἔρχεται ἀντικρὺ τῶν Νεκροπόλων τῶν ὄντων πλησίον τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ ὡς ἀπὸ μιλίων δ', καὶ μίσηται, ἐν ᾧ καὶ σούδα οἱ παλαιοὶ ποιησάμενοι διεβίβασαν τὴν θάλασσαν, μέσον ἀποκλείσαντες πᾶσαν τῆς Χερσῶνος γῆν καὶ τῶν Κλιμάτων καὶ τὴν Βοσπόρου γῆν κρατοῦσαν μέχρι ἁ' μιλίων ἢ καὶ πλείονων τινῶν· ἐκ δὲ τῶν πολλῶν ἐτῶν κατεχώσθη ἡ αὐτὴ σούδα καὶ εἰς δάσος ἐγένετο πολὺ. καὶ οὐκ εἰσὶν ἐν αὐτῷ πλήν δύο ὁδοί, ἐν αἷς οἱ Πατζινακῖται διέρχονται πρὸς τε Χερσῶνα καὶ Βόσπορον καὶ τὰ Κλίματα.

Уже выше говорено было о Некропула. И въ позднѣйшіе вѣка это обозначеніе было въ ходу; ср. Golfo di Nigropoli италіанскихъ картъ. Итакъ, Каркинитскій заливъ въ Средніе вѣка выступаетъ подъ именемъ Некропула (Nigropoli). Это наименованіе встрѣчается еще у другого византійскаго писателя Теофана (Theophanes, ed. de Boor p. 373), который, по поводу пути Юстиніана II во время его бѣгства изъ Крыма, замѣчаетъ совершенно правильно, что Некропула находился между Херсономъ и Дунаемъ. Въ другомъ мѣстѣ, правда, очень запутанномъ Теофанъ повидимому утверждаетъ, что Несгорула лежитъ у Керченскаго пролива (p. 356—357): «Гунноболгары и Котраги жили сначала за Понтомъ Эвксинскимъ и озеромъ Меотійскимъ. Въ послѣднее впадаютъ: большая рѣка Атель, текущая отъ океана черезъ всю землю сарматовъ, и рѣка Танаисъ, идущая съ Кавказскихъ горъ; изъ соединенія этихъ двухъ рѣкъ образуется Куфисъ, изливающийся въ Понтъ близъ Некропилъ у мыса, называемаго «бараньей мордою», тамъ, гдѣ Меотійское озеро впадаетъ въ Понтъ между Боспоромъ и Фанагоріей. Между этимъ моремъ и рѣкою Куфисъ простирается древняя или великая Болгарія, иначе земля Котраговъ, соплеменниковъ болгаръ». Сбивчивыя извѣстія свои Теофанъ заимствовалъ у древнихъ писателей, которыхъ онъ зря выписываетъ. Такъ, Теофанъ въ одномъ мѣстѣ сообщаетъ, что Батбай, одинъ изъ сыновей Куврата, до сего дня платитъ дань хазарамъ. Если бы мы отнесли выра-

женіе «до сего дня» къ эпохѣ Теофана (первая половина IX столѣтія), то Батбаю было бы отъ роду лѣтъ полтора ста.

Компиляторъ очевидно не понялъ своихъ источниковъ. По нему Атель (Волга) впадаетъ въ Меотійское озеро. Здѣсь Волга смѣшивается съ Дономъ. Впрочемъ, «Атель» значитъ «рѣка» и потому можетъ указывать любую рѣку. А кромѣ того, Донъ нерѣдко рассматривается, какъ рукавъ Волги. Атель, сказано, протекаетъ черезъ всю Сарматію. Донъ отдѣлялъ, по мнѣнію древнихъ, европейскую Сарматію отъ азіатской, и протекалъ, слѣдовательно, по срединѣ Сарматіи, между тѣмъ какъ Волга составляла восточную окраину азіатской Сарматіи. По древнимъ географамъ Волга сливается съ Дономъ; Кубань называется также Гипанисомъ и Танаисомъ; Кубань беретъ свое начало на Кавказѣ; Куфисъ приводится у К. Б. рядомъ съ Бугомъ, Куфисъ напоминаетъ собою Гипанисъ и Кубань. Отсюда, видно, произошла вся путаница.

Больше всего занимаетъ меня рѣка Куфисъ. О ней говорится у Теофана, что она изливается въ Черное море недалеко отъ Некропилъ. Это мѣсто живо напоминаетъ мнѣ мѣсто у К. Б. о Днѣпрѣ, отстоящемъ отъ Некропилъ, по К., на четыре мили. Въ промежуткѣ между Дунаемъ и Саркеломъ находится, по К., также рѣка Куфисъ, приводимая возлѣ Βουϋ. Итакъ, Теофанъ смѣшалъ, сдается мнѣ, Куфисъ, который слѣдуетъ помѣстить на западъ отъ Перекопа по сосѣдству съ Бугомъ, съ Кубанью. Не могу отказаться отъ предположенія, что Куфисъ, можетъ быть, есть непонятное К. Б., новое обозначеніе Днѣпра, въ случаѣ если Куфисъ не есть иное наименованіе Буга, прозваннаго у К. Б. также Κουβοϋ. Какъ бы то ни было, показаніе Теофана, что Куфисъ вблизи Некропилъ изливается въ Понтъ, указываетъ на мѣстность, гдѣ слѣдуетъ искать эту рѣку. Взглянемъ съ этой точки зрѣнія еще разъ на поселенія Гунноболгаръ и Котраговъ.

«Гунноболгары жили сначала за Понтомъ Эвксинскимъ и озеромъ Меотійскимъ». Если мы безъ предвзятой мысли отнесемъ къ этимъ даннымъ, то мы должны отвести мѣстожителство Гунноболгарамъ и Котрагамъ въ степяхъ припонтійскихъ и приазовскихъ. Если же, какъ обыкновенно полагаютъ, здѣсь намѣчена лишь область между Азовскимъ моремъ и рѣкою Кубанью, то авторъ безъ сомнѣнія выразился бы иначе, приблизительно такъ: «за Кавказскими горами и озеромъ Меотидою», ибо степная область, прилегающая къ Кубани, только у устьевъ рѣки доходитъ до Чернаго моря. Но если гово-

рится «за Понтомъ Эвксинскимъ», то мы принуждены имѣть въ виду земли, расположенныя къ сѣверу отъ Чернаго моря и находившіяся съ конца IV столѣтія во владѣніи Гунноболгарь. Далѣе Теофанъ точнѣе обозначаетъ область, въ которой кочевали Кутригуры: «отъ Меотиды до рѣки Куфисъ». По Теофану рѣку Куфисъ можно отождествлять либо съ Днѣпромъ, либо съ Бугомъ, такъ какъ по Теофану рѣка Куфисъ впадаетъ въ Понтъ вблизи Некропилъ, находящихся на западъ отъ Крыма, или же рѣка Куфисъ совпадаетъ съ Кубанью, ибо Некропиламъ отводится у Теофана также мѣсто возлѣ впаденія истока Меотиды въ Черное море. Поэтому можно помѣщать древнюю или великую Болгарію Теофана какъ на западъ, такъ и востокъ отъ Азовскаго моря. Но если Куфисъ Теофана, изливающийся въ Понтъ недалеко отъ Некропилъ, совпадаетъ съ Куфисомъ К. Б., изливающимся также въ Черное море вблизи Некропилъ, то подъ великою Болгаріею слѣдуетъ разумѣть земли отъ Азовскаго моря до Днѣпра приблизительно.

Прекраснымъ подтвержденіемъ сказаннаго служитъ слѣдующая замѣтка Теофана: «Древняя или Великая Болгарія, называемая иначе землею Котраговъ, соплеменниковъ болгарь». Въ этихъ словахъ заключается намекъ не на первоначальное общее мѣстожителство всѣхъ болгарь, когда они еще составляли единый народъ на Кубани (по преданію), а намекъ на область одного изъ болгарскихъ племенъ, именно на область Кутригуровъ, кочевавшихъ западнѣе Утригуровъ, т. е. послѣ распадѣнія болгарскаго народа на отдѣльныя орды. Если вспомнить, что Теофанъ почерпнулъ свои свѣдѣнія изъ источниковъ второй половины VII вѣка, когда Кутригуры уже переместились черезъ Донъ и усѣлись въ мѣстахъ на западъ отъ этой рѣки, то нельзя не убѣдиться въ томъ, что великая или древняя Болгарія Теофана (земля Котраговъ, Кутригуровъ) совпадаетъ съ степнымъ пространствомъ отъ Дона до Днѣпра приблизительно. Болгарія, о которой идетъ рѣчь въ письмѣ Хасдая, лучше всего подходитъ къ этой области. Подобно другимъ изслѣдователямъ я прежде подъ Болгаріею въ письмѣ Хасдая (*Ibrâhîm-ibn-Jakûbs Reisebericht über die Slawenlande*, въ Запискахъ Импер. Акад. Наукъ, Томъ III. № 4, 1898, стр. 134—136) разумѣлъ Кубанскую область, такъ какъ въ то время еще не успѣлъ углубиться въ вопросъ о Черной Болгаріи. «Булгаръ» Хасдая, расположенный между Русью и Хазаріею, приходится на пространство между Дономъ и Днѣпромъ. Только такимъ образомъ мы получаемъ непре-

рывный путь отъ Германіи черезъ Богемію (съ Моравіею), Венгрію, Россію, Болгарію до Хазаріи. Что царь гебалимовъ тождественъ съ чешскимъ княземъ Болеславомъ, доказано мною въ упомянутомъ сочиненіи *Ibrâhîm-ibn-Jakûbs Reisebericht*.

Обращаемся теперь къ ἡ μαύρη Βουλγαρία Константина Б.

πρὸς τὸ ἀρχαῖον αὐτῆς (τῆς Μαϊώτιδος) μέρος ὁ Δάναπρις ποταμός, ἐξ οὗ καὶ οἱ Ῥῶς διέρχονται πρὸς τε τὴν μαύρην Βουλγαρίαν καὶ Χαζαρίαν καὶ Συρίαν. Русскіе, которые по гл. 42 живутъ εἰς τὰ ὑψηλότερα τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ μέρη, идутъ отъ (изъ) рѣки Днѣпра въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію. Такая дорога напоминаетъ собою маршрутъ у Хасдая: Русь, Болгарія, Хазарія. Поэтому здѣсь примѣнимо то же самое толкованіе, а именно, что ἡ μαύρη Βουλγαρία приходится между южной Россіей и Хазаріей. Δάναπρις ποταμός, ἐξ οὗ... καὶ οἱ Ῥῶς διέρχονται... я понимаю такъ, что русскіе, спустившись по Днѣпру до порожистой части его, выходятъ на берегъ и далѣе идутъ степью въ Черную Болгарію и Хазарію. Если же предполагать, что русскіе спускаются по рѣкѣ до самаго устья, отсюда выплываютъ въ Черное море и морскимъ путемъ пробираются въ Болгарію, — то не хватаетъ нѣсколькихъ звеньевъ въ маршрутѣ у К. Б.: а именно Черное море, Херсонъ, Климаты, Боспоръ и еще по крайней мѣрѣ устье Меотиды. Что же касается Συρία, то это общеизвѣстная Сирія, обнимавшая въ болѣе широкомъ смыслѣ слова всю Месопотамію съ главнымъ городомъ Багдадомъ. Изъ Ибн-Хордадбе мы знаемъ, что русскіе уже въ IX вѣкѣ доходили со своими торговыми караванами до Багдада. Поэтому нѣтъ нужды выдавать Συρία за искаженную Ζιχία (Зихія). Въ послѣднемъ случаѣ это слово должно было бы стоять на первомъ мѣстѣ, ибо купцы, плывущіе Чернымъ моремъ, сначала приставали бы къ Зихіи, граничащей съ нимъ. Что же касается арабскихъ источниковъ относительно (Черныхъ) Болгаръ, арабскихъ источниковъ съ ихъ искаженными отрывочными показаніями, то мы безспорно поступимъ весьма разумно, если не обратимъ на нихъ никакого вниманія, такъ какъ они въ высшей степени нуждаются въ предварительной критической обработкѣ, безъ которой они совершенно непригодны. Мимоходомъ замѣчаю, что Равенскій географъ не знаетъ Болгаріи на Кубани.

Прослѣдимъ далѣе описаніе припонтійскаго побережья у К. Б. Мы остановились на Перекопскомъ перешейкѣ: ὁ δὲ αὐτὸς κόλπος τῆς Μαϊώτιδος ἔρχεται ἀντικρὺ τῶν Νεκροπόλων τῶν ὄντων πλησίον τοῦ Δα-

νάπρεως ποταμοῦ ὡς ἀπὸ μιλίων δ', καὶ μίσηται, ἐν ᾧ καὶ σούδαν οἱ παλαιοὶ ποιησάμενοι διεβίβασαν τὴν θάλασσαν, μέσον ἀποκλείσαντες πᾶσαν τὴν Χερσῶνος γῆν καὶ τῶν Κλιμάτων καὶ τὴν Βοσπόρου γῆν κρατοῦσαν μέχρι ἁ' μιλίων ἢ καὶ πλειόνων τινῶν. Μεοτійское озеро сближается съ Некропильскимъ заливомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда можно было проплыть прорытый древними каналъ. Кърымъ является у К. В. подъ названіемъ «Херсона, Климатовъ и Боспора», такъ что и въ настоящемъ случаѣ мы вправѣ замѣνить τὴν Χερσῶνος γῆν καὶ τῶν Κλιμάτων καὶ τὴν Βοσπόρου γῆν словомъ «Таврическій полуостровъ». ἀποκλείσαντες имѣетъ тотъ смыслъ, что проведеннымъ рвомъ Кърымъ былъ отрѣзанъ отъ материка; μέσον указываетъ на положеніе перешейка, приходящагося дѣйствительно на середину сѣвернаго побережья полуострова. Κρατοῦσαν μέχρι ἁ' μιλίων ἢ καὶ πλειόνων τινῶν означаетъ, что Кърымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится перешеекъ, имѣетъ въ ширину одну или нѣсколько миль. Латинскій переводчикъ превратно понялъ эту фразу: veteres mare traiciebant ducta fossa per mediam Chersonem, regiones et Bospori terram, quae mille aut amplius miliaria occupabat. Судя по его переводу, послѣднее предложеніе κρατοῦσαν μέχρι ἁ' μιλίων ἢ καὶ πλειόνων τινῶν относится только къ τὴν Βοσπόρου γῆν, а μέσον только къ τὴν Χερσῶνος γῆν.

Далѣе говорится въ гл. 42, р. 180—182: εἰς δὲ τὸ ἀνατολικώτερον μέρος τῆς Μαιώτιδος λίμνης εἰσέρχονται πολλοὶ τινες ποταμοί, ὅτε Τάναϊς ποταμός, ὁ ἀπὸ τὸ κάστρον Σάρκελ ἐρχόμενος. Изъ этихъ словъ видно, что Саркель не лежалъ при устьѣ Дона, а далѣе вверхъ по рѣкѣ, но въ какомъ именно мѣстѣ, рѣшить трудно. Затѣмъ: καὶ τὸ Χωράκουλ, ἐν ᾧ καὶ τὸ βερζήτικον ἀλιεύεται· εἰσὶ δὲ καὶ ἕτεροι ποταμοί, ὁ Βάλ καὶ ὁ Βουρλίκ, ὁ Χαδῆρ καὶ ἄλλοι πλείστοι ποταμοί. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ безъ сомнѣнія рукава Кубани... ἐκ δὲ τῆς Μαιώτιδος λίμνης ἐξέρχεται στόμιον τὸ Βουρλίκ ἐπονομαζόμενον, καὶ πρὸς τὴν τοῦ Πόντου θάλασσαν καταρεῖ, ἐν ᾧ ἐστὶν ὁ Βόσπορος. ἀντικρὺ δὲ τῆς Βοσπόρου τὸ Ταμάταρχα λεγόμενον κάστρον ἐστὶ· τὸ δὲ διάστημα τοῦ περάματος τοῦ τριούτου στομίου εἰσὶ μίλια ιη'. ἐν δὲ τῷ μέσῳ τῶν αὐτῶν ιη' μιλίων ἐστὶ νησίον μέγα χαμηλὸν τὸ λεγόμενον Ἄτέχ. ἀπὸ τὸ Ταμάταρχά ἐστὶ ποταμός ἀπὸ μιλίων ιη' ἢ καὶ κ', λεγόμενος Οὐκρούχ, ὁ διαχωρίζων τὴν Ζιχίαν καὶ τὸ Ταμάταρχα. ἀπὸ δὲ τοῦ Οὐκρούχ μέχρι τοῦ Νικόφειως ποταμοῦ, ἐν ᾧ καὶ κάστρον ἐστὶ ὁμώνυμον τῷ ποταμῷ, ἐστὶν ἡ χώρα ἡ τῆς Ζιχίας. τὸ δὲ διάστημά ἐστὶ μίλια τ'. ἀνωθεν τῆς Ζιχίας ἐστὶν ἡ χώρα ἡ λεγομένη Παπαγία, καὶ ἀνωθεν τῆς Παπαγίας χώρας ἐστὶ ἡ χώρα ἡ λε-

γομένη Κασαχία· ἄνωθεν δὲ τῆς Κασαχίας ὄρη τὰ Καυκάσιά εἰσιν, καὶ τῶν ὀρέων ἄνωθεν ἐστὶν ἡ χώρα τῆς Ἀλανίας. (Южный рукавъ Кубани) Укрухъ, изливающийся въ море на разстояніи 18 или 20 миль отъ Таматархи, отдѣляетъ Таматарху отъ Зихіи, простирающейся на 300 милій до города Никопса. За Зихіей лежитъ Папагія, за Папагіей — Касахія, потомъ слѣдуютъ Кавказскія горы, наконецъ за ними — Аланія. Итакъ, К. Б. помѣщаетъ жилища Аланъ въ бассейнѣ рѣки Кубани. У К. Б. нѣтъ и слѣда болгаръ въ названныхъ мѣстностяхъ, причемъ я особенно налегаю на то обстоятельство, что свѣдѣнія его относительно этихъ странъ довольно подробны.

Далѣе: ἡ δὲ τῆς Ζιχίας παράλιος ἔχει νησία, τὸ μέγα νησίον καὶ τὰ τρία νησία· ἔνδοθεν δὲ τούτων εἰσὶ καὶ ἕτερα νησία τὰ ἐπινοηθέντα καὶ παρὰ τῶν Ζιχῶν κτισθέντα, τὸ τε Τουργανήρχ καὶ τὸ Τζαρβαγάνι καὶ ἕτερον νησίον, καὶ εἰς τὸν τοῦ ποταμοῦ λιμένα ἕτερον νησίον, καὶ εἰς τὰς Πελέας ἕτερον, ἐν ᾧ ἐν ταῖς τῶν Ἀλανῶν ἐπιδρομαῖς οἱ Ζιχοὶ καταφεύγουσι. Названные острова образуютъ дельту Кубани. Аланы дѣлаютъ набѣги на Зиховъ, спасающихся на этихъ островахъ. Здѣсь также нѣтъ и помину о болгарахъ.

τὸ δὲ παραθαλάσσιον ἀπὸ τῆς συμπληρώσεως τῆς Ζιχίας ἦτοι Νικόψεως ποταμοῦ ἐστὶν ἡ τῆς Ἀβασγίας χώρα, μέχρι τοῦ κάστρου Σωτηρίουπόλεως· εἰσὶ δὲ μίλια τ'.

Гл. 53, р. 268 и 269 тоже содержатъ извѣстія, выказывающія географическія познанія К. Б. касательно Кавказскаго поморья. Ἰστέον ὅτι ἔξω τοῦ κάστρου Ταμάταρχα πολλαὶ πηγαὶ ὑπάρχουσιν ἄφθαν ἀναδιδούσαι.... Ἰστέον ὅτι ἐν Ζηχίᾳ πρὸς τὸν τόπον τῆς Πάγης τῆς οὔσης πρὸς τὸ μέρος τῆς Παπαγίας, ἐν ᾧ κατοικοῦσι Ζηχοί, ἐννέα πηγαὶ εἰσὶν ἄφθαν ἀναδιδούσαι и пр.

Изъ выше приведенныхъ свидѣтельствъ вытекаетъ, что Аланія граничитъ съ Таматархіей, Зихіей и Касахіей, которыя отдѣляли ее отъ Чернаго моря, такъ что Аланія, подчеркиваю, по К. Б. не соприкасалась съ Понтомъ, а была расположена къ сѣверу отъ Кавказскихъ горъ. По этой причинѣ я не допускаю, чтобы власть Аланъ простиралась и на восточную часть Таврическаго полуострова. Какіе народы были сосѣдями Аланъ на сѣверѣ и на востокѣ?

Гл. 36, р. 166: ἀπόκισται δὲ ἡ Πατζιναχία ἐκ μὲν Οὐζίας καὶ Χαζαρίας ὁδὸν ἡμερῶν πέντε, ἐκ δὲ Ἀλανίας ἡμερῶν ἕξ. . . . На разстояніи шестидневнаго пути находились жилища печенѣговъ.

Гл. 10, р. 80: Ὅτι οἱ Οὐζοὶ δύνανται πολεμεῖν τοὺς Χαζάρους ὡς

αὐτοῖς πλησιάζοντες. ὁμοίως καὶ ὁ ἔξουσιοκράτωρ Ἀλανίας, ὅτι τὰ ἐννέα κλίματα τῆς Χαζαρίας τῇ Ἀλανίᾳ παράκεινται, καὶ δύναται ὁ Ἀλανός, εἰ ἄρα καὶ βούλεται, ταῦτα πραιδεύειν καὶ μεγάλην βλάβην καὶ ἔνδειαν ἐντεῦθεν τοῖς Χαζάροις ποιεῖν· ἐκ γὰρ τῶν ἐννέα κλιμάτων τούτων ἡ πᾶσα ζωὴ καὶ ἀφθονία τῆς Χαζαρίας καθέστηκεν. Съ Аланією на востокѣ соприкасается страна хазаръ девятью областями. Пограничная линія между этими землями видимо имѣла значительное протяженіе.

Гл. 11, р. 80: «Ὅτι τοῦ ἔξουσιοκράτορος Ἀλανίας μετὰ τῶν Χαζάρων μὴ εἰρηνεύοντος, ἀλλὰ μᾶλλον προτιμωτέραν τιθεμένου τὴν φιλίαν τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων, ἐὰν οἱ Χάζαροι οὐ βούλωνται τὴν πρὸς τὸν βασιλέα φιλίαν καὶ εἰρήνην τηρεῖν, δύναται μεγάλως αὐτοὺς κακοῦν, τὰς τε ὁδοὺς ἐνεδρεύων καὶ ἀφυλάκτως αὐτοῖς ἐπιτιθέμενος ἐν τῷ διέρχεσθαι πρὸς τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ Κλίματα καὶ τὴν Χερσῶνα. καὶ εἰ ποιήσεται σπουδὴν ὁ τοιοῦτος ἔξουσιοκράτωρ τοῦ κωλύειν αὐτοὺς, μεγάλης καὶ βαθείας εἰρήνης μετέχουσιν ἢ τε Χερσῶν καὶ τὰ Κλίματα. φοβούμενοι γὰρ οἱ Χάζαροι τὴν τῶν Ἀλανῶν ἐπίθεσιν, καὶ μὴ εὐρίσκοντες ἄδειαν μετὰ φοσσάτου ἐπιτίθεσθαι τῇ Χερσῶνι καὶ τοῖς Κλίμασιν ὡς μὴ πρὸς ἀμφοτέρους ἐν ταύτῳ πολεμεῖν ἐξισχύοντες, εἰρηνεύειν ἀναγκασθήσονται. Если Аланы могли преградить дорогу въ Тавриду и Саркель хазарамъ, то ихъ страна имѣла значительный объемъ и простиралась довольно далеко на сѣверъ до Азовскаго моря и до низовьевъ Дона.

Успенскій (Отчетъ 253): «Зачѣмъ же хазарамъ ходить войною въ Саркель, если это ихъ городъ; а если они тамъ господствовали, то какъ аланы могли преградить имъ туда дорогу?» Въ греческомъ текстѣ не сказано, что хазары ходятъ войною въ Саркель, какъ полагаетъ Успенскій, а говорится, что владѣтель Аланіи можетъ имъ сдѣлать много зла, устраивая засады по дорогамъ и неожиданно нападая на нихъ въ то время, когда они направляются къ Саркелу, Климатамъ и Херсону. Глаголь διέρχομαι съ предлогомъ πρὸς не включаетъ въ себѣ понятія о враждебномъ дѣйстви, а значитъ дословно «проходить по направленію къ чему либо», такъ что нѣтъ никакой нужды думать здѣсь о нападеніи на Саркель. Переводъ Ласкина этого мѣста неправиленъ, по крайней мѣрѣ, сбивчивъ: «Когда они двигаются на Саркель, Климаты и Херсонъ», и нѣтъ противорѣчія съ 42 гл., какъ полагаетъ переводчикъ Константина Б. въ примѣч. 316. Въ главѣ 42 Ласкинъ совершенно вѣрно передаетъ то же выраженіе διέρχομαι πρὸς: «(двѣ дороги), по которымъ Печенѣги отправляются въ Херсонъ, Боспоръ и Климаты». Если бы здѣсь перевести: «дви-

гаются на Херсонъ, Боспоръ и Климаты», то получилось бы въ свою очередь нѣкоторое противорѣчiе съ 6 гл., въ которой говорится о мирныхъ сношенiяхъ печенѣговъ съ херсонитами. Крѣпость Саркель лежала не въ центрѣ хазарской земли, а на окраинѣ ея, и потому аланскiе наѣзники, жившiе южнѣе Дона, имѣли возможность преградить хазарамъ въ степи дорогу изъ Итиля, лежавшаго въ низовьяхъ Волги, въ Саркель на Дону. Ниже Константинъ Б. употребляетъ глаголъ ἐπιτίθεσθαι «нападать» и потому естественно приводитъ въ этомъ мѣстѣ только Херсонъ и Климаты и опускаетъ Саркель.

Резюмирую сказанное: по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, Аланiя граничитъ на западѣ съ Азовскимъ моремъ, Таматархой, Зихiей и Касахiей, примыкаетъ на востокъ всей своей шириной къ Хазарiи и находится на сѣверѣ въ сосѣдствѣ съ Печенѣгiей. Слѣдовательно, ἡ μαύρη Βουλγαρία Константина Б. не имѣетъ мѣста въ бассейнѣ Кубани. Равнымъ образомъ отвѣтное письмо хазарскаго царя Юсифа, приводящее много племенъ сѣверо-западнаго Кавказа, хранитъ полное молчанiе относительно болгаръ. Русская лѣтопись знаетъ здѣсь ясовъ, касоговъ и хазаръ, но не говоритъ о болгарахъ. Во II вѣкѣ Таманскiе хазары упоминаются два раза: подъ годами 1023 и 1083. По всему видно, что болгаръ здѣсь болѣе не существовало. Итакъ, Черную Болгарiю, приводимую также въ гл. 21 (р. 81) какъ смежную съ Хазарiею страну: περὶ τῆς μαύρης Βουλγαρίας καὶ Χαζαρίας (заглавiе). ὅτι καὶ ἡ μαύρη λεγομένη Βουλγαρία δύναται τοῖς Χαζάροις πολεμεῖν, — слѣдуетъ искать въ иныхъ мѣстахъ.

Взглянемъ еще разъ на 11 гл. и именно на слѣдующее показанiе: . . . ἐν τῷ διέρχεσθαι πρὸς τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ Κλίματα καὶ τὴν Χερσῶνα. . . μεγάλης καὶ βαθείας εἰρήνης μετέχουσιν ἢ τε Χερσῶν καὶ τὰ Κλίματα. . . Въ послѣднемъ мѣстѣ Саркель не могъ быть повторенъ, такъ какъ онъ принадлежалъ хазарамъ. Насъ поражаетъ отсутствiе Боспора въ обоихъ предложенiяхъ, хотя заглавiе 11 гл. гласитъ: περὶ τοῦ κάστρου Χερσῶνος, καὶ τοῦ κάστρου Βοσπόρου. Изъ этого я вывожу, что Боспоръ былъ хазарскимъ владѣнiемъ, а упоминанiе Херсона и Климатовъ говорило въ пользу того, что они принадлежали грекамъ. Насчетъ Херсона нѣтъ никакого сомнѣнiя. Въ сочиненiи К. Б. de thematibus Херсонъ значится 12 оемою государства. Но какого рода была зависимость Климатовъ отъ Византiи, опредѣлить крайне трудно. Политическiя отношенiя на Таврическомъ полу-

островѣ весьма запутаны и мало извѣстны. Если вѣрить хазарскому письму, то всѣ или почти всѣ города на южномъ поморьѣ Крыма платили дань хазарамъ. Если слѣдовать русской лѣтописи, то уже великій князь Игорь старался стать твердою ногою на полуостровѣ и вель здѣсь войны. Понятно, что южное побережье Крыма колебалось подъ давленіемъ трехъ вліяній: съ юго-запада Византіи, Хазаріи съ востока и Россіи съ сѣвера. Что касается Россіи, то я налегаю на то обстоятельство, что до 965 года нѣтъ и помина о Руси на берегахъ Керченскаго пролива, несмотря на возникшую во второй половинѣ XIX вѣка среди историковъ легенду о такъ называемой Черноморской Руси. Ни одинъ изъ современныхъ источниковъ (Константинъ Б., Иосифъ, Масуди и остальные восточные писатели) ровно ничего не знаютъ о Руси на Киммерійскомъ проливѣ до 965 года. Въ предыдущемъ изслѣдованіи разсматривались свидѣтельства, побудившія ученыхъ создать мифъ о вольной Черноморской Руси не только до 965 года, но даже задолго до передвиженія русскихъ въ бассейнъ Днѣпра. Здѣсь же еще разъ коснемся договоровъ русскихъ князей съ греками отъ 944 и 972 годовъ.

Изъ таврическихъ городовъ, принадлежавшихъ по Иосифу хазарамъ, упоминаются: Кершъ, Сугдай, Алушъ, Ламбать, Бартнитъ, Алубика, Куть, Манкупъ, Будакъ, Алма и Грусинъ. Нѣкоторые названія къ сожалѣнію искажены, такъ что мы не знаемъ, причислялъ ли Иосифъ Херсонъ также къ своей державѣ. Въ Грусинѣ Гаркави желаетъ видѣть Гурзуфъ, а по моему мнѣнію въ немъ, быть можетъ, кроется Херсонъ.

Въ договорѣ 944 года особенное значеніе для нашихъ цѣлей имѣютъ два мѣста: относительно обязательства русскихъ удерживать Черныхъ болгаръ отъ грабежей въ Херсонской области и относительно обѣщанія Корсуныя оказывать помощь русскимъ въ ихъ войнахъ (съ хазарами, печенѣгами?). Что же касается той части договора, гдѣ сказано, что Игорь не долженъ присвоивать себѣ власть надъ Херсономъ и тамошними городами, то подъ послѣдними, очевидно, разумѣются крѣпостцы, расположенныя въ Херсонской странѣ (*τὰ χᾶστρα τῆς Χερσῶνος*). Черные болгары въ договорѣ 944 г. совпадаютъ съ жителями Черной Болгаріи К. Б. Они жили или къ сѣверу отъ Крыма, или въ Крыму. Требованіе, чтобы великій князь «не пускалъ» болгаръ «пакостить» Корсуню, можетъ быть понято такъ, что либо проходы въ область Херсонскую находились во владѣніи русскихъ, либо вер-

ховная власть надъ болгарами принадлежала Игорю. Въ договорѣ 972 г. Святославъ тоже обязывается не тревожить Херсонитовъ; о Черныхъ же болгарахъ тамъ болѣе нѣтъ рѣчи.

Изъ обоихъ договоровъ явствуетъ, что русскіе великіе князья на пространствѣ времени отъ 944 до 972 г. сильно тѣснили Херсонъ. Но если судить по К. Б. (ок. 950) и по Іосифу (ок. 960), то они въ эту эпоху не владѣли ни южнымъ поморьемъ Крыма, ни Таманскимъ полуостровомъ. Лишь въ 965 году Святославъ, завоевавъ Саркель, проникъ до Кавказа. Этотъ знаменательный походъ русскихъ въ столь отдаленныя страны находится вѣроятно въ связи съ неизвѣстными намъ переворотами, происходившими на Крымскомъ полуостровѣ. Начиная съ этого времени, особенно же 969 года, когда норманская вольница опустошила Игиль и Семендеръ, царство хазаръ пришло въ упадокъ и ихъ вліяніе на дѣла Таврическаго полуострова ослабло. Въ 989 году Владиміръ Великій завоевываетъ Херсонъ, главный оплотъ грековъ въ Крыму. По принятіи Владимиромъ крещенія и вступленіи въ бракъ съ греческой княжней, Херсонъ былъ уступленъ византійскимъ императорамъ. Въ 1016 году хазары утратили свои послѣднія владѣнія въ Крыму, благодаря совокупнымъ усилямъ грековъ и русскихъ.

Надѣюсь, что мнѣ удалось доказать всю призрачность гипотезы о Черноморской Руси. Расчистивъ почву для правильнаго уразумѣнія «варваровъ», возвращаюсь къ своему комментарию на Записку Готскаго Топарха.

Кто такіе были варвары?

Протекторъ, котораго избираютъ себѣ члены народнаго собранія, очевидно, не тождественъ съ главою варваровъ, которые, по свидѣтельству топарха, самымъ безчеловѣчнымъ образомъ всѣхъ избивали и послѣ неудавшагося приступа позорно бѣжали. Изъ опасенія, чтобы непріятель не появился снова съ бѣльшимъ войскомъ, комендантъ Климатовъ принимаетъ различныя мѣры: наставляетъ своихъ людей въ военныхъ упражненіяхъ, воздвигаетъ старыя стѣны города, собираетъ знатнѣйшихъ изъ окрестныхъ жителей на совѣщаніе. Во всѣхъ дѣйствіяхъ топарха проглядываетъ твердое рѣшеніе вести войну дальше, а не желаніе заключить мировую съ врагомъ. На сходкѣ дѣло идетъ не о любовномъ союзѣ съ неумолимыми варварами, а о

выборѣ сильнаго покровителя, который бы смогъ ихъ охранить отъ непріятельскихъ покушеній. Не понимаю, какъ можно предположить, чтобы жители возымѣли намѣреніе броситься въ объятія тѣхъ самыхъ варваровъ, которые не давали пощады даже лучшимъ своимъ союзникамъ и только что передъ Климатами потерпѣли поражение. Могли ли жители, въ виду свирѣпствованія варваровъ, надѣяться достигнуть сносныхъ условій мира, не говоря уже объ автономіи, къ которой они такъ страстно стремились, и достигнуть отъ тѣхъ самыхъ варваровъ, которые въ слѣпой ярости все уничтожали и съ которыми, по показанію топарха, тщетно велись переговоры до начала войны. «Лучшіе люди», явившіеся на зовъ топарха, благоволили къ «намъ», не къ варварамъ. Они соединились съ жителями Климатовъ для общаго дѣла, направленнаго, очевидно, не столько противъ Византіи, сколько именно противъ опасныхъ варваровъ. Если бы варвары были русскими, то какъ себѣ объяснить столь лестный для топарха пріемъ у русскаго великаго князя, быстрое окончаніе дѣла и выгодныя условія договора? Нигдѣ въ текстѣ не замѣчается ни малѣйшаго намека на то, чтобы варвары были тождественны съ подданными русскаго князя; напротивъ, все говоритъ въ пользу того предположенія, что это были два совершенно отличныхъ другъ отъ друга народа. Кто приступаетъ къ изученію нашего источника безъ предвзятыхъ идей, не можетъ не видѣть этого. Ср. разсужденіе Куника (Записка Готск. Топ. 69/70):

«Всѣ доселѣ принимавшіяся за разъясненіе записки въ варварахъ, такъ страшно опустошавшихъ Крымъ, отыскиваютъ непременно русскихъ Славянъ или норманскихъ Рѣсовъ. Между тѣмъ, ни одно слово, ни одно мѣсто въ греческомъ подлинникѣ не подаетъ повода къ такому предположенію. Еслибъ приведенное мнѣніе было справедливо, то пришлось бы допустить, что русскія владѣнія уже и въ то время простирались почти на весь Крымъ, ибо въ запискѣ исчисляются всевозможные отгѣнки политической зависимости, въ которой находились къ варварамъ разныя части Крыма до его разоренія. Равнымъ образомъ не можетъ быть рѣчи о какой-нибудь норманской вольницѣ, которая опустошала бы Крымъ за собственный счетъ... Буквальный смыслъ греческаго текста записки отнюдь не допускаетъ подобнаго предположенія».

Если фрагменты относятся къ IX вѣку или къ первой бѣльшей

половинѣ X вѣка, то варвары не могутъ не совпасть съ хазарами. Вполнѣ присоединяюсь къ аргументаціи Куника (тамъ же стр. 82):

«Невозможно предполагать, чтобы варвары, которые такъ страшно опустошали Крымъ, занимали какой нибудь небольшой уголокъ по-морья; напротивъ они должны были, по показанію топарха, быть собственно владыками всего Крыма въ политическомъ отношеніи, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ полосокъ побережья, состоявшихъ подъ мало вліятельнымъ протекторатомъ Византіи. Народъ же, успѣвшій распространить свою власть на весь почти Крымъ, конечно не можетъ быть какимъ нибудь вовсе намъ неизвѣстнымъ народцемъ».

Характеристика варваровъ, какую даетъ топархъ, ихъ гуманность и справедливость, — качества, которыми они раньше отличались, не подходитъ ни къ дикимъ печенѣгамъ, ни къ разбойничьему племени Черныхъ болгаръ, но указываютъ безспорно на могущественное цвѣтущее хазарское царство. Не безъ основанія Masudi называетъ хазаръ народомъ осѣдлымъ въ «*le livre de l'avertissement et de la revision*». Изъ письма хазарскаго царя также легко усмотрѣть, что не всѣ хазары вели кочевой образъ жизни. Кромѣ того не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ составъ хазарскаго царства входило множество разнородныхъ племенъ. Сравни мнѣніе Томашека (35): «Куникъ думаетъ о хазарахъ, которымъ въ теченіе многихъ вѣковъ принадлежала верховная власть надъ Крымомъ и Климатами, которые тогда, быть можетъ, дѣлали послѣднія усилія, чтобы отстоять свои права на готическія Климаты... въ пользу ихъ (болѣе цивилизованныхъ хазаръ) свидѣтельствуется снова то обстоятельство, что рѣчь идетъ о прежнихъ договорахъ и притязаніяхъ, которымъ таврическія племена и народцы подчинились безпрекословно».

Въ началѣ VIII столѣтія Херсониты видали въ своихъ стѣнахъ хазарскаго коменданта или тудуна и даже свободолюбивые готы должны были признать надъ собою верховную власть кагана (около 795 г.). Хазары рано вступили въ мирныя сношенія съ Византіей. Левъ VI (775—780) получилъ прозвище «хазарина» по матери своей, бывшей дочерью хазарскаго царя. Кличкою «*chazaroprosopos*» (хазарское лицо) Михаилъ III намекалъ на хазарское происхожденіе патріарха Фотія. Хазары были и въ императорской гвардіи. Около 835 года греческіе инженеры, по просьбѣ кагана, построили крѣпость Саркель на Дону. Во времена св. Константина хазары еще сосѣдили съ Корсунью (*Legenda italica*), откуда они около середины X вѣка вытѣс-

нены были печенѣгами. По Константину Багрянородному Аланы могли по своему желанію воспрепятствовать хазарамъ дѣлать набѣги на Херсонъ и Климаты. (Куникъ на стр. 84 въ своемъ сочин. о Запискѣ Г. Т. прибавляетъ ошибочно «Керчь». Оупущеніе Боспора въ этомъ мѣстѣ у К. Б. указываетъ на то, что эта область тогда принадлежала хазарамъ). Итакъ, около середины X столѣтія хазары еще дѣлали вторженія въ страну Климатовъ и Херсона. «Никакъ нельзя однако исторически доказать, чтобы господство Хазаръ надъ крымскими городами и народами удержалось, въ прежнемъ своемъ объемѣ, до того времени, къ которому Газе относитъ происхожденіе помянутыхъ отрывковъ, т. е. до начала XI-го вѣка» (Куникъ).

Три сильныхъ державы препирались между собою изъ-за вліянія на родину топарха: варвары (хазары), царствующій на сѣверъ отъ Дуная (великій князь кіевскій) и византійскій императоръ. Это лучше всего подходитъ къ Таврическому полуострову въ X столѣтіи.

Двѣ поѣздки или одна?

καὶ ἀπῆειν. Газе, которому слѣдуютъ Куникъ и другіе ученые, полагаетъ, что это именно путешествіе описывается въ 1 отрывкѣ, попавшемъ будто бы случайно не на свое мѣсто. Вопросъ, двѣ ли поѣздки или одна, легко разрѣшается при помощи 2 отрывка 2 гл. § 4: *Καὶ ὁ πόλεμος εὐθύς ἤρξατο, ὁ δὲ χειμὼν ἐγγύς ἦν ἐμβάλεϊν· ἔτι γὰρ οὐ πολὺ τῶν χει(με)ρινῶν ὁ ἥλιος ἀπῆν.* Когда война началась, наступленіе зимы было близко. Что надъ началомъ зимы разумѣется зимнее солнцестояніе, т. е. астрономическое начало зимы, явствуется изъ прибавленія: «ибо солнце находилось недалеко отъ зимняго поворота» (зимнихъ знаковъ).

Отъ начала войны до совѣщанія въ Климатахъ и далѣе до поѣздки топарха къ великому князю должно было пройти нѣкоторое время, такъ что топархъ не раньше солнцестоянія могъ пуститься въ путь.

Если упоминаемая въ 3 отрывкѣ поѣздка тождественна съ путешествіемъ 1 фрагмента, то она имѣла цѣлью столицу великаго князя, оттого что въ первомъ отрывкѣ мы застаемъ посольство на возвратномъ пути зимою у днѣпровскихъ пороговъ. Что оно не въ степи вело переговоры съ великимъ княземъ, врядъ ли подлежитъ сомнѣнію. Зимою походы не предпринимались. Великій князь находился по всей вѣроятности въ своей резиденціи — Кіевѣ, если не въ какомъ

нибудь изъ другихъ бѣльшихъ своихъ городовъ. На поѣздку же отъ нагорья Крымскаго полуострова до Кіева, а оттуда до порожистой части Днѣпра приходится не меньше пяти недѣль времени, не включая сюда остановокъ. Зимнее солнцестояніе падало по тогдашнему счисленію на 17 или 16 декабря; прибавивъ пять недѣль, получимъ время послѣ 20 января слѣдующаго года. Если принять въ расчетъ еще пребываніе посольства при дворѣ кіевскаго князя и остановку у Днѣпра, — то звѣздное наблюденіе едва ли бы могло произойти ранѣе 1 февраля. Но около этого времени Сатурна не видно на небѣ, такъ какъ онъ восходитъ и заходитъ вмѣстѣ съ солнцемъ.

Зейботъ (въ Пулковѣ) мнѣ обязательно сообщаетъ въ письмѣ отъ 16 марта 1899 г. слѣдующее: «Не легко рѣшить вопросъ о томъ, какъ долго послѣ заката солнца долженъ заходить Сатурнъ, если его желательно видѣть еще на вечернемъ небосклонѣ; ибо время очень измѣнчиво, завися отъ остроты зрѣнія и состоянія воздуха. Острое зрѣніе, полагаю я, сможетъ его замѣтить, если онъ заходитъ часомъ позже солнца, потому что онъ при солнечномъ закатѣ стоитъ тогда еще сравнительно высоко надъ горизонтомъ... Наврядъ ли можно принимать вторую половину января въ расчетъ, такъ какъ Сатурнъ 1 февраля заходитъ раньше солнца или почти одновременно, а 15 января 1 часомъ или немногимъ болѣе послѣ солнца».

На основаніи этихъ свѣдѣній ясно, что послѣ 20 января нельзя наблюдать Сатурна вечеромъ на небѣ. Съ этимъ согласуется, что Днѣпръ замерзаетъ въ среднемъ подъ конецъ декабря (по тогдашнему счисленію). Заключение очевидно: путешествіе въ 3 фрагментѣ не совпадаетъ съ путешествіемъ въ 1 фрагментѣ. Слѣдовательно, въ запискѣ дѣло идетъ о двухъ поѣздкахъ. Описанная въ первомъ отрывкѣ могла быть предпринята не позже 1 декабря по тогдашнему счисленію, вторая происходила не раньше середины того же мѣсяца. Къ тому же результату придемъ и въ томъ случаѣ, если вмѣстѣ съ Васильевскимъ примемъ мѣстонахожденіе Климатовъ на Дунаѣ.

Помимо сказаннаго самый характеръ разсказа намекаетъ на то, что порядокъ отрывковъ не долженъ быть измѣненъ, что первый по мѣсту въ кодексѣ фрагментъ будетъ и по содержанію своему первымъ. Конецъ 3 отрывка производитъ совершенно такое впечатлѣніе, какъ будто съ нимъ заканчивается и вся Записка. Прошу обратить должное вниманіе на сжатость разсказа. Рѣчь топарха приводится лишь въ главныхъ чертахъ, его поѣздка къ князю отдѣляется единымъ сло-

вомъ ἀπήειν, приемъ и успѣшный ходъ переговоровъ лишь мелькомъ намѣчены, результатъ ихъ излагается вкратцѣ. А до этого рассказъ топарха лился нѣсколькими широкими струями. Сжатость и сравнительная сухость его рѣчи къ концу 3 отрывка можетъ служить доказательствомъ тому, что Записка не составлена имъ одновременно съ событіями, описанными во фрагментахъ, или непосредственно за ними. Должно было пройти нѣкоторое время, чтобы впечатлѣнія могли ослабѣть въ его воображеніи и потерять свою свѣжесть.

Весьма невѣроятно, чтобы топархъ односложнымъ замѣчаніемъ ἀπήειν указывалъ на свое яркими красками описанное въ 1 отрывкѣ путешествіе, сопряженное со столькими опасностями и невиданными дотолѣ явленіями. Полное умалчиваніе о подробностяхъ путешествія, ласковый приемъ со стороны великаго князя, краткая бесѣда, благоприятный исходъ переговоровъ,—все это по моему мнѣнію подтверждаетъ, что топархъ не былъ новичкомъ и уже раньше бывалъ у великаго князя русскаго. Выше сказанное нѣсколько освѣщаетъ показаніе топарха: ἐμοὶ δὲ τὴν τῶν Κλιμάτων ἀρχὴν αὖθις ἀσμένως πᾶσαν ἔδοτο. Наконецъ, уже само собою весьма вѣроятно, что первый по очереди въ кодексѣ фрагментъ и по содержанію своему предшествуетъ двумъ остальнымъ.

Гдѣ лежала крѣпостца τὰ Κλήματα?

Уже раньше было говорено о томъ, что слово τὰ Κλήματα встрѣчается въ качествѣ имени собственнаго только у Константина В. въ его сочиненіи de administrando imperio, и что въ такомъ смыслѣ мы его тщетно искать будемъ во всей прочей византійской литературѣ. Что же разумѣетъ К. В. подъ τὰ Κλήματα въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ это слово употребляетъ въ значеніи имени собственнаго? Всѣ мѣста съ τὰ κλήματα извлечены изъ К. В. Куникомъ, при чемъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ τὰ κλήματα является какъ *nomen proprium*, отмѣчены начальной прописною буквою въ словѣ τὰ Κλήματα.

Гл. 1 р. 68 (ed. Bonn.) *καὶ εἰ μὴ φιλίως ἔχουσι (οἱ Πατζιναχίται) πρὸς ἡμᾶς, δύνανται κατὰ τῆς Χερσῶνος ἐξέρχεσθαι καὶ κούρσεύειν καὶ λήζεσθαι αὐτὴν τε τὴν Χερσῶνα καὶ τὰ λεγόμενα Κλίματα.* Буква η въ текстѣ замѣнена буквою ι, такъ какъ уже въ первой половинѣ Среднихъ вѣковъ η выговаривалось какъ долгій ι звукъ. Брунъ считаетъ писаніе κλήματα правильнымъ, ставитъ κλήμα въ связь съ «виногра-

домъ» и усматриваетъ въ τὰ Κλίματα 42 гл. (р. 180) описку. Во всякомъ случаѣ вѣрнѣе писать слово такъ, какъ оно обыкновенно гласитъ въ подлинникахъ, т. е. черезъ η. Этой орѳογραφίи я буду держаться.

Гл. 11 р. 80: δύναται (ὁ ἐξουσιοκράτωρ Ἀλανίας) μεγάλως αὐτοὺς (τοὺς Χαζάρους) κακοῦν, τὰς τε ὁδοὺς ἐνεδρεύων καὶ ἀφυλάκτως αὐτοῖς ἐπιτιθέμενος ἐν τῷ διέρχεσθαι πρὸς τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ Κλήματα καὶ τὴν Χερσῶνα. καὶ εἰ ποιήσεται σπουδὴν ὁ τοιοῦτος ἐξουσιοκράτωρ τοῦ κωλύειν αὐτούς, μεγάλης καὶ βαθείας εἰρήνης μετέχουσιν ἢ τε Χερσῶν καὶ τὰ Κλήματα... καὶ μὴ εὕρισκοντες ἄδειαν μετὰ φοσσάτου ἐπιτίθεσθαι τῇ Χερσῶνι καὶ τοῖς Κλήμασιν...

Гл. 42 р. 177: Γεωγραφία... καὶ Χερσῶνος ὁμοῦ καὶ Βοσπόρου, ἐν οἷς τὰ κάστρα τῶν Κλημάτων εἰσίν... р. 180: ἀπὸ δὲ Χερσῶνος μέχρι Βοσπόρου εἰσὶ τὰ κάστρα τῶν Κλιμάτων... σούδαν (на Перекопскомъ перешейкѣ) οἱ παλαιοὶ ποιησάμενοι διεβίβασαν τὴν θάλασσαν, μέσον ἀποκλείσαντες πᾶσαν τὴν Χερσῶνος γῆν καὶ τῶν Κλημάτων καὶ τὴν Βοσπόρου γῆν... δύο ὁδοί, ἐν αἷς οἱ Πατζιναχίται διέρχονται πρὸς τε Χερσῶνα καὶ Βόσπορον καὶ τὰ Κλήματα.

Во всѣхъ другихъ цитованныхъ Куникомъ мѣстахъ τὰ κλήματα стоить въ значеніи *nomen appellativum*. Вотъ почему я здѣсь на нихъ не обращаю вниманія, хотя это слово часто употребляется именно въ отношеніи къ южному побережью Крима. Сопоставленіе всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ τὰ Κλήματα является именемъ собственнымъ, показываетъ, что Климаты составляли часть южнаго поморья Таврическаго полуострова, расположенную между Херсономъ и Боспоромъ. Замѣчаю мимоходомъ, что τὰ Κλήματα, будучи именемъ собственнымъ, не поддается переводу.

Херсонъ и Боспоръ, въ сообществѣ коихъ постоянно фигурируютъ Климаты, были сильными крѣпостями, передавшими свое названіе подчиненнымъ имъ областямъ. Сообразно съ этимъ не слишкомъ смѣло будетъ предположеніе, что и область τὰ Κλήματα обязана своимъ именемъ одноименной крѣпости. Причина, по которой никто изъ писателей, за исключеніемъ готскаго топарха, не упоминаетъ о городѣ τὰ Κλήματα, быть можетъ та, что разрушенное варварами укрѣпленіе лежало въ развалинахъ и потеряло свое значеніе. Впрочемъ, весьма возможно, что Климаты скрываются подъ какимъ либо другимъ наименованіемъ; ибо тамошніе города нерѣдко мѣняли свои названія вслѣдствіе наплыва все новыхъ пришельцевъ. Кромѣ того мы вообще

слишкомъ мало знакомы съ исторіею Таврическаго полуострова за эту эпоху, чтобы имѣть возможность положительно оспаривать существованіе такого города какъ τὰ Κλήματα.

Никто не отрицаетъ того, что Климаты Константина совпадаютъ съ таврическою Готіей. Замѣчательно, что Константинъ никогда не употребляетъ слова «Готія», а его постоянно замѣняетъ выраженіемъ τὰ Κλήματα. Въ Готіи по своему значенію выдавалась крѣпость Dogu, Dogos, позднѣйшее Theodoros. Въ жизнеописаніи готскаго епископа Иоанна она называется τὸ κάστρον τῆς Γοτθίας; у Прокопія поморье (χώρα κατὰ τὴν παραλίαν, Δόρυ ὄνομα) носитъ названіе Dogu. Τὰ Κλήματα тождественно съ Готіей, занимавшей приблизительно пространство отъ Балаклавы до Гурзуфа. Не понимаю, отчего Успенскій (Отчетъ 248, 262) помѣщаетъ Климаты въ непосредственной близости къ городу Корсуню. Что онъ именно такъ поступаетъ, явствуетъ изъ его замѣчаній: «Тотъ, кто держался южныхъ частей Крыма, долженъ еще доказать, когда южная часть Крыма не была во власти императора... Въ X вѣкѣ положеніе Византіи въ южномъ Крыму было твердое и обеспеченное, такого колебанія византійскаго авторитета въ южномъ Крыму въ X вѣкѣ не могло быть». Если же Успенскій подъ южною частью Крыма разумѣетъ все побережье отъ Корсуня до Керчи, то онъ жестоко заблуждается, ибо непозволительно игнорировать имѣющіяся на этотъ счетъ историческія свидѣтельства.

Если вспомнимъ все то, что было сказано выше относительно родины топарха (1 отрывокъ, 1 гл. § 3 и § 4, 3 гл. § 3, 4 гл. § 3, и разсужденія о національности варваровъ и о положеніи τὰ Κλήματα у К. Б.), то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Климаты нашей Записки слѣдуетъ искать въ горномъ Крыму. «Положительныхъ фактовъ переспорить нельзя», замѣчаю вмѣстѣ съ Гедеоновымъ и Куникомъ по адресу Васильевскаго, усматривающаго въ τὰ Κλήματα фрагментовъ Κλεμάδες (VI вѣкѣ) на Дунаѣ вблизи Оршovy, не подходящія и въ звуковомъ отношеніи къ τὰ Κλήματα.

Копія или автографъ?

Опредѣленіе Газе о времени происхожденія фрагментовъ можетъ служить точкою опоры при сужденіи объ эпохѣ, на которую падаютъ описанныя въ отрывкахъ событія, если достоверно, что дѣло идетъ не о копіи, а о черновой, о первомъ наброскѣ автора. Въ этомъ убѣ-

ждаетъ насъ заявленіе Газе, которому мы обязаны открытіемъ источника. Почеркъ отрывковъ, замѣчаетъ Газе, мелкій, связный, запутанный и очень неразборчивый (*litteris minutis, perplexisque... eadem intricatissima manu*), много словъ измѣнено, зачеркнуто, надписано (*multis verbis mutatis, inductis, superscriptis*), такъ что для знаменитаго византиниста, бывшаго, какъ извѣстно, глубокимъ знатокомъ рукописей, не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что Записка есть автографъ. Если даже не придадимъ значенія тому непосредственному впечатлѣнію, которое фрагменты произвели на Газе, мы неминуемо приходимъ къ тому же заключенію, когда присматриваемся къ тексту въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изданъ у Газе. Примѣчанія Газе къ тексту даютъ намъ наглядное представленіе о состояніи источника. Еще болѣе интересъ, нежели поправки словъ, имѣютъ зачеркнутыя мѣста, въ которыхъ авторъ забѣгаетъ впередъ своему разсказу. Онъ ихъ вычеркиваетъ, чтобы вставить объясненія или наверстать пробѣлы. Эта своеобразная структура отрывковъ убѣдитъ всякаго внимательнаго изслѣдователя въ справедливости заявленія Газе. А между тѣмъ нашлись ученые, осмѣливающіеся утверждать прямо противоположное (см. Иловайскаго, стр. 331 прим. и стр. 404). Даже сомнѣнія въ родѣ тѣхъ, что высказываетъ Успенскій на стр. 267 и 268 Кіевской Старины, недопустимы.

Дѣло идетъ о трехъ или, лучше, двухъ фрагментахъ, такъ какъ послѣдніе два отрывка какъ по занимаемому ими въ кодексѣ мѣсту, такъ и по содержанію образуютъ одно цѣлое. На стр. 496 Газе замѣчаетъ во вступленіи, что записка *folio duo vacua illevit*, а передъ 2 отрывкомъ говорится: *sequitur post quadraginta circiter folia alterum (fragmentum)*. Изъ этого слѣдуетъ, что 1 отрывокъ занимаетъ одинъ листокъ, а второй отрывокъ—другой листокъ. Если же Газе на стр. 503 передъ 3 фрагментомъ замѣчаетъ: *Sequuntur in folio alio abrupta illa*, то онъ разумѣетъ или, согласно съ упомянутыми *folio duo*, вторую страницу второго листка, или же въ противорѣчіе съ *folio duo*, слѣдующій листокъ. Если отрывки, находящіеся въ той же книгѣ, написаны одною и тою же рукою (*eadem intricatissima manu*), то можно ожидать, что и содержаніе ихъ будетъ стоять въ тѣсной связи между собою. Насчетъ 2 и 3 отрывковъ это неоспоримый фактъ. Что же касается 1 фрагмента и двухъ остальныхъ, то ихъ внутреннюю связь указываютъ нѣкоторые признаки, о которыхъ было нами говорено уже выше. Въ первомъ фрагментѣ описывается возвратный (изъ Россіи) путь то-

парха, во второмъ мы его застаемъ на родинѣ; въ началѣ того же отрывка у него Россія на умѣ (τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου), въ 3 отрывкѣ авторъ говоритъ о поѣздкѣ къ великому князю (βασιλεύων κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστρου), отдавшему ему съ удовольствіемъ снова всю власть надъ Климатами...

Между первымъ и вторымъ фрагментами замѣчается пропускъ. Недостаетъ, между прочимъ, описанія прибытія топарха на родину. Первый отрывокъ покидаетъ его среди занесенныхъ снѣгомъ понтійскихъ степей на югѣ отъ днѣпровскихъ пороговъ. Далѣе не хватаетъ изложенія событій, происходившихъ въ области топарха по его возвращеніи. Послѣдній пробѣлъ восполняется до извѣстной степени самимъ авторомъ, ибо онъ во второмъ фрагментѣ даетъ ретроспективный обзоръ происшествіямъ, случившимся по отстраненіи имъ первой опасности. Сколько лѣтъ прошло отъ событій перваго фрагмента до событій второго и третьяго фрагментовъ, мы не знаемъ. Вѣроятно, годъ, а можетъ-быть и нѣсколько лѣтъ.

Палеографическое опредѣленіе времени по Газе.

По Газе кодексъ принадлежитъ къ исходу X вѣка (saec. X exe-
untis), почеркъ же отрывковъ по его мнѣнію немного моложе (litteris
nec multo quam Cod. ipse recentioribus). Слѣдуетъ ли изъ этого, что
Газе начертаніе нашей Записки приурочиваетъ къ началу XI столѣтія?
Не думаю. Судя по Газе, отрывки возникли одновременно или непо-
средственно за описываемыми событіями. Далѣе, Газе связываетъ
содержаніе Записки съ завоеваніемъ Херсона Владимиромъ и его
крещеніемъ въ 988 (989) году. Слѣдовательно наши фрагменты на-
писаны (по Газе) въ 989 году, во всякомъ случаѣ до 1000 года.
Впрочемъ, я вполне согласенъ съ мнѣніемъ Успенскаго, что авторъ
передаетъ факты не въ формѣ путевыхъ замѣтокъ, но въ видѣ исто-
рической записки о прошедшихъ событіяхъ; значитъ, продолжаю я,
слѣдовало бы перенести составленіе его мемуара на XI столѣтіе, пред-
полагая правильность сужденія Газе о почеркѣ. Но такъ какъ такое
точное опредѣленіе рукописи на основаніи палеографическихъ при-
знаковъ невозможно, то, очевидно, Газе при своемъ домыслѣ руко-
водствовался предполагаемымъ соотношеніемъ содержанія фрагментовъ
ко взятію Корсуня русскими. Вѣдь въ началѣ 2 отрывка Газе замѣ-
чаетъ только: scriptura est ligata, quam vocant, saec. X aut XI. Какъ

Крумбахеръ отнесся къ опредѣленію Газе, сообщается мною въ вступленіи къ моему труду. Въ такомъ же направленіи высказывается и византинистъ Успенскій на стр. 266 (К. Ст.): «Едва ли, однако, можно серьезно настаивать на палеографическихъ наблюденіяхъ до такой степени, чтобы отличать почерки по двадцатилѣтіямъ... да и въ опредѣленіи вѣковъ (палеографы) не всегда бываютъ согласны».

Поэтому мы поступимъ правильнѣе, если будемъ держаться менѣе опредѣленнаго палеографическаго приуроченья (*scriptura... saec. X aut XI*), причемъ мы можемъ имѣть въ виду, что по мнѣнію Газе почеркъ указываетъ приблизительно на середину этого пространства времени. А во избѣжаніе всякихъ погрѣшностей мы намѣрены еще болѣе раздвинуть предѣлы этой эпохи на нѣсколько десятилѣтій и сообразовываться при нашемъ изслѣдованіи со всѣмъ этимъ громаднымъ періодомъ времени.

Къ какому времени приурочивается содержаніе Записки?

Если не подлежитъ сомнѣнію, что *ὁ κατὰ τὰ βόρεια τοῦ Ἰστροῦ βασιλεύων* есть великій князь русскій, то время появленія русскихъ въ Кіевѣ (ок. 850 г.) составляетъ крайній *terminus a quo*. Но такъ какъ русскій князь фрагментовъ изображается весьма могущественнымъ государемъ, владѣнія котораго далеко простираются на югъ, доходя до нагорья Крыма и низовьевъ Дуная, то мы вынуждены придвинуть *terminus a quo* къ 882 году, году захвата Кіева Олегомъ. Въ 885 году этому князю были подвластны поляне, древляне, сѣверяне и радимичи, а съ уличанами и тиверцами онъ велъ въ то время войну. Въ 906 (907) году Олегъ предпринялъ свой походъ на Константинополь съ большимъ войскомъ, въ составъ котораго входили также хорваты, дулѣбы и тиверцы. Итакъ, его государство къ этому времени доходило до Карпатъ и Днѣстра, до Дуная и Чернаго моря. До 906 году (по лѣтописи Нестора) господствовалъ въ теченіи многихъ лѣтъ миръ между греками и русскими.

Имѣли ли русскіе временъ Олега какія либо владѣнія на Таврическомъ полуостровѣ? На основаніи всѣхъ дошедшихъ до насъ данныхъ мы обязаны дать отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ договорѣ Олега съ греками (911 г.) Херсонская страна вовсе не упоминается въ противоположность договорамъ съ преемниками Олега. Что же касается извѣстій восточныхъ писателей объ островѣ (полу-

островѣ) Русія, извѣстій, сводящихся къ первоисточнику IX столѣтія, то внимательный анализъ всѣхъ сюда относящихся свидѣтельствъ показываетъ, что этотъ замысловатый островъ находился въ сѣверной половинѣ восточной Европы.

Мы можемъ утверждать положительно, что отрывки топарха, говорящіе въ пользу твердой позиціи русскихъ въ Крыму, или же, по крайней мѣрѣ, о верховной ихъ власти надъ нѣкоторыми частями его, не идутъ къ княженію Олега, который свой первый походъ на грековъ предпринимаетъ въ 906 году; во всякомъ случаѣ противоположное мнѣніе нельзя поддержать цитатами изъ источниковъ; лишенное основанія, оно виситъ въ воздухѣ. Съ чисто исторической точки зрѣнія *terminus a quo* можно помѣстить не раньше княженія Игоря, первый походъ котораго на грековъ происходитъ въ 914 году, — во всякомъ случаѣ не раньше 906 года; ибо лишь съ этого времени вниманіе Олега обращается на Черное море. Да того же времени, подчеркиваю еще разъ, всѣ источники хранятъ глубокое молчаніе о военныхъ дѣйствіяхъ въ Крыму.

Куникъ, считая себя связаннымъ палеографическимъ опредѣленіемъ Газе (Зап. Г. Т. 89), относитъ содержаніе отрывковъ ко времени послѣ 940 г. Съ чисто исторической точки зрѣнія возможно, мнѣ кажется, также приурочить Записку къ періоду до 940 г. Не могу присоединиться къ аргументаціи Куника, считающаго упомянутые въ договорѣ 944 г. «градъ» за *κάστρα τῶν Κλιμαίων*. Рѣчь идетъ не объ области Климатовъ, а о странѣ Корсунской съ ея городами, укрѣпленными мѣстами (*τὰ κάστρα τῆς Χερσῶνος*). Въ договорѣ 972 года равнымъ образомъ говорится только о Херсонской землѣ, между тѣмъ, по Кунику, Святославъ долженъ былъ отказаться какъ отъ своихъ притязаній на Корсунь, такъ и отъ своихъ притязаній на Климаты. Въ противоположность Константину Б., по которому южное побережье Крыма распадается на три части (Херсонъ, Климаты и Боспоръ), Куникъ подъ странюю Корсунской разумѣетъ также Климаты, даже Боспоръ, потому что онъ то, что имѣетъ отношеніе только къ Херсону, приписываетъ всему южному поморью. Въ такомъ смыслѣ онъ трактуетъ о договорахъ 944 и 972 гг., о событіяхъ 989 г.; подобнымъ образомъ онъ разсматриваетъ показанія Константина Б.: по Кунику хазары нападаютъ на Корсунь, Климаты и Керчь, печенѣги вступаютъ въ мирныя сношенія съ Корсунью и Керчью, хотя К. Б. объ этомъ ничего не говоритъ (гл. 6 и 11 въ сочин. *de adm. imp.*).

Такъ какъ Святославъ, по (не совсѣмъ правдоподобному) мнѣнію Куника, въ 972 г. отказывается отъ своихъ притязаній на Херсонъ и Климаты, то онъ приурочиваетъ содержаніе фрагментовъ ко времени до 972 года. Но я вполне согласенъ съ Куникомъ, настаивающимъ на эпохѣ до 989 года, ибо около 989 года большая часть южнаго поморья Таврическаго полуострова перешла во владѣніе русскихъ.

Обратимся теперь къ *terminus ad quem*.

Во второй половинѣ XI вѣка на южнорусскія степи нахлынули орды половцевъ, частью истребившихъ печенѣговъ, частью прогнавшихъ ихъ на югозападъ. Объ этихъ новыхъ пришельцахъ, безъ сомнѣнія, нѣтъ рѣчи въ нашей Запискѣ. Лестный, чуть ли не восторженный, отзывъ топарха о прежнемъ образѣ дѣйствій «варваровъ» не подходитъ къ половцамъ XI столѣтія. Но наши фрагменты нельзя отнести и XII или XIII вѣкамъ, потому что русскіе, отрѣзанные уже къ концу XI вѣка отъ юга, лишились своихъ тамошнихъ владѣній. Тмутаракань въ 1094 г. исчезаетъ съ историческаго поприща. Корчевъ (Керчь) въ послѣдній разъ встрѣчается на одной надписи подъ 1068 годомъ (Брунъ, Зап. Одесск. Общ. Ист. Томъ 5, 1863, стр. 131). Во второй половинѣ XII вѣка эти земли принадлежали грекамъ (Куникъ, Записка Г. Т. 92). Равнымъ образомъ «варвары» не могутъ быть тождественны съ печенѣгами (до нашествія половцевъ), потому что въ XI столѣтіи греки (и русскіе?) владѣли южнымъ побережьемъ Крыма. Какъ видно изъ греческой надписи (Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи, С.-Петербург. 1896, стр. 16/17) Херсонъ и Сугдея были въ 1059 году въ рукахъ Византіи.

Если «варвары» не могутъ быть ни печенѣгами, ни половцами, а отрывки нельзя приурочить къ XI столѣтію, то ихъ слѣдуетъ отнести къ X вѣку и отождествить варваровъ съ хазарами. Всякій согласится съ тѣмъ, что представленная топархомъ характеристика варваровъ прекрасно идетъ къ хазарамъ съ ихъ обширнымъ полудивилизованнымъ цвѣтущимъ государствомъ. Во второй половинѣ X вѣка могущество хазаръ было сильно поколеблено. Въ 965 году Святославъ овладѣлъ пограничною крѣпостью Саркель на Дону (Бѣла Вежа) и проникъ въ землю ясовъ и касоговъ. Въ 969 году рѣс-ы (норманская вольница) разгромила Итиль и Семендеръ. А въ слѣдующемъ столѣтіи въ 1016 г. соединенныя силы грековъ и русскихъ завоевали послѣдніе остатки хазарскихъ владѣній въ восточной половинѣ Крыма.

«именно у Eski-Kryma или Solqat-a... Kazarat, равнымъ образомъ у Кафы, область которой считалась въ средніе вѣка принадлежащею къ Gazaria» (Томашекъ 32).

Тамань (Тмутараканское княжество) упоминается въ русской лѣтописи впервые въ 988 году. Оно было, очевидно, основано раньше 988 года, по всей вѣроятности уже Святославомъ, покорившимъ въ 965 году ясовъ (аланъ) и касоговъ (черкесы). Если бы рѣчь шла только о ясахъ, то нельзя было бы еще вывести такое заключеніе, такъ какъ поселенія ясовъ простирались на сѣверъ отъ Кавказа до Азовскаго моря и низовьевъ Дона, а поселенія касоговъ, на сколько мы знаемъ, ограничивались одной горной областью. Итакъ, Святославъ въ своемъ походѣ дошелъ до Кавказскаго хребта и Таманскаго полуострова. По этимъ причинамъ мы вправѣ основаніе Тмутараканскаго княжества приписывать великому князю Святославу. Съ тѣхъ поръ, какъ эта область перешла во власть русскихъ, загражденъ былъ хазарамъ главный путь въ южное поморье Крыма и ихъ вліянію на дѣла Крыма былъ нанесенъ сильный ударъ. Большинство ученыхъ, далѣе, того мнѣнія, что царство хазаръ рушилось окончательно въ 969 году. Въ 1016 году доходить до насъ вѣсть о завоеваніи греками и русскими послѣднихъ хазарскихъ владѣній въ Крыму. Изъ Таврическаго полуострова, въ общемъ, хазары уже были вытѣснены Владимиромъ Великимъ ко времени захвата имъ Корсуня. Но изъ фрагментовъ топарха явствуется, что «варвары» обладали въ Крыму значительною властью. Города и селенія примкнули къ нимъ добровольно; въ настоящее же время они свирѣпствовали противъ своихъ подчиненныхъ и союзниковъ, разрушили 10 городовъ и 500 селеній. Итакъ, отрывки топарха относятся къ эпохѣ до 988 года, по всей вѣроятности до 969 г., пожалуй даже до 965.

Terminus a quo тоже можно значительно подвинуть впередъ. Лучшими знатоками историко-географическихъ отношеній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря являются императоръ Константинъ Багрянородный и каганъ хазаръ Юсифъ. Оба оставили намъ связныя и сравнительно подробныя извѣстія. Изъ сочиненія de adm. impreg. (ок. 950) и изъ хазарскаго письма (ок. 960) явствуется, что русскимъ въ тѣ времена не принадлежали ни Тамань, ни какая бы то ни была часть южнаго поморья Таврическаго полуострова.

Позволю себѣ здѣсь напомнить читателямъ, что Черная Болгарія К. Б. не совпадаетъ съ Кубанскою областью, какъ это до сихъ поръ

полагали. Вмѣстѣ съ тѣмъ рушится предположеніе Куника, будто русскіе уже въ то время засѣли на Керченскомъ проливѣ, коль скоро они могли, согласно договору 944 г., воспрепятствовать Чернымъ болгарамъ дѣлать вторженія въ Херсонскую землю. Равнымъ образомъ изъ означеннаго договора еще не видно, чтобы русскіе имѣли владѣнія на южномъ побережьѣ; хотя и справедливо, что они сильно тѣснили Корсунь. Все же содержаніе договора 944 г. весьма важно тѣмъ, что даетъ возможность заключить о вліяніи русскихъ на судьбы Таврическаго полуострова за эту эпоху. Въ 941 году Игорь совершаетъ свой первый походъ на Византію, такъ что незадолго до этого времени произошелъ, видно, разрывъ между греками и русскими. Въ виду этого мы за дальнѣйшій *terminus a quo* можемъ принять время около 940 года. На основаніи К. Б. и хазарскаго кагана Іосифа мы вправѣ передвинуть границу времени къ 950 или 960 годамъ. А *terminus ad quem* составляютъ годы 969 и 965. Вотъ самыя тѣсныя границы, которыя еще возможно провести для описываемыхъ во фрагментахъ происшествій.

Астрономическія даты.

Астрономическія данныя, какъ таковыя, не были вполне ясны, и потому раскрытіе ихъ смысла представляло нѣкоторыя затрудненія. Разъясненіемъ астрономическихъ данныхъ я обязанъ астроному В. Вислиценіусу въ Страсбургѣ, съ которымъ велъ обширную переписку. Проф. Вислиценіусъ первый обратилъ вниманіе на то, что *ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος* означаетъ астрономическую зиму, т. е. время отъ зимняго солнцестоянія до весенняго равноденствія. Это побудило меня обратиться въ С.-Петербургъ въ Главную Физическую Обсерваторію съ просьбою доставить мнѣ свѣдѣнія относительно замерзанія рѣки Днѣпра. Данныя справки вполне гармонируютъ съ «зимними знаками». Благодаря свѣдѣніямъ, которыми меня снабдилъ проф. Вислиценіусъ, я самъ былъ въ состояніи провѣрить результаты вычисленій Зейдлера, оказавшіеся вполне несостоятельными. Страсбургскій астрономъ подтвердилъ правильность моихъ сужденій. Астрономъ Зейботъ (въ Пулковѣ) высказался въ томъ же смыслѣ. Легко указать ошибки, сдѣланныя Зейдлеромъ.

По Зейдлеру наблюденіе происходило въ полночь, въ то время какъ уже Васильевскій, основываясь на греческомъ текстѣ, сообра-

зиль, что наблюдение сделано было вечеромъ, раньше полуночи,— несмотря на то, что ему смыслъ предложенія τοῦ πρώτου τῶν ἀστρῶν ἐσπέριον φάσιν ἤδη ποιῶντος (на сколько мы судить можемъ по его переводу) остался темнымъ.

Зейдлеръ не зналъ времени замерзанія рѣки Днѣпра. Согласно свѣдѣнiямъ, полученнымъ мною изъ Главной Физической Обсерваторiи въ сообщенiи отъ 21 августа 1898 г. за № 2385, Днѣпръ замерзаетъ въ среднемъ у Лоцманской Каменки (выше днѣпровскихъ пороговъ), по наблюдениямъ съ 1862 г., 21 декабря, у Екатеринослава (по свѣдѣнiямъ съ 1818 г.) въ среднемъ также 21 декабря; а у Херсона Днѣпръ въ среднемъ замерзаетъ 20 декабря (по наблюдениямъ съ 1848 г.). Если перевести эти даты на тогдашнее время, то получается 27—29 декабря. По мнѣнiю метеорологовъ климатъ Европы не измѣнился ощутительнымъ образомъ за историческое время. Итакъ, топархъ совершилъ свою переправу чрезъ Днѣпръ, по всей вѣроятности, въ двадцатыхъ числахъ декабря или въ началѣ января.

Проф. А. Кононовичъ (въ Одессѣ) и Зейботъ (въ Пулковѣ) полагали было, въ противоположность проф. Вислицениусу, что ἡλίου κατὰ τὰ χειμερινὰ διατρέχοντος можетъ быть просто фигурнымъ выраженiемъ мысли: была зима, а не попыткою опредѣленiя солнца на небесномъ сводѣ. Они не знали того мѣста во 2 отрывкѣ, которое рѣшаетъ вопросъ въ пользу Вислицениуса.

Зейдлеръ понимаетъ подъ «началомъ Водолея» ϵ и μ этого созвѣздія, или, лучше, мѣсто пересѣченiя круговъ широтъ ϵ и μ съ путемъ Сатурна. То и другое предположенiе неправдоподобно. Какъ бы ни толковали фразу καὶ γὰρ ἔτυχε, περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτὸς διῶν ὕδροχόου, всѣ согласны въ томъ, что рѣчь идетъ о прохожденiи Сатурна черезъ созвѣздіе Водолея. Спрашивается только, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ созвѣздія? Что касается второго предположенiя, то точки пересѣченiя круговъ широтъ ϵ и μ Aquarii съ путемъ Сатурна приходятся приблизительно на середину созвѣздія Козерога. А если Зейдлеръ подъ началомъ Водолея разумѣлъ мѣсто около ϵ и μ , то на такое предположенiе отвѣчаю разъясненiемъ Зейбота въ письмѣ отъ 4 марта 1899 года: «Само собою разумѣется, что подъ началами нельзя понимать дѣйствительное астрономическое начало созвѣздія, т. е. мѣсто у ϵ Aquarii, ибо Сатурнъ, вслѣдствіе незначительнаго наклоненiя плоскости своей орбиты къ эклиптикѣ, никогда его достигъ не можетъ. Такимъ образомъ, мыслимо единственно то мѣсто, гдѣ Сатурнъ дѣйстви-

тельно входитъ въ созвѣздіе, т. е. мѣсто у *ι Aquarii*. Когда же я Зейботу сообщилъ другое толкованіе фразы *καὶ γὰρ ἔτιυχε περὶ τὰς ἀρχὰς αὐτὸς διῶν ὑδροχόου*, по которому *ὑδροχόου* относится не къ болѣе отдаленному *τὰς ἀρχὰς*, а къ непосредственно предшествующему *διῶν* (слѣд. «проходя черезъ Водолея»), то получилъ въ отвѣтъ: «Особеннаго термина «начало созвѣздія» не существуетъ въ астрономіи. Но начало слѣдуетъ принимать подъ тою долгою и тѣмъ прямымъ восхожденіемъ, подъ которымъ лежатъ первыя, находящіяся впереди, звѣзды созвѣздія, здѣсь, слѣдовательно, мѣсто у *ε Aquarii*. Но такъ какъ Сатурнъ постоянно вступаетъ въ Водолея у *ι Aquarii*, то второму толкованію текста (Сатурнъ находился какъ разъ въ началѣ своего пути черезъ Водолея) слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Имѣлъ ли составитель Записки дѣйствительно въ виду различіе между обоими толкованіями и не разумѣлъ ли онъ подъ «началами» просто приблизительную (западную) границу созвѣздія? Во всякомъ случаѣ здѣсь можетъ быть принято въ соображеніе только мѣстность у *ι Aquarii*. Въ томъ же смыслѣ высказался и Кононовичъ въ письмѣ отъ 14 марта 1898 г. Одесскій астрономъ подъ «началомъ» Водолея разумѣетъ ту часть западной границы созвѣздія, которая пересѣкаетъ путь Сатурна, — причемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Кононовичъ не зналъ второго толкованія упомянутой греческой фразы.

Указаніе на ошибочныя предположенія Зейдлера даетъ полную возможность судить о достоинствѣ его заключеній въ отношеніи хронологическаго приуроченія нашихъ фрагментовъ. Его результатъ слѣдующій: «въ концѣ 961 г. восходилъ и заходилъ... Сатурнъ одновременно съ солнцемъ и потому былъ невидимъ; въ ноябрѣ 991 г. однако онъ заходилъ около полуночи». Выше я привелъ мнѣніе проф. Вислиценіуса относительно вычисленій Зейдлера. Въ осужденіи выводовъ Зейдлера Зейботъ вполнѣ сходится съ страсбургскимъ астрономомъ.

Не слѣдуетъ ли подразумѣвать подъ *ὑδροχόου* знакъ Водолея, а не его созвѣздіе? Такая мысль можетъ тому или другому прійти въ голову. Но всѣ обстоятельства говорятъ рѣшительно въ пользу непосредственнаго наблюденія, т. е. въ пользу созвѣздія Водолея, а не знака Водолея. Астрономическія указанія дѣлаются во время путешествія по пустыннымъ южнорусскимъ степямъ въ зимнее время. Что можетъ быть естественнѣе выслѣживанія погоды по состоянію атмосферы и констеляціи звѣздъ? Начальникъ каравана предугадалъ приближеніе бури и побудилъ своихъ спутниковъ отложить поѣздку.

Предсказанная мятель дѣйствительно поднялась около полуночи. Сравни краткое замѣчаніе Кононовича: «Непосредственное наблюденіе относится къ созвѣздію, а указаніе на знакъ зодіака есть уже дѣло разсчета», и подробное разъясненіе Зейбота: «Созвѣздіе Водолея и знакъ ♃ совпадали въ тѣ времена на двѣ трети. (Теперь знакъ лежитъ почти весь въ созвѣздіи Козерога). Во всякомъ случаѣ дѣло идетъ о созвѣздіи, такъ какъ знакъ ничѣмъ не отмѣченъ на небѣ и нужна огромная память (необходимо было бы запомнить долготы всѣхъ близъ лежащихъ звѣздъ) и блестящая способность къ оріентировкѣ, чтобы изобразить опредѣленную дугу на небесномъ сводѣ».

Что касается границы между созвѣздіями Водолея и Козерога, то Кононовичъ замѣчаетъ: «Граница между созвѣздіями не есть опредѣленная математическая линія—даже на новыхъ картахъ разныхъ авторовъ она различна; про разсматриваемую часть неба можно сказать, что ι Aquarii несомнѣнно въ созвѣздіи Водолея, δ и γ Capricorni несомнѣнно въ созвѣздіи Козерога, такъ что если Сатурнъ былъ на лѣво отъ δ и γ Capricorni, то про него можно сказать, что онъ вступаетъ въ созвѣздіе Водолея». Сравни разсужденіе Зейбота: «Но на какомъ разстояніи передъ этой звѣздой (ι Aquarii) или за нею слѣдуетъ считать «начало»? При медленномъ движеніи Сатурна это вопросъ первостепенной важности и можетъ стать камнемъ преткновенія, о который разобьется нахожденіе искомага времени. Чтобы даты не потеряли всей своей цѣны, необходимо предположить, что греческій путешественникъ обладалъ столь точнымъ знаніемъ неба, какое имѣется нынѣ лишь у весьма немногихъ астрономовъ. Сравнительно слабыя и мало бросающіяся въ глаза звѣзды Водолея и Козерога съ трудомъ разграничиваются и легко смѣшиваются. Но весьма возможно, что онъ (топархъ) въ качествѣ вспомогательнаго мнемотехническаго средства воспользовался фигурою, въ которую съ давнихъ поръ соединены болѣе свѣтлыя звѣзды Водолея. Чтобы убѣдиться въ томъ, лежали ли уже тогда болѣе важныя звѣзды, присчитывающіяся теперь къ созвѣздію, въ особенности звѣзда ι , въ предѣлахъ фигуры, я обратился за совѣтомъ къ звѣздному каталогу изъ середины X столѣтія, составленному персидскимъ астрономомъ Abd-al-Rahmen al Sûfi (изд. Schjellerup, С.-Петербургъ 1874), и прилагаю копіи съ двухъ тамъ помѣщенныхъ чертежей¹⁾. Въ одномъ изъ нихъ, находящемся въ Петербургской рукописи каталога,

1) Чертежи и карты см. въ моемъ нѣмецкомъ изданіи.

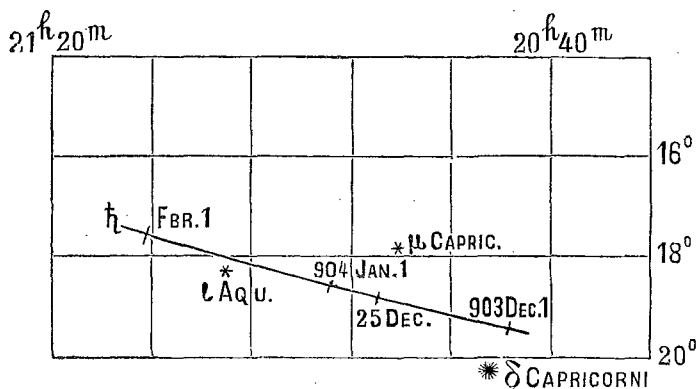
я замѣнилъ арабскія обозначенія звѣздъ употребляемыми въ настоящее время названіями. Другой чертежъ снимокъ съ Копенгагенской рукописи отъ 1601 г., представляющей копію съ манускрипта отъ 1013 года. Дѣйствительно, на обоихъ рисункахъ *Аквагії* приходится внутри фигуры и потому никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи быть не можетъ. Теперешнее разграниченіе созвѣздій неправильными линиями, возникшее лишь по открытіи телескопическихъ звѣздъ и различное у различныхъ картографовъ, лишено всякаго значенія, и мы поступили бы неправильно, если бы эту границу занесли въ карты и изъ нея пересѣченія съ путемъ Сатурна пожелали вывести точную дату».

Пояснительныя замѣчанія Зейбота къ его вычисленіямъ и картамъ.

Первыя три прохожденія Сатурна черезъ созвѣздіе Водолея относятся къ среднему положенію экватора въ началѣ 900 года, остальные къ 1000 г. Всѣ прохожденія Сатурна весьма похожи другъ на друга. Сатурнъ всегда входитъ въ созвѣздіе Водолея немного сѣвернѣе *Аквагії*, въ маѣ или іюнѣ всегда останавливается, принимая затѣмъ обратное направленіе, а въ октябрѣ начинаетъ двигаться въ противоположную сторону. Для самыхъ важныхъ датъ (1 дек., 1 янв. и 1 февр.) вычисленія сдѣланы нѣсколько точнѣе, чѣмъ для другихъ датъ, но и точность послѣднихъ бѣльшая, нежели требуется для графическаго изображенія. Восходы и заходы Сатурна и солнца вычислены для широты Екатеринослава ($\varphi = 48^{\circ} 28'$; $\lambda = 2^{\text{h}} 20^{\text{m}}.6$ къ востоку отъ Гринича $= 2^{\text{h}} 11^{\text{m}}.2$ къ востоку отъ Парижа). Для мѣстъ, лежащихъ немного сѣвернѣе или южнѣе, время измѣняется лишь въ самой незначительной степени. Зимніе знаки (Козерогъ, Водолей и Рыбы) обнимаютъ 270—360 градусовъ эклиптики и простираются такимъ образомъ отъ зимняго солнцестоянія до весенняго равноденствія. Зимнее солнцестояніе (долгота солнца $= 270^{\circ}$) наступило 17 декабря въ 900 г. и 16 дек. въ 1000 с. (всѣ даты по старому стилю).

«*h* 873—875. Только въ эту карту занесена эклиптика, чтобы показать ея положеніе. 1 дек. 874 г. *h* находился у самой *Аквагії* и заходилъ въ $8^{\text{h}} 37^{\text{m}}$, $4\frac{1}{2}$ часа послѣ заката \odot ». Слѣдовательно, въ началѣ зимы 17 дек. 874 г. Сатурнъ былъ уже на значительномъ разстояніи отъ *Аквагії* внутри созвѣздія, такъ что это прохожденіе Сатурна непримѣнимо. Не стоитъ, впрочемъ, труда останавливаться на этомъ прохожденіи, падающемъ на время до вокняженія Олега въ Кіевѣ.

«903—904. Для этого прохожденія я довольствовался тремя внесенными, точно вычисленными пунктами, такъ какъ дальнѣйшее направленіе пути Сатурна явствуетъ изъ безукоризненной карты Кононовича». Въ виду ссылки Зейбота на рисунокъ Кононовича, я счелъ необходимымъ приложить его къ картамъ Зейбота. «Затрудняюсь сказать, слѣдуетъ ли это прохожденіе принимать во вниманіе». Мнѣ это также кажется весьма сомнительнымъ, ибо Сатурнъ только къ серединѣ января 904 г. вступаетъ въ созвѣздіе. Днѣпръ же замерзаетъ въ среднемъ въ концѣ декабря мѣсяца. Въ 904 г. солнце заходитъ 15 янв. въ 4^h 38^m (для Екатеринослава), а Сатурнъ—въ 5^h 43^m, всего только часомъ слишкомъ позднѣе; такъ что спрашивается, смогъ ли его топархъ вечеромъ увидѣть на небѣ. Даже если Сатурнъ былъ видимъ, то не было видать ни Водолея, ни Козерога. Это прохожденіе Сатурна мнѣ не давало покою и потому я обратился за болѣе подробнымъ объясненіемъ къ Зейботу и Вислицениусу. По внимательномъ разсмотрѣннн этого случая Зейботъ мнѣ письмомъ отъ 5 ноября 1902 г. сообщилъ, что ему «кажется довольно невѣроятнымъ, чтобы наблюденіе относилось къ этому прохожденію», но при этомъ проситъ его не считать въ данномъ случаѣ за авторитетъ; а Вислицениусъ въ письмѣ отъ 27 ноября 1902 г. по тщательномъ разборѣ вопроса приходитъ къ такому заключенію: «Итакъ считаю весьма невѣроятнымъ, чтобы онъ (топархъ) при вычисленныхъ Зейботомъ условіяхъ былъ въ состоянн замѣтить вхожденіе Сатурна въ Водолея въ началѣ 904 г.». Прилагаю при семъ карту, попутно мнѣ присланную Зейботомъ. Съ чисто исторической точки зрѣнн крайне невѣроятно, чтобы отрывки готскаго топарха относились ко времени до 906 г. Палеографическое опредѣленіе Газе указываетъ тоже на болѣе позднюю эпоху. Итакъ, мы смѣло можемъ оставить въ сторонѣ прохожденіе Сатурна въ началѣ X вѣка.

« \hbar 931—934... 1 дек. 933 г. \hbar находился уже за ι Aquarii внутри созвѣздія». Если самъ Зейботъ, считавшій возможнымъ, чтобы искомое число приходилось на время до 17 (или 16) декабря, отвергаетъ это прохожденіе Сатурна, оно безъ сомнѣнія непригодно въ виду того, что зимніе знаки слѣдуетъ понимать въ строго астрономическомъ смыслѣ; 17 же дек. Сатурнъ былъ уже въ значительномъ отдаленіи отъ ι Aquarii. Слѣдовательно, Записка никоимъ образомъ не можетъ быть связана съ княженіемъ Игоря (912—945).

« \hbar 961—963. Въ 963 г. 1 января \hbar находился возлѣ границы созвѣздія, но заходилъ уже въ $6^h 37^m$, на $2\frac{1}{4}^h$ позднѣе солнца». Такъ какъ по Зейботу человекъ съ острымъ зрѣніемъ видитъ Сатурна часъ спустя послѣ заката солнца, то планета около 1 янв. видима была на небѣ еще до своего захода. Позволяю себѣ при этомъ напомнить, что пространство времени отъ приблизительно 940 до 989 или 950—969 оказалось съ чисто исторической точки зрѣнія той эпохою, въ которую вѣроятнѣе всего разыгрывались описанныя во фрагментахъ происшествія. (Въ виду того, что Сатурнъ совершаетъ свой оборотъ вокругъ солнца въ 29 лѣтъ 166 дней, при рѣшеніи занимающаго насъ вопроса не идетъ въ счетъ время отъ 933/934 до 962/963 гг. и время отъ 962/963 до 992/993 гг.). Кромѣ того я тутъ же подчеркиваю, что такіе глубокіе знатоки древнерусской исторіи, каковы Куникъ, Гедеоновъ и Васильевскій, приводятъ наши отрывки въ связь съ княженіемъ Святослава, несмотря на то, что названные ученые часто далеко расходятся въ самыхъ важныхъ вопросахъ изъ русской старины и въ настоящемъ случаѣ исходили изъ различныхъ точекъ зрѣнія.

« \hbar 990—993. «Это прохожденіе врядъ ли можетъ быть принято въ соображеніе, оттого что въ началѣ 992 и 993 г. \hbar довольно далеко отстоялъ отъ границъ Водолея». Что это прохожденіе не подходитъ, учить бѣглый взглядъ на соответственную астрономическую карту Зейбота. И на этомъ мѣстѣ, я желалъ бы напомнить, что Записка топарха не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшихъ намековъ на событія 989 г.

« \hbar 1020—1022. Во второй половинѣ декабря 1021 г. \hbar вступалъ въ созвѣздіе и заходилъ около $7\frac{1}{4}^h$, часа три спустя послѣ солнца». Уже выше я указывалъ на то, что въ 1016 году греки (и русскіе?) овладѣли южнокрымскимъ побережьемъ и что по этой

причинѣ наши отрывки не могутъ относиться ко времени послѣ 1016 года.

Результатъ, къ которому мы пришли, весьма замѣчательный. На всемъ протяженіи времени отъ середины января 904 года (или, лучше, отъ второй половины декабря 874 г., такъ какъ прохождение Сатурна 903—904 г. по всей вѣроятности непримѣнимо) до середины декабря 1021 г. Сатурнъ имѣлъ указанное въ 1 фрагментѣ положеніе среди звѣздъ только одинъ разъ, а именно около начала января 963 г.

Къ крайнему моему прискорбію *Θ. И. Успенскій* (Отчетъ) не въ состояніи былъ разобраться въ астрономическомъ отдѣлѣ моего труда, превратно понялъ его и, выхватывая отдѣльныя выраженія, вводитъ читателей въ заблужденіе. Иначе онъ не смогъ бы сказать, что самая сильная карта въ его (*Вестберга*) рукахъ или тотъ астрономическій козырь, который долженъ былъ запретить всѣ ходы противникамъ, на самомъ дѣлѣ не оправдалъ ожиданій». Многоуважаемому рецензенту надлежало обратиться за содѣйствіемъ къ астроному. Позволяю себѣ еще разъ указать на тѣ результаты, къ которымъ насъ приводятъ астрономическія вычисленія *Зейбота*. На пространствѣ времени отъ середины IX вѣка до конца 1021 года, указанное въ Запискѣ топарха астрономическое наблюденіе, сдѣланное вскорѣ послѣ замерзанія Днѣпра у Днѣпровскихъ пороговъ, подходитъ только къ двумъ датамъ: безспорно—къ рубежу 962/963 г. и съ весьма малою долею вѣроятности—ко времени около начала 904 г.

Для полноты и изъ простаго любопытства я попросилъ астронома *Зейбота* вычислить еще слѣдующія прохода Сатурна до начала XII столѣтія включительно и изобразить ихъ графически, что онъ и исполнилъ съ полною готовностью.

» *h* 1050—52 } Изъ этихъ прохожденій только среднее (1080 —
h 1080—82 } 1082) слѣдуетъ принять во вниманіе, при коемъ *h*
h 1109—11 } въ серединѣ декабря 1080 г. находится вблизи
h Aquarii.—Въ началѣ 1080 г. онъ былъ приблизительно на обозначенномъ × мѣстѣ». Въ 1080 г. свирѣпствовали на югѣ Россіи недавно явившіеся здѣсь половцы, которыхъ никоимъ образомъ нельзя отождествлять съ «варварами» фрагментовъ. Къ тому южное поморье Крима (во всякомъ случаѣ полоса отъ Херсона до Судака) принадлежала въ ту эпоху грекамъ.

(Hase) Fragmentum I.

I. . . .difficulter applicabant [lintres], tametsi unaquaeque earum non ultra ternos homines caperet: adeo erant mirabiliter exiles. Quamquam ne sic quidem locum invenire poterant in fluctu, multis earum duobus maximis glaciei frustis collis atque contritis: quod quoties accidebat, exilientes e lintre qui inerant, in glacie considebant, ac velut super oneraria navi vehebantur. Aliae lintres vel hauriebantur fluctibus: tam infestum tunc se declarabat Danapris. Nos vero ibi aegre diuque expectavimus, velut succensentes flumini, quod non esset glaciatum. Nec multis diebus post erat aqua tum undique gelu constricta, tum mirifice firma: ut pedites equitesque intrepide per fluxum commearent, certaminaque tanquam in campis strenue ederent. Ita quasi praestigiatores aliquem se Danapris praedebat, prius violenter ac saeve elatus, et prope dicam aspicientibus universis terrorem iniiciens: mirumque eundem brevi tempore submissum fractumque adeo videri, ut illuderent et conculcarent omnes quasi subterraneum factum, et in latibulum aliquod a se ipso absconditum. Neque enim tantum aquas manantes referebant fluenta, quantum montes asperos et petrosos ostendebant. Et subter fluens liquor quam in re aquae vel par vel similis poterat videri?

II. Ita moestitia nostra in hilaritatem conversa est: complosis manibus proxime accessimus, per aequor equitantes. Transgressi nullo negotio cum in vicum Borion venissemus, ad corpus reficiendum iumenta-que curanda nos convertimus, quae ipsa ex maiori parte aut erant invalida, aut defecerant. Confectis ibi diebus aliquot necessariis ad vires reparandas, accingebamus nos Maurocastrum profecturi. Sed iam paratis rebus omnibus, cum nihil aliud obstaret, ipsa media nocte (quamquam maturius profectum oportebat), flante tunc aquilone gravissimo, hieme omnium saevissima se praecipitante, ut facile crederes, impervia esse itinera, nec obdurare sub dio ullum, propeque fieri non posse, ut qui tecto non servaretur interitum effugeret, tunc, inquam, formidine commoti subsistere ibidem nosque continere statuimus. Cuius consilii auctor apud sodales ego exstiti: non esse ullo modo domibus exeundum, nedum abnoctandum inde: quod princeps sidus (Saturnum vocamus) iam ad vesperum in conspectum se dabat, inque similitudinem naturae eius immutabatur aër. Transibat enim tunc Saturnus circa

initia aquarii, sole brumalia signa permeante. Quare tempestas, ubi semel occooperat, ad maiorem semper saevitiam progressa est, ut quae prius terrifica nobis visa fuerant, cum subsequenter collata ludus prorsus viderentur: tam luculenter se hiems quoquoversum diffuderat. Ibi diebus compluribus confectis, vix tandemque cogitatio aliqua domum redeundi subiit animum, aëre quoque sereniore se repraesentante.

III. Itaque egressi sumus, ab incolis splendide stipati: omnes me manibus complosis approbant, me tanquam necessarium unusquisque uum respicit, mihi maxima precatur. Hoc die stadia LXX, neque illa integra, emensi sumus, idque praegressis ante nos aliis, qui maximam vim nivis iam dimoverant. Postridie eius diei statim a principio difficillime progrediebamur, tanquam in pelago contra nivem luctantes. Nulla terra hic videbatur esse, neque nix usitata: equi ad collum usque non apparebant: iumenta, quamvis extremo agmine subsequenter, interibant, multaque ibi relinquebantur. Etenim dicebatur nix cubitorum IV. altitudine, eratque difficillima transitu. Ita multi ex comitibus domum se contulerunt, quod calamitatem vim humanam superare arbitrabantur. Atque erat profecto insueta aerumna, miseriis undique fere ingruentibus: infra tam alta et spissa nix, superne flantes venti inclementissimi. Neque ulla sperari poterat malorum intercapedo, nec unde quis meliorem statum assequeretur (omnia inutilia et infructuosa esse his in malis apparebat), nulla erat facultas ignes accendendi, nec requiescere vel minimum spatium permittebat nobis nix.

IV. Accedebant noctu scuta pro cubilibus: haec pro omnibus habebamus, et pro stragulis et pro opertoriis splendidissimis. In illis enim corpus ad ignem, nec illum splendidum, refocillabamus. Somnum visa per quietem occurrentia, quasi timentem illa quoque, universum fugaverant. Neque quisquam magis quam alius ad aerumnas obduruerat: omnes erant ut in communi calamitate aequae et animo et corpore afflicti. Alius beatos praedicabat mortuos, ut iam sensu doloribusque liberatos: lamentabatur alius posteros, quibus miseriis oppressi illi quoque vita essent defuncturi. Item labori succubuerant exploratores nostri, vi mali victi, nec per nivem incerto gradu errantes progredi poterant. Omnium autem acerbissimum erat, quod per regionem hosticam iter faciebamus, neque inde erant res nostrae periculo vacuae, sed pariter hiemis hostiumque violentia timebatur.

Fragmentum II.

I. Omnino enim tunc barbaris bellum inferre decrevimus: aut, si vera fateri oportet, recessimus ab illis metu, ne ipsi priores ab iis opprimeremur, statuimusque iis quantum possemus repugnare. Aequae enim universos diripiebant inhumanissime et pessundabant, ut quaedam belluae in omnes impetum facientes. Nulla his inerat vel erga coniunctissimos continentia, nec ratione ulla aut iusti discrimine in patranda caede volebant uti: sed Mysorum praedam, quod aiunt, ipsorum regionem reddere malo ac pernicioso consilio meditabantur. Evanuerat superior eorum aequitas et iustitia: quas praecipue colentes tropaea antehac maxima statuerant, adeo ut civitates et gentes ultro accederent illis. Gliscebant nunc, quae velut e perpendiculari (quemadmodum aiunt) a virtutibus illis distant, iniustitia et intemperantia adversus subditos: neque ornare et ex re ipsarum administrare civitates dedititias, sed redigere in servitutem et excindere constituerant. Conquerentes de dominis incolae, seque nihil mali commisisse liquido demonstrantes, nihil amplius proficiebant, quam ut morte non afficerentur. Vis nimirum tanta malorum ingruerat, ut res humanae quasi ruina aut voragine aliqua inopinata ac fatali percussae obrutaeque horrendum in modum viderentur. Erant exinanita hominibus oppida plus X, pagi plane deserti non minus quingentis: vicinitates denique et confinia nostra velut tempestate obruebantur: incolae innocentes, pactis iuratis traditi, manibus obtruncabantur gladiisque hostilibus.

II. Eiusmodi pestem, generatim omnes misere conculcantem, cum aliquamdiu per infelices conterminos nostros obambulasset, postremo ad praesidium meum quoque fortuna infesta adduxit. Quam quia iam antehac eram veritus, in magna cura versabar, ne accideret improvise, nec latente impetu continuo res nostras everteret. Deinde, ubi perspicuum aderat periculum, omnesque palam fatebantur, in discrimen nos vitae venisse, ego tunc quidem perniciem quam aptissime poteram repuli, quamvis in extremum paene periculum adductus. Verum inde abruptis commerciis bellum inter nos et barbaros ortum est, in quo neque communicabant amplius nobiscum (tametsi sexcenties de compositione ad illos mittebam), nec sine praeliis mutuis res gesta est. Ita bellum continuo exarsit, impendebatque hiems: non multum enim a ...sol aberat. Sed barbari, comparato amplo exercitu, cum equibus militibusque in regionem nostram irruerunt, nos momento expugnatum

iri rati, cum ob murorum infirmitatem, tum ob trepidationem nostram. Neque erat obsonum eos hoc sperare, quod in diruto oppido commorabamur, magisque ex vico, ut ita dicam, quam ex urbe eruptiones faciebamus. Vastata enim prius fuerat ab ipsis barbaris regio, et solitudo mera facta, muris solo aequatis: ego autem tunc demum habitare denuo Clemata primus constitueram. Quare in principio iuxta oppidum pro facultatibus feceram castellum, quod inde facile reliquam quoque civitatem instaurari posse.

Fragmentum III.

I. Idque propere et instauratum fuerat, et fossa circummunitum: unaque cum his bellum quoque incepit. Divisum erat per cognationes castellum, resque pretiosiores in eo depositae: minus necessariae extra per reliquum oppidi ambitum erant collocatae. Habitabatur enim tunc urbs iam tota: castellum autem praeparatum fuerat, ut in magno periculo nobis saluti esset. At barbari tunc, multis suorum amissis, cum ignominia noctu recesserunt, servato diluculo: primo mane ego praelii cupidus copias contra eduxi. Erant mihi tunc equites paulo plures quam centum, funditores et sagittarii supra CC. Barbari cum nusquam apparerent, quae apta huic tempori essent a me adornata sunt, murus vetus erectus, edocti mei, quomodo recte se instruerent ad bellum. Eos autem qui ditionis nostrae erant, nunciis cursim missis arcessivi, de rerum summa in consilium ire volens.

II. Undique cum advenissent, concione optimatum coacta, quos tunc ego sermones habuerim, qui domini potius essent expetendi, ad quos venire quamque commoditatem conari oporteret ab illis percipere, quid denique faciendum esset, et caetera universa tunc a me dicta, quae ipse quoque reliquis omnibus praestabilia duxissem, longum est singula ordine dicere velle. Illi, seu quod nunquam benevolentiae Imperatoriae fructum ullum cepissent, seu quod, Graecanicam vitae rationem parum curantes, instituta ad arbitrium ipsorum facta maxime requirerent, sive quod regi ad septentrionem Istri dominantem conterminantes, praeterquam quod ille exercitu magno valeret vique bellica efferret esse, ab illius vitae ratione propriis moribus non differrent: idcirco statuerunt pacisci cum illis seque dedere, me autem negotium perficere publicitus omnes decreverunt. Ita profectus sum ad servandas fortunas nostras, eumque talem deprehendi, qualem desiderare

quis maxime posset. Atque ita, ubi colloquio brevi, ut poteram, totum negotium transegeram cum eo, ille rem maiorem, plus quam ullam, reputans, mihi Clematum imperium iterum volens lubensque omne tradidit, addiditque etiam praefecturam totam, et ex ipsius regione reditus annuos idoneos largitus est.

(Васильевскій) Отрывокъ 1.

1. Они съ трудомъ приставали, хотя каждое изъ нихъ не вмѣщало на себѣ болѣе трехъ человѣкъ; такъ они были мизерны. Но даже и такія (небольшія суда) все-таки не находили себѣ свободнаго пространства на поверхности теченія; ибо многія изъ нихъ попадали между двумя величайшими льдинами и начинали тонуть. Всякій разъ, какъ это случалось, люди, находившіеся на суднѣ, выскакивали изъ него, садились на льдину, и ѣхали на ней какъ на плоту. А нѣкоторыя изъ нихъ (судовъ) разбились и были поглощены водою, такъ какъ Днѣпръ былъ въ сильномъ волненіи. Мы, съ своей стороны, оставались тутъ въ досадѣ и слишкомъ долгомъ ожиданіи и какъ будто сердились на него за то, что онъ не замерзъ. Однако, спустя немного дней, вода вездѣ стала и превратилась въ такую твердую поверхность, что и пѣшкомъ, и на коняхъ можно было безъ страха идти по рѣкѣ и состязаться здѣсь бодро въ бояхъ, какъ будто на равнинѣ. Такимъ образомъ Днѣпръ показалъ намъ себя какъ будто какимъ чудесникомъ; прежде онъ воздымался гнѣвный и бурный, чуть-ли не наводя страхъ даже на всякаго, кто только глядѣлъ на него,—а затѣмъ, спустя короткое время, присмирѣлъ и до такой степени притихъ, что всякій могъ забавляться надъ нимъ и попирать его ногами; а онъ представлялся какъ будто запрятавшимся подъ землею, засѣвшимъ гдѣ-то въ темномъ углу. Ужъ не въ видѣ просто текущихъ водъ являлась намъ его поверхность, но въ видѣ какихъ-то суровыхъ и окаменѣлыхъ горъ; а то, что двигалось внизу подъ ними, развѣ представляло какое сходство или подобіе съ водою?

2. Теперь наше уныніе превратилось въ радость; выразивъ ее достаточными рукоплесканіями, мы подошли ближе и конные вступили на рѣку. Совершивъ переправу безпрепятственно и прибывъ въ селеніе Боріонъ, мы занялись ѣдой и уходомъ за лошадьми, такъ какъ и онѣ терпѣли до сихъ поръ недостатокъ и были утомлены въ высшей степени. Проводя здѣсь такую часть дня, сколько требовалось

для возстановленія своихъ силъ, мы стали собираться въ путь, чтобъ идти по направленію къ Маврокастроу. Когда у насъ все было готово и не представлялось никакого препятствія, то около самой полуночи, (тогда какъ намъ слѣдовало пуститься въ дорогу ранѣе того), подулъ самый тяжкій сѣверный вѣтеръ, и разразилась такая жесточайшая вьюга, что нельзя было думать, чтобы какіе-либо пути остались доступными, чтобы кто-либо былъ въ состояніи вынести пребываніе на открытомъ воздухѣ, и чтобы возможно было оставившему спасительный кровь сохранить свою жизнь; напуганные этимъ, мы рѣшили остановиться и не трогаться съ мѣста. Я (первый) сказалъ это своимъ сотрапезникамъ, что намъ нельзя (будетъ) выдти изъ дому и перебраться на ночлегъ въ другое мѣсто [и что мнѣ по звѣздамъ показалось], тогда какъ первая изъ звѣздъ была уже въ вечернемъ фазисѣ, и [сообразно съ ея природою] сообразно съ нею измѣнилось состояніе воздуха [по природѣ являясь холодною и снѣжною], — называемая Сатурномъ. Ибо она именно тогда проходила около начала Водолея, между тѣмъ какъ солнце пробѣгало зимніе знаки. Итакъ, вьюга начавшись становилась все свирѣпѣе, и то, что прежде намъ казалось страшнымъ, теперь намъ представлялось шуткою въ сравненіи съ тѣмъ, что за симъ послѣдовало; такъ бурно распространилась во всѣ стороны вьюга. Прошло достаточное количество дней, прежде чѣмъ могла наконецъ прійти на умъ какая-нибудь мысль о возвращеніи во свояси, и прежде чѣмъ воздухъ оказался нѣсколько болѣе благоприятнымъ.

3. И вотъ мы вышли, торжественно провожаемые туземцами, при чемъ они рукоплескали мнѣ одобрительно и смотрѣли на меня каждый какъ на близкаго себѣ и напутствовали наилучшими пожеланіями. И тогда (въ этотъ первый день) мы едва оставили позади себя семьдесятъ неполныхъ стадій (около 12 верстъ) не смотря на то, что другіе прошли впереди насъ и расчистили гдѣ было много снѣга. На слѣдующій день мы съ самаго начала могли двигаться только съ величайшимъ трудомъ, какъ будто среди моря борясь противъ снѣга. Казалось, что это совсѣмъ не была земля, ни даже обыкновенный снѣгъ; лошади исчезали по самую шею, а вьючныя животныя, хотя они и слѣдовали за нами позади, совсѣмъ падали (околѣвали), такъ что ихъ много осталось тамъ на дорогѣ. Говорили, что снѣгъ лежалъ на четыре локтя и представлялъ большія трудности для проложенія пути. Многіе изъ проводниковъ воротились домой, сочтя обстоятель-

ства превышающими человѣческія силы. Дѣйствительно тягость нашего положенія не была какою-либо изъ обычныхъ, такъ какъ затрудненія наступали на насъ со всѣхъ сторонъ; снизу глубокой и густой снѣгъ, а сверху дули рѣзкіе вѣтры. И ни откуда не ожидалось какой-либо переменны къ лучшему, ибо все въ этомъ бѣдственномъ положеніи оказывалось бесполезнымъ и непригоднымъ; нельзя было развести огня, и снѣгъ не давалъ намъ возможности отдохнуть хотя на короткое время.

4. Постелями служили намъ ночью щиты; они блистательнѣйшимъ образомъ шли у насъ и вмѣсто кровати, и вмѣсто всякихъ покрововъ. На нихъ мы отдыхали, грѣясь тѣломъ при огнѣ, хотя и не очень яркомъ. Сонъ и бывающія въ сновидѣніяхъ мечтанія были далеки отъ насъ, какъ будто и они были испуганы. Ни о комъ нельзя было сказать, чтобъ онъ выдерживалъ лучше другого [напротивъ, тѣ, которые вчера казались крѣпче и ободряли другихъ, сегодня были вялыми и унылыми]; при общемъ для всѣхъ бѣдствіи, тѣлесное и душевное настроеніе у всѣхъ было одинаково. Иной говорилъ о завидной долѣ умершихъ, которые уже освободились и отъ заботы, и отъ трудовъ; другой сожалѣлъ о будущемъ поколѣніи, съ какими-то еще бѣдствіями и ему придется проходить свою жизнь. Наши развѣдчики также утомились, побѣжденные множествомъ золь, и не имѣли силы идти впередъ, наобумъ и даромъ блуждая по снѣгу. Но самое большое бѣдствіе заключалось въ томъ, что мы шли по непріятельской землѣ, и уже вслѣдствіе этого наше положеніе не было безопасно; напротивъ зло грозило намъ одинаково какъ отъ зимы, такъ и отъ враговъ.

Отрывокъ 2.

1. [Именно и ради этого и сѣверные берега Дуная]. Только тогда мы рѣшились начать войну съ варварами, или если уже слѣдуетъ сказать сущую правду, мы отступили (передъ ними) изъ опасенія, чтобъ они, предупредивъ, не истребили насъ (не покончили съ нами), и мы разсудили (за лучшее) противостоятъ имъ здѣсь сколько возможно, между тѣмъ какъ они самымъ безчеловѣчнымъ образомъ разоряли и губили всѣхъ, подобно нѣкоторымъ дикимъ звѣрямъ, вездѣ проявляющимъ свою ярость. Имъ не была доступна какая-либо пощада даже въ отношеніи къ самымъ близкимъ, и они не считали нужнымъ совершать убійство съ какимъ-либо разборомъ или вниманіемъ къ спра-

ведливости; напротивъ, злымъ и бесполезнымъ образомъ задумали они сдѣлать изъ [нашей] ихъ земли—какъ говорится—добычу Мисянь. Рушилась прежняя ихъ справедливость и законность, — тогда какъ сперва они оказывали къ нимъ наибольшее уваженіе, и вслѣдствіе того, сами они достигли величайшихъ трофеевъ, а города и народы добровольно приступали къ нимъ (присоединялись къ нимъ). А теперь, какъ будто наоборотъ, имъ сопутствовала несправедливость и безправіе въ отношеніи къ подданнымъ. Въмѣсто того, чтобы заботиться о благѣ подвластныхъ городовъ и къ собственной выгодѣ управлять ими въ добромъ порядкѣ, они положили поработить и разорить ихъ. Жалуясь на своихъ властителей и ясно доказывая, что они ни въ чемъ неповинны, эти люди (то есть, подданные) добивались только того, чтобы они были оставляемы въ живыхъ. Похоже было на то, какъ будто разразился какой-то сильный злой порывъ, такъ что для человѣчества казалось наступилъ потопъ, и грозило самое страшное разрушеніе какъ бы вслѣдствіе землетрясенія или какой неожиданной и роковой (открывшейся) бездны. Болѣе десяти городовъ лишились своего населенія, не менѣе пяти сотъ селеній превратились въ пустыню: словомъ, вся сосѣдственная и близкая къ нимъ область какъ будто послѣ бури лежала въ развалинахъ; люди, ни въ чемъ не повинные, подъ предлогомъ (нарушенной) клятвы, сдѣлались добычею насилія и меча.

2. Жестокая судьба привела наконецъ и къ моей области ту заразу, которая злымъ образомъ губила всѣхъ и уже обошла (кругомъ) моихъ несчастныхъ сосѣдей. Я заранѣе ожидалъ этого прежде, и уже принималъ всякія мѣры предосторожности, чтобы она не захватила насъ врасплохъ, или чтобы внезапнымъ тайнымъ появленіемъ не нанесла намъ гибели. Когда жъ опасность на язву пришла къ намъ, и когда всѣ ясно сознали, что дѣло идетъ теперь о нашей жизни, то я тогдашнюю язву отвратилъ наиболѣе мудрымъ способомъ, какъ только умѣлъ, хотя при этомъ я самъ едва не подвергся послѣдней опасности (едва не рисковалъ своею жизнью). А что касается времени, затѣмъ послѣдовавшаго, то у насъ съ варварами безъ всякаго (предварительнаго) объявленія началась война, при чемъ они уже не вступали съ нами въ сношенія, хотя я тысячу разъ посылалъ къ нимъ предложенія о перемиріи, и уже между нами дѣло не обходилось безъ оружія. И вотъ война тотчасъ началась, и наступленіе зимы было близко, ибо солнце находилось недалеко отъ зимняго поворота. Между тѣмъ вар-

вары, собравшись большими силами, вторглись въ нашу землю съ коннымъ и пѣшимъ войскомъ, думая захватить насъ при первомъ нападеніи и рассчитывая на слабость нашей страны (чит. стѣны) и на нашу оробѣлость. Ихъ предположенія были довольно основательны, такъ какъ мы имѣли мѣстопробываніе въ городѣ совершенно разрушенномъ и дѣлали вылазки скорѣе изъ (открытаго) селенія, чѣмъ изъ настоящаго города. [Но потерявъ многихъ изъ своихъ и подвергшись посрамленію, къ вечеру они ушли, побоявшись (поопасшись) утра. Ибо противъ пѣхоты и я самъ противопоставилъ стрѣлковъ изъ лука, а противъ конницы—конницу, раздѣливъ войско на двѣ части]. Потому эта земля ранѣе того была разорена самими варварами и превращена въ совершенную пустыню, при чемъ они разрушали до основанія и стѣны; и только тогда я первый пришелъ къ мысли снова поселиться въ Климатахъ. Итакъ, изъ находящихся на лицо матеріаловъ я выстроилъ подлѣ него сперва одну крѣпость, имѣя въ виду, что отсюда легко будетъ населить (занять) и весь остальной городъ.

Отрывокъ 3.

1. И она (крѣпость) была выстроена съ большою поспѣшностью и ограждена рвомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ... началась война. Крѣпость была раздѣлена между отдѣльными семьями, и въ ней было положено на сохраненіе все наиболѣе цѣнное; а то, что затѣмъ оставалось, было помѣщено внѣ ея, въ другой оградѣ города. Ибо ужь и весь городъ сталъ населяться; а крѣпость приготовлена была для того, чтобы спасать насъ въ большой опасности [сохранялась]. Но варвары, потерявъ тогда многихъ и подвергшись посрамленію, къ ночи ушли, поопасшись утра; а я вмѣстѣ съ зарею вывелъ войско съ намѣреніемъ вступить въ бой. У меня было тогда немногимъ болѣе ста всадниковъ, а пращниковъ и лучниковъ не болѣе трехъ сотъ. Не видя нигдѣ варваровъ, я занялся тѣмъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было полезно, воздвигая старую стѣну и научая своихъ лучше приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я разослалъ гонцовъ къ тѣмъ, которые держались насъ, приглашая ихъ къ себѣ (и при этомъ) имѣя въ виду принять окончательное рѣшеніе. [Но боясь, чтобъ опять съ большею силою не при... И съ бѣльшимъ войскомъ не пришли, когда же составилось вѣче, о томъ, что я тогда сказалъ...]. Когда они пришли со всѣхъ сторонъ, и составилось вѣче

изъ лучшихъ людей, то я держалъ рѣчь, въ которой объяснялъ, какихъ господъ (властителей) болѣе нужно желать, и, какихъ получивъ, какую пользу нужно стараться извлекать изъ нихъ и вообще что теперь слѣдуетъ дѣлать: о чемъ я говорилъ тогда и все то, что я сказалъ, было бы слишкомъ длинно излагать здѣсь по порядку, если бы даже я и цѣнилъ это (свою рѣчь) болѣе всего.

2. Но или потому, что они никогда будто бы не воспользовались благорасположеніемъ императорскимъ и не заботятся болѣе о еллинскихъ обычаяхъ, а прежде всего стремятся къ независимости, или потому что они сосѣдять съ тѣмъ, кто царствуетъ на сѣверѣ Дуная, и вмѣстѣ съ тѣмъ, могучъ большимъ войскомъ и надмевается силою въ бояхъ, и (потому, наконецъ, что) не отличаются по обычаямъ отъ тамошнихъ (жителей) въ своемъ собственномъ быту (такъ или иначе, но) они рѣшили заключить съ нимъ миръ и передаться ему, и сообща всѣ подали голосъ, что и я долженъ сдѣлать то же самое. И такъ, дабы наши владѣнія остались сохранными, я отправился къ нему и былъ принятъ имъ наилучшимъ образомъ, какъ только всякій могъ для себя пожелать. По возможности въ краткой бесѣдѣ я порѣшилъ съ нимъ обо всемъ; и онъ счелъ это дѣло болѣе всего важнымъ, охотно далъ мнѣ опять всю власть надъ Климатами и присоединилъ къ этому цѣлую сатрапію, а сверхъ того, подарилъ мнѣ въ своей землѣ достаточные ежегодные доходы.

Отрывокъ 1.

1 Глава.

§ 1... Съ трудомъ доѣзжали они (челны), хотя каждый изъ нихъ не вмѣщалъ болѣе трехъ человекъ; такъ совсѣмъ прежалки они были. Но даже эти (челноки) все-таки не имѣли мѣста въ потокѣ; ибо двумя громаднѣйшими льдинами многіе изъ нихъ спирались и сдавливались; и всякій разъ, какъ это случалось, выскакивая изъ челна, бывшіе въ немъ высаживались на льдину и плыли какъ на баркѣ. Нѣкоторые же изъ нихъ (челноковъ) онъ увлекъ и поглотилъ: такъ свирѣпствовалъ Днѣпръ.

§ 2. Мы же ждали здѣсь весьма угрюмо и очень долго (въ весьма тягостномъ положеніи и съ величайшимъ нетерпѣніемъ) и были какъ бы сердиты на него, что онъ не замерзалъ. И немного дней спустя

вода вездѣ замерзла и была чрезвычайно тверда, такъ что можно было и пѣшкомъ, и на коняхъ, безбоязненно ходить по потоку и мужественно биться въ бояхъ, какъ на равнинахъ.

§ 3. И словно какимъ-то волшебникомъ выказалъ себя Днѣпръ, воздымавшійся прежде мощно и грозно и чуть-ли не пугавшій всѣхъ глядѣвшихъ на него; немного же спустя онъ унялся и до того присмирѣлъ, что всякій могъ плясать и попирать ногами, а онъ являлся словно какимъ-то подземнымъ, засѣвшимъ въ какомъ-то потаенномъ мѣстѣ.

§ 4. Ибо не столько на текущія воды походили потоки, но какія-то суровыя [темныя] и каменистыя горы представились. Да и что имѣло двигавшееся внизу подобнаго или схожаго съ водою?

2 ГЛАВА.

§ 1. Вслѣдствіе того наше уныніе превратилось въ радость; и, нарукоплескавшись вдоволь, мы двинулись впередъ, верхомъ, по водной глади. Безпрепятственно переправившись и прибывши въ селеніе Воріонъ, мы обратились къ ѣдѣ и къ уходу за лошадьми, тоже изнуренными и ослабшими до крайности. И проведши тамъ столько дней, сколько пужно было чтобы оправиться, мы снѣшили пойти на Маврокастронъ.

§ 2. Когда же все у насъ было тогда готово и не представлялось никакого препятствія, то около самой полуночи — тогда какъ намъ слѣдовало (утромъ) пораньше выступить — подулъ тогда сильнѣйшій сѣверный вѣтеръ и обрушилась наизлѣйшая вьюга, такъ что можно было думать, что проходы недоступны, что никто не въ состояніи выдержать подъ открытымъ небомъ и что почти невозможно не спасшемуся подъ кровъ остаться въ живыхъ. Устрашенные рѣшили мы бездѣйствовать и здѣсь покоиться.

§ 3. Я это сказалъ своимъ однокашникамъ, что никакъ не слѣдуетъ выйти изъ дому и откочевать отсюда, [и какъ по звѣздамъ было мною показано], когда первая изъ звѣздъ уже виднѣлась на западѣ и (сообразно съ ея природою) сообразно съ нею измѣнялся воздухъ [являясь по природѣ болѣе холодно и снѣжной], — называемая Сатурномъ. А онъ какъ-разъ находился въ началѣ своего прохожденія черезъ Водолея, въ то время какъ солнце пробѣгало зимніе (знаки).

§ 4. И дѣйствительно вьюга поднявшись разъярялась все болѣе,

и случилось, что показавшееся намъ раньше страшнымъ казалось намъ игрушкою въ сравненіи съ воспослѣдовавшимъ: такъ всеильно буря расходилась во всѣ стороны. Прошло достаточно дней, пока наконецъ-таки не пришла снова мысль о возвращеніи на родину, когда и воздухъ оказался благопріятнѣе.

3 Глава.

§ 1. И вотъ мы выступили, блестяще провожаемые туземцами, при чемъ всѣ рукоплескали мнѣ и взирали каждый, какъ на близкаго себѣ, и желали всего лучшаго.

И тогда мы оставили позади себя неполныхъ семьдесятъ стадій, хотя другіе прошли впереди насъ и стоптали главную массу снѣга.

§ 2. На слѣдующій же день мы съ самаго начала подвигались съ величайшимъ трудомъ, какъ-бы въ морѣ борясь противъ снѣга. Ибо дѣйствительно это, казалось, была не какая-то земля, ни даже обыкновенный снѣгъ; но лошадей до шеи не было видно; вьючныя же животныя, хотя и слѣдовали за нами на самомъ концѣ, гибли и многія тамъ остались. Ибо снѣгъ опредѣлялся въ четыре локтя и былъ трудно проходимъ. И многіе изъ проводниковъ вернулись домой, сочтя это явленіе свѣше человѣческой силы.

§ 3. И по истинѣ затрудненіе было какимъ-то изъ необычайныхъ, такъ какъ тягости наступали отовсюду: столь глубокой снѣгъ и густой снизу, сверху же дули самые рѣзкіе вѣтры. Перерыва ни съ какой стороны не ожидалось и не предусматривалось; откуда бы имѣла получиться перемѣна, ибо все оказывалось бесполезнымъ и напраснымъ въ тогдашней бѣдѣ: нельзя было развести костровъ, и снѣгъ даже не давалъ намъ отдохнуть на короткое время.

4 Глава.

§ 1. Постелями же ночью намъ служили щиты; они приходились намъ великолѣпнѣйшимъ образомъ всѣмъ: и койками, и покрывами. Ибо въ нихъ мы покоили свои тѣла при кострѣ, хотя и не яркомъ.

§ 2. Сонъ и сновидѣнія совсѣмъ отсутствовали, какъ будто и они были напуганы. Никто же не выдерживалъ лучше другого; [но бывшіе вчера крѣпче и ободрявшіе другъ друга, сегодня были вялы и унылы] всѣ были, при общемъ злополучіи, какъ душевно, такъ и тѣлесно

одинаково настроены. Одинъ хвалилъ умершихъ, свободныхъ отъ работъ равно и трудовъ; другой скорбѣлъ о будущихъ (поколѣніяхъ или обстоятельствахъ), при какихъ-то бѣдствіяхъ и они проведутъ свою жизнь.

§ 3. Даже развѣдчики утомились побѣжденные массою зла, и не въ силахъ были выйти впередъ, такъ наобумъ идя по снѣгу. А хуже всего было то, что мы шли и по непріятельской землѣ и уже вслѣдствіе этого наше положеніе становилось не безопаснымъ, но зло грозило намъ одинаково какъ отъ зимы, такъ и отъ враговъ.

Отрывокъ 2.

1 ГЛАВА.

§ 1. Тогда только рѣшили мы воевать съ варварами [потому-то и сѣверъ отъ Истра] или, если слѣдуетъ сказать правду, мы изъ опасенія, чтобы они, предупредивъ насъ, не истребили, поднялись и постановили по мѣрѣ силъ сопротивиться имъ, одинаково всѣхъ разорявшимъ и губившимъ безчеловѣчнѣйше, подобно какимъ-то звѣрямъ, проявляющимъ ко всему (всѣмъ) свою ярость.

§ 2. Ибо даже по отношенію къ самымъ близкимъ имъ какъ не присуща была какая-либо пощада, такъ они и не предполагали совершать убійство по какому либо расчету или справедливому рѣшенію; но злостно и безцѣльно они задумали изъ своей [нашей] земли сдѣлать—такъ сказать—добычу мисянъ (т. е. разорить до тла).

§ 3. Ибо извратились прежняя ихъ мягкость и справедливость; ихъ-то уважая раньше болѣе всего, они какъ воздвигли себѣ величайшіе трофеи, такъ и города, и народы добровольно къ нимъ примкнули.

§ 4. Теперь же какъ-будто, наоборотъ, у нихъ проявились несправедливость и произволь относительно подчиненныхъ. И они постановили подвластные города, вмѣсто услуженія и цѣлесообразнаго благоустроенія, поработить и уничтожить.

§ 5. Жалуясь на начальниковъ, какъ и прочно доказывая, что они ни въ чемъ не провинились, эти люди тѣмъ не менѣе не могли избѣжать смерти.

§ 6. Ибо какое-то обиліе, повидимому, зла такъ разразилось, что дѣла людскія, казалось, рушатся и страшнѣйше ниспровергаются какъ бы вслѣдствіе крушенія, или какой-либо бездны неожиданнѣйшей и зловѣщей.

§ 7. Ибо болѣе десяти городовъ лишились жителей, а селеній не менѣе пяти сотъ совсѣмъ опустѣли; словомъ сосѣдняя и близкая къ намъ окрестность была какъ-бы вслѣдствіе бури разгромлена; люди, ни въ чемъ неповинные, защищенные клятвою, сдѣлались добычею рукъ и меча.

2 ГЛАВА.

§ 1. Такую гибель, зло уничтожавшую разомъ всѣхъ и обошедшую нашихъ несчастныхъ сосѣдей, противная судьба привела наконецъ и къ моей области. Мнѣ уже раньше было подозрительно и я принималъ всякую предосторожность, чтобы она не напала нечаянно и подкравшись не сразила насъ на мѣстѣ.

§ 2. Когда же наяву пришла опасность и всѣ ясно сознавали, что наша жизнь теперь въ опасности, я отстранилъ тогдашнюю гибель самымъ умнымъ способомъ, какъ только могъ, хотя я едва не подвергся самой крайней опасности.

§ 3. Съ тѣхъ поръ возникла война безъ объявленія между нами и варварами, при чемъ они не сносились съ нами, хотя я тысячу разъ предлагалъ договоръ, и мы уже имѣли стычки другъ съ другомъ.

§ 4. И война началась тотчасъ, зима же была близка къ наступленію, ибо уже солнце немного отстояло отъ зимнихъ (знаковъ).

§ 5. Между тѣмъ варвары, снаряженные значительнымъ войскомъ, вторглись въ нашу землю съ конницею и вмѣстѣ съ пѣхотою, полагая, что одновременно съ (боевымъ) крикомъ овладѣютъ нами какъ вслѣдствіе непрочности стѣны, такъ и вслѣдствіе нашей оробѣлости.

§ 6. И не безъ основанія они это думали, такъ какъ мы имѣли свое мѣстопробываніе въ разрушенномъ городѣ и дѣлали вылазки скорѣе изъ селенія, чѣмъ изъ города, [но тѣ, потерявъ многихъ изъ своихъ и осрамившись, отступили къ вечеру, ожидая разсвѣта. Ибо пѣхотѣ я тоже противопоставилъ стрѣлковъ, конницѣ же конницу, выстроивъ войско въ два отряда]. Ибо земля была раньше разорена и значительно опустошена самими варварами, при чемъ они снесли стѣны до основанія.

§ 7. И тогда только я первый разсудилъ снова населить Климаты. Поэтому-то я сначала выстроилъ возлѣ нихъ крѣпостцу изъ имѣвшихся на лицо (матеріаловъ), такъ что отсюда легко было отстроить и весь остальной городъ.

Отрывокъ 3.

1 Глава.

§ 1. И она была выстроена съ большею поспѣшностью и ограждена рвомъ; и вмѣстѣ съ этими... (приготовленіями?) и война началась.

§ 2. Распредѣлена была крѣпостца между родами, и въ ней сложили наиболѣе цѣнное; а все, что было излишне, лежало гдѣ-то внѣ въ другой оградѣ города. Ибо уже и городъ весь населялся; крѣпостца же была приготовлена [сохранялась], чтобы спасти насъ въ великой опасности.

§ 3. Но варвары, потерявъ тогда многихъ изъ своихъ и осрамившись, отступили къ ночи, ожидая разсвѣта; я же вмѣстѣ съ зарею вывелъ войско съ намѣреніемъ воевать. У меня тогда было немного болѣе ста конныхъ, а пращниковъ и лучниковъ—свыше 300.

§ 4. Такъ какъ варваровъ нигдѣ не было, я выполнилъ цѣлесообразное, воскрешая старую стѣну и поучая своихъ хорошо подготовиться къ войнѣ. Къ нашимъ же приверженцамъ я послалъ спѣшныхъ вѣстниковъ и пригласилъ ихъ, желая обсудить общее положеніе. [Но боясь, чтобы они снова съ бѣльшею силою не при... и съ войскомъ великимъ не пришли. Когда же собраніе состоялось, что я сказалъ тогда].

2 Глава.

§ 1. Когда же они отовсюду пришли и собраніе изъ лучшихъ (людей) состоялось, что я тогда сказалъ, къ какимъ властителямъ болѣе надлежитъ стремиться и, къ какимъ обратившись, какой выгоды стараться отъ нихъ добиться и что сдѣлать,—и все другое, что я тогда сказалъ, хотя бы я и цѣнилъ больше всего, было бы долго желать рассказать все подрядъ.

§ 2. Они же, либо потому, что никогда-де не были причастны къ царскому благорасположенію, что пренебрегали болѣе греческими порядками и больше всего домогались автономіи; либо потому, что они сосѣди царствующему на сѣверѣ Истра, могучему къ тому многочисленнымъ войскомъ и силою боевой, и что отъ тамошнихъ нравовъ не отличны въ своемъ образѣ жизни,—постановили заключить

съ ними договоръ и передаться, и всѣ сообща подали голосъ, чтобы я же совершилъ таковое.

§ 3. И я отправился, чтобы наше было спасено, и нашелъ его, какъ нельзя было лучше желать. И когда я ему все изложилъ въ возможно краткой рѣчи, онъ счелъ то дѣло болѣе всего важнымъ, мнѣ снова охотно передалъ всю власть надъ Климатами, прибавилъ еще цѣлую сатрапію и даровалъ значительные ежегодные доходы въ своей землѣ.
